РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

"НАУКА"

МОСКВА – 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.С. Степанов (Москва). Функции и глубинное 3
И.М. Богуславский (Москва). "Сандхи" в синтаксисе: загадка *уже не* 19
В.И. Шаховский, В.В. Жура (Волгоград). Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности 38
Е.Ю. Протасова (Москва). Язык русской прессы Финляндии 57

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

О.В. Никитин (Москва). Из истории лингвистической науки 1930–1960-х гг. (переписка С.А. Копорского с коллегами) 71
Г.Ф. Благова (Москва). История среднеазиатско-тюркских литератур и история литературных языков в трудах А.Н. Самойловича послеоктябрьского периода 96

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

В.Ю. Михальченко, Т.Б. Крючкова (Москва). Социолингвистика в России ... 116

Рецензии

В.М. Алпатов (Москва). *Н.Б. Вахтин.* Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига 143
М.А. Осипова (Москва). *Е.А. Земская, М.Я. Гловинская, М.А. Бобрик.* Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты 147
М.М. Маковский (Москва). *В.Д. Девкин.* Очерки по лексикографии 153

Александр Давидович Швейцер (1923–2002) 156

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко,
В.А. Виноградов (зам. главного редактора), *В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо,*
В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский,
Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора),
М.М. Маковский (отв. секретарь), *А.М. Молдован, Т.М. Николаева* (главный редактор),
В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина

Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-25-16

© Российская академия наук,
Отделение литературы и языка РАН, 2002 г.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2002

© 2002 г. Ю.С. СТЕПАНОВ

ФУНКЦИИ И ГЛУБИННОЕ

Речь пойдет о логико-математических аналогиях с лингвистическими понятиями, главным образом в современной семантике и главным образом таких аналогиях, которые группируются вокруг понятия математической (и логико-математической) функции.

Под современной семантикой здесь мы понимаем всю область информации, связанной с использованием естественного языка, т.е. "семантика" здесь – это и имя предмета, и имя науки о нем (как соответственно и "грамматика", "фонетика" и т.п.). Естественно, что для нашей цели нам нет необходимости останавливаться на различиях национальных языков и национальных школ в семантике (тем более, отдельных течений внутри них). Все семантические явления рассматриваются здесь как относящиеся к языку равным образом (т.е. "Все языки как один Язык").

Говоря в общем, состояние в семантике как науке в наши дни характеризуется открытием все более тонких явлений в самом предмете и, соответственно, увеличением количества научных терминов, их именующих. Исследователи знают что-либо о все большем количестве частных предметов семантики. Но, пожалуй, нельзя сказать, что теперь они знают существенно больше, чем раньше, о семантике в целом. Однако, как показывают коллективные устремления исследователей – российских не в последнюю очередь, – они хотят знать все больше о том, что такое "знать" (см. сборник "Что значит знать?" [СНС 1999]). В том же направлении идут усилия американских, британских и австралийских лингвофилософов (сравним хотя бы очерки Х. Патнэма "Как нельзя говорить о значении", «Значение "значения"» и др. [Патнэм 1999]).

Здесь уместно проделать некоторое краткое предварительное рассуждение о стиле самого рассуждения. Как известно, исследователи, работавшие в русле британской аналитической философии, давно уже поставили этот вопрос и ответили на него в своем стиле. Гилберт Райл, столь популярный у наших молодых "философов языка", еще в 1960 г. писал: согласно одной доктрине, «философские споры могут и должны решаться посредством формализации противоположных тезисов. Теория является формализованной, если она переведена с естественного языка (нетехнического, технического или полутехнического), на котором была первоначально создана, на тщательно продуманный символический язык, подобный, например, языку "Principia Mathematica". Утверждается, что логика теоретической позиции может быть подчинена правилам посредством распределения ее неформальных понятий между содержательно нейтральными логическими постоянными, поведение которых в выводе регулируется набором правил. Формализация заменит логические головоломки логическими проблемами, поддающимися решению с помощью известных и передаваемых посредством обучения процедур исчисления. Таким образом, одной из противоположностей слова "обыденный" (в выражении "обыденный язык") является слово "символический" (notational)» [Райл 1998: 171]. Естественно, что Райл как один из создателей аналитической доктрины выступал за иную возможность – использование самого "обыденного языка" также и в этой функции, т.е. за "изучение логического поведения терминов несимволического (нелогического) дискурса".

Конечно, в настоящее время (и притом в контексте российской школы) мы не можем принять целиком решение Г. Райла, но его необходимо учесть. А именно следующим образом. Мы не выбираем ни формализованный язык, ни обыденный язык, а сопоставляем их как два различных дискурса, рассматривая их базовые термины как если бы они подлежали переводу с одного дискурса на другой в некоем воображаемом двуязычном словаре.

Термин "воображаемый" – воображаемый словарь, воображаемая грамматика, воображаемая логика, подобные термину "воображаемая геометрия", часто будут возникать в нашем дальнейшем рассуждении (впрочем, не в этой – первой статье из задуманного цикла). Ключевую роль играет и синонимичный ему термин "виртуальный". Термин "воображаемый" имеет глубокую русскую традицию, – например, "воображаемая логика" Н.А. Васильева и его последователей. Термин "виртуальный" несет в себе динамическую новизну, – упомянем, например, новейший коллективный подход в России "Концепция виртуальных миров и научное познание" [КВМ 2000].

Конкретно предмет настоящей статьи – некий "воображаемый", или "виртуальный", словарик терминов – словарик "обыденно-формальный", обыденный с одной стороны, со стороны обыденного языка, формальный – с другой, со стороны логико-математической. Общим содержанием сопоставляемых терминов (в большинстве случаев, следовательно, пар терминов) является некая общая мыслительная, познавательная ситуация, как она предстает по наблюдениям автора данной статьи. Этот словарик, следовательно, авторский. Но автор надеется, что за сходством сопоставляемых терминов и понятий проступает нечто более глубокое, чем индивидуальный акт наблюдения, некая глубинная а н а л о г и я.

I. НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ФУНКЦИЙ, СУЩЕСТВЕННЫЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

0. Предварительные замечания. В лингвистике слово *функция* имеет два значения: 1) как "назначение, цель того или иного языкового средства в употреблении языка, в его системе в целом" и, конечно, 2) как соответствие логико-математическому понятию "функциональной зависимости". Долгое время эта омонимия терминов рассматривалась просто как явление нежелательное, как помеха (см., например, Р. Якобсон. "Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами" [Якобсон 1965: 377]). В настоящее время эта омонимия снята для целого класса случаев на тех же основаниях, на которых Э. Бенвенистом разрешена (системно объяснена) омонимия французских слов *voler* "летать" и *voler* "воровать", т.е. на основаниях чисто лингвистических как некоторый специальный частный случай языковой семантики, – об этом подробнее в наст. статье ниже, раздел II, 1. Тем не менее функция в первом значении и соответственно "функциональная грамматика" и т.д. здесь не затрагиваются. Мы сосредоточимся на втором значении термина "функция", которое более точно может быть определено так: "Функция есть *операция*, которая, будучи применена к чему-то как к *аргументу*, дает некоторую вещь в качестве *значения* функции *для* данного аргумента. Не требуется, чтобы функция была применима к любой возможной вещи как к аргументу; напротив, в природе всякой функции скорее лежит свойство быть применимой лишь к некоторым вещам и, будучи примененной к одной из них как к аргументу, давать некоторое значение. Вещи, к которым функция применима, составляют *область определения* функции, а значения составляют *область значений* функции. Сама функция состоит в определении некоторого значения для каждого аргумента из области определения функции" [Черч 1960: 24].

Приведем еще один, более конкретный пример из математики.

Элементарное определение функции таково: "Величина y называется *функцией* переменной величины x, если каждому из тех значений, которые может принимать x,

соответствует одно или несколько определенных значений y. При этом переменная величина x называется *аргументом*.

Примером может служить зависимость между температурой кипения воды в естественных условиях (T) и атмосферным давлением (p):

T°C	70	75	80	85	90	95	100
$p^{мм}$	234	289	355	434	526	634	760

" **[Выгодский 1995: 247].**

Общее обозначение функции $f(x) = k$. Поскольку зависимость двусторонняя, то как левая половина в этой записи может быть определена по правой, так и правая по левой; обычное обозначение при этом для первого случая *прямая* функция, для второго – *обратная* (по соотношению с соответствующей прямой). В частности, эта зависимость оказывается очень важна для лингвистики в области так называемой словной функции (см. ниже), когда требуется описать понятия "операторов" – "лямбда-оператора" и "йота-оператора".

Вообще, нас будут интересовать аналогии с лингвистическими понятиями по этой логико-математической линии. В математике понятие "аналогия" входит в такой ряд ("поле") понятий, как "равенство", "сходство", "эквивалентность", "гомоморфизм", "изоморфизм" и некоторые другие. В нашу задачу не входит разбирать их все. Но сразу можно сказать, что со стороны гуманитарных наук понятие "аналогия" входит в другое "поле" – философии и поэтики, более того, оно там и оформилось. Здесь слово *аналогия* употребляется в его обычном общепринятом значении в русском языке.

Логико-математическое понятие функции является в настоящее время, несомненно, центральным по положению в нашей системе рассуждения и содержательно важнейшим для нашей цели. Им вводится целый класс математико-лингвистических аналогий, параллелей и исследовательских ситуаций. Ниже нумеруем их – в порядке возникновения в нашем рассуждении – цифрами от 1 и далее; но эта нумерация все же связана до некоторой степени с иерархией понятий в системе.

Теперь рассмотрим более конкретно группу лингвистических явлений, составляющих параллели, аналоги, аналогии (все эти термины для нас равнозначны) к логико-математическим понятиям, покрываемым общим понятием "Функция" или находящимся в какой-либо существенной связи с ним. Для этого "слева" указываем то или иное необходимое частное понятие функции в математическом смысле или контексте, а "справа" его лингвистический аналог.

Таким образом нижеследующий текст представляет собой своего рода д в у я з ы ч н ы й с л о в а р ь, хотя в типографском отношении входной "левый" термин и "переводной" "правый" могут быть разъединены несколькими строками или даже абзацами.

Лейтмотивом в классе "Функция" является для нас (для лингвиста) идея процесса (вычисления или построения), но, как мы увидим уже в разделе 1, со стороны математики именно ее важность иногда отрицается.

1. Рекурсивные функции и предикаты: процесс и рекурсия. Дж. Литлвуд, рассматривая (резко критически) книгу А.Р. Форсайта "Теория функций комплексного переменного", изданную в 1893 г., но все еще читаемую, цитирует из нее: "Возникновение идеи функциональности вначале было связано с функциями вещественных переменных, и тогда эта идея была равнозначна идее зависимости. Так, если X зависит

от значения x и не зависит ни от какой другой изменяющейся величины, то принято X рассматривать как функцию от x; при этом обычно еще подразумевается, что X выводится из x при помощи ряда операций". Такое изложение, по мнению Литлвуда, навевает "общий кошмар". «В наше время, – продолжает он, – конечно, функция $y = y(x)$ означает, что имеется класс "аргументов" x и что каждому x поставлено в соответствие 1 и только 1 "значение" y. После некоторых тривиальных разъяснений (а может быть, и без них?) мы можем осмелиться сказать, что функция есть просто класс C пар (x, y) (с учетом порядка в скобках), подчиненный (только) тому условию что x в различных парах должны быть различными. (И утверждение "между x и y есть зависимость R" означает просто задание класса, который может быть любым классом упорядоченных пар.)» [Литлвуд 1978: 64, 67].

Если термины "изменяющаяся величина", "выводится", "ряд операций" и т.п. вызывают у Дж. Литлвуда "ощущение кошмара", то он упускает и связанную с ними более общую идею "процесса", хотя бы понятия вычислимости. А эта идея и является в настоящее время самой главной. Остановимся на этом пункте подробнее.

Логики-философы [в частности, работавшие в контексте "Философской энциклопедии" 1960-х гг. в России (СССР)], так рассматривают рекурсивные функции и предикаты. Это «один из важнейших для оснований математики и математической логики классов понятий, служащих уточнениями содержательных понятий эффективно вычислимой арифметической функции и эффективно разрешимого арифметического предиката, а в конечном счете, – и лежащих в основе этих содержательных понятий интуитивных представлений об "эффективной осуществимости" и "эффективной определимости". "Эффективно осуществимым" естественно называть всякий процесс, для выполнения любого шага которого (в нетривиальном случае, когда этот процесс бесконечен) возможна однозначно детерминированная процедура – "алгоритм", "эффективно определимым" – понятие, определимое таким образом, что для решения вопроса об отнесении какого-либо объекта к объему этого понятия также имеется алгоритм. ⟨...⟩ Общее определение "(эффективной) вычислимости" естественно было искать по отношению к функциям, определенным на возможно более простой в каком-либо отношении области, носящей в то же время настолько общий характер, чтобы перенесение выработанных для нее понятий и методов на функции, определенные на более сложных областях, не представляло бы принципиальных затруднений. Подходящей в обоих этих отношениях областью является натуральный ряд чисел 0, 1, 2..., исходя из которого строятся и более сложные и богатые числовые классы ⟨...⟩. "Генетический" способ построения натурального ряда, состоящий в переходе от любого натурального числа n к непосредственно следующему за ним числу n', выраженный в принципе математической индукции, наводит на мысль и об универсальном (для арифметики) характере т. наз. определений по индукции арифметических функций (и предикатов). Примерами таких определений по индукции, или, как их называют, *рекурсивных* (от лат. recursio – возвращаюсь) служит определение функции $\varphi(a, n) = a + n$ (операции сложения) с помощью аксиом

$$\varphi(a,0) = a$$

$$\varphi(a,n') = (\varphi(a,n)')$$

⟨...⟩ и аналогичная пара аксиом для умножения» [Гастев, Шмаин 1967: 487]. Изложенное в приведенной цитате определение в курсах математической логики описывает класс функций, называемых *примитивно-рекурсивными функциями*: "функция $f(t, x)$, содержащая или не содержащая параметр t, называется примитивно-рекурсивной относительно функций $a(t)$, $b(t, x, y)$, если

$$R\begin{cases} f(t,0) = a(t) \\ f(t,Sx) = b(t,x,f(t,x)) \end{cases}$$

(где никакая переменная, встречающаяся в правой части уравнения, не отсутствует в левой части, хотя некоторые переменные и могут отсутствовать в правой части)" [Гудстейн 1961: 73].

Р.Л. Гудстейн обращает внимание на черту аналогии с языком: "Предложение, содержащее свободные переменные, есть *арифметический предикат*" [Гудстейн 1961: 68].

Для лингвистики прежде всего важны две аналогии, связанные с основными единицами естественного языка: предложением (пропозицией) – *пропозициональная функция* и словом – *словная функция*.

2. Числовая функция в математике – Пропозициональная в лингвистике (иначе: высказывательная функция). Под последней понимается предложение как форма высказывания, выражающее некоторое суждение; в общей форме, как функция, предложение не завершено: оно содержит в своем составе незаполненные места, могущие быть заполненными словами или словосочетаниями данного языка; последние являются аналогами обозначений аргументов в числовой функции; при подстановке этих словесных переменных в высказывательную функцию она превращается в нормальное высказывание, истинное в том случае, если аргумент соответствует области определения аргументов для данной функции.

3. Числовая функция в математике – Словная функция в лингвистике. Словная функция представляет собой функцию достаточно специального вида (даже для математиков). В математическом смысле эта функция определяет собой *имя* в логико-математическом смысле термина. Мы назовем ее столь же специальным термином – *словная*. В данной статье мы рассмотрим только один, еще более специальный ее случай, а именно такой, когда слово является именем существительным или именем прилагательным. Но одновременно это и наиболее типичный случай.

В основе этой функции, как для математики, так и для лингвистики, лежит одна и та же широко известная схема, называемая *семантическим треугольником*, или *треугольником Фреге*. (Она была известна уже схоластам XII века, и по справедливости ее нужно было бы называть именем Иоанна Солсберийского (он же Джон из Солсбери), но Фреге дал лучшее исследование ее на конец XIX в.; см. ниже II, 3.) Согласно этой схеме, имя состоит из (1) самого *слова* или знака слова в его внешней стороне – звучания или написания, (2) предмета обозначения, т.е. предмета, обозначаемого этим словом, – *денотата*, (3) *смысла* имени. В математической логике эти три сущности связаны отношениями функции, а именно, так, что *денотат является функцией смысла имени*:

денотат имени $N = f$(смысл имени N) [Черч 1960: 27].

Несколько простых примеров. Для русского языка: смысл слова *экскурсовод* помогает нам найти его денотат, т.е. человека, являющегося экскурсоводом среди толпы людей, бродящих по музею; аналогично – *автоматчика* в толпе солдат; *тяжеловоз* – среди автомашин, заполняющих автостоянку, и т.п. Точно так же в языке математики имя числа *9*, имеющее своим смыслом "три в квадрате", позволяет нам найти денотат этого числа среди чисел *4, 9, 16, 25*... и т.д.

Математические логики не уделяют особого внимания тому обстоятельству, что словная функция действительно является функцией именно некоторого специального вида, ограничиваясь лишь указанием, что она принадлежит к разряду *однозначных сингулярных функций* [Черч 1960: 24]. (*Сингулярная* – зависящая от одного аргумента.) Между тем для математики интерес представляет общий случай – т.е. функции не сингулярные – бинарные, тернарные, вообще m-арные, что для лингвистики, скорее, редкость. (Однако ниже рассмотрим один такой случай, связанный с понятием словной функции и понятием функции актуальной интерпретации – разделы 5 и 6.)

Поэтому для математики в ее аналогиях с лингвистикой более естественны такие случаи, когда значения и аргументов и самих функций образуют множества, или

классы, которые, если и могут быть формализуемы, то по каким-то особым параметрам, лежащим в сфере лингвистики.

Вне этого специального случая (т.е. раздела 5) понятие множества (множества аргументов и функций) в применении к словной функции могло бы появиться разве что в связи с тем, что все слова какого-либо данного (фиксированного) языка рассматривались бы как некоторое разнородное множество, каждое со своей функцией, но потребность в таком рассмотрении, кажется, еще ни у кого не возникала. Итак, мы не будем стараться натужно соединить словную функцию (основу структуры имени) с другими видами функций в их математическом аспекте (ибо этого не делают и сами математики), а просто оставим ее как своеобразную, уникальную.

4. Бинарная словная функция в математике – Сложное слово типа *поэт-агитатор* и подобные в лингвистике. Когда мы говорим "сложное слово *поэт-агитатор* и подобные", то мы имеем в виду русские типы *нефтепровод* (*паровоз* и т.п.), *голубоглазый* и еще некоторые другие (здесь нам важно лишь подчеркнуть, что это большой класс слов). В других индоевропейских языках (здесь мы ограничиваемся только индоевропейскими) есть и другие разновидности, как, например, англ. *stone-wall* "каменная стена", букв. "камень стена", или *stone-wall problem* букв. "каменная стена проблема" (как обозначение лингвистической проблемы, связанной с образованием таких слов). В древнеиндийском (ведийском языке и санскрите) имеется огромный класс таких слов, некоторые разряды которых к тому же занимают промежуточное положение между словами и элементарными синтаксическими конструкциями, которых 4 типа, традиционно обозначаемые терминами древнеиндийской грамматики как *dvandva, tatpuruṣa, karmadhāraya, bahuvrīhi.*

Для нашей цели нам требуется суммарное обозначение таких слов еще до начала их подробного освещения и классификации (что к тому же не является здесь нашей задачей). Но выбрать такое общее обозначение очень трудно (вероятно, большинство лингвистов будет возражать против всякого), поскольку одни называют их "словосложением", другие "основосложением", третьи "сложными словами", четвертые "сложно-составными словами". Как условный термин, как "имя класса", может быть выбрано любое. Во всяком случае имя, идущее от математики, будет, вероятно, подходящим к любому из типов этого класса – "лингвистические типы, покрываемые бинарной словной функцией". Именно на этом названии мы остановимся. С лингвистической стороны лучшим будет, по-видимому, *двуосновное имя*, или *сложное имя.*

Это общее наименование сразу задает нам центр класса – тип рус. *поэт-агитатор.* Именно на этом типе, правда в его французском проявлении – *oiseau-mouche* (жен. р.) букв. "птица-мушка" (колибри), *chien-loup* (муж. р.) букв. "собака-волк" (волкодав), *papier-monnaie* (жен. р.) букв. "бумага-монета, бумага-деньги", и была впервые описана (Э. Бенвенистом в 1967 г.) аналогия с математической функцией в вышеуказанном виде [Бенвенист 1974: 241–258].

В этом типе слов как словной функции (сравним еще рус. *изба-читальня, вагон-ресторан, диван-кровать, рыба-пила* и т.п.) области определения обоих аргументов всегда легко обозримы, это конкретные "индивиды", "вещи", но эти области не симметричны. Классификацию задает всегда первый аргумент: *поэт-агитатор* – это поэт, а агитатор – лишь его дополнительный, характеризующий признак: *изба-читальня* как предмет – это прежде всего именно изба, а читальня – ее назначение (использование); *вагон-ресторан* – это предмет вагон, используемый как ресторан; фр. "собака-волк" – это собака, а не волк, но имеющая признаки волка; и т.д. Первый аргумент задает денотат как предмет, вещь, в прямом значении слова, а второй – его назначение, характер использования или особенность, часто в метафорическом смысле. Сама функция, следовательно, состоит в переводе пары отдельных предметов в один, но сложный. Поэтому несимметричны и отношения внутри уже создавшегося сложного слова – это определительная синтаксическая конструкция: поэт, *который*

является агитатором; изба, *которая служит* читальней; бумага, *которая является* монетой (деньгами), и т.д. Э. Бенвенист тонко подмечает: вся конструкция предполагает особую функцию глагола "быть": «это не логический показатель тождества между двумя классами аргументов, это пропозициональная функция (мы бы сказали скорее "предикат". – *Ю.С.*) формы "*x*, который есть *y*" применяется здесь к реальному предмету, и, однако, референты *x* и *y* несовместимы – что было бы противоречием» [Там же: 244].

Эту характеристику мы могли бы продолжить и сказать, что данный тип наименования создает новое место в классификации явлений ментального мира, поэтому во многих случаях, если не в большинстве, к новым двуосновным именам обнаруживаются какие-либо старые, включающие данный предмет обозначения в какие-либо другие, иногда устаревшие или иного стиля классификации. Например, "диван-кровать" – это диван современного стиля для малогабаритных квартир, "птица-мушка" это птица, которая в научной классификации уже имеет имя – колибри; "поэт-агитатор" – это новый революционный тип поэта, который в эпоху Пушкина связывался с понятием "поэт-пророк" и т.п.

В древней индоевропейской культуре такие формы использовались также для обозначения предметов, сложных или составных, и не имевших иного, простого обозначения, например **u̯iro-pe̯ku* букв. "мужчины-скот" (иногда с обратным порядком компонентов) как обозначение "движимого имущества, богатства"; тип *dvandva* в классическом санскрите *pitárāmātára* "отец-мать". В живых языках этот тип сохраняется – например, рус. *отец-мать (Бесстыдник, отца-мать позабыл);* литов. *tėvas-motina* "отец-мать, отец с матерью".

По-видимому, его более поздней исторической стадией является тип рус. *отец с матерью, брат с сестрой, мы пришли с братом* (т.е. "я и мой брат"), фр. разг. *nous deux Charles* букв. "мы двое Шарль", т.е. "мы с Шарлем", "я и Шарль". Здесь называется сложный, парный, предмет, рассматриваемый как нечто единое, но ведущим компонентом является тот, который называется первым.

Во всех названных языках этот унаследованный тысячелетний лингвистический тип подчиняется тенденциям живого актуального словопроизводства в данном языке.

Так, в современном русском аналогом бинарной словной функции оказываются три такие модели:

1) "классическая" модель: *лесовод, лесосплав, лесосека* и т.п., где "левый" элемент именной, а "правый" – глагольный;

2) современное видоизменение этой модели, где сочетаемость не ограничена таким образом, особенно широка она для "левого" компонента, он превращается в аналог относительного прилагательного (и так и называется в современных русских грамматиках) со значением "относящийся к лесу" (с многочисленными частными рубриками): *лесомассив, лесопитомник, лесосклад, лесооборот, лесобригада, лесостатистика, лесоботаника* и т.п.;

3) второй тип поддержан мощным активным словообразовательным процессом, идущим от неологизмов – сложносокращенных слов с "левым" компонентом группы *гор-, гос-, хоз-, сель-, пром-, сов-* и т.п. и уже уходящими в прошлое *парт-* и *проф-* (по моим наблюдениям, молодежь уже не понимает слова *профсоюз*; хотя, с другой стороны, элемент *сов-* еще живет – *соврубли, совмодели* на выставке готового платья – и породил новое слово *совковый* как резко презрительную характеристику чего-либо; см. подробную характеристику в книге "Русский язык и советское общество. 3. Морфология и синтаксис" [РЯСО 1968]).

Аналогичные явления отмечены в современном французском языке, но, разумеется, частные параллельные процессы там иные, чем в русском, хотя между теми и другими имеется сильное типологическое сходство. И м е н н о й т и п: в нише старинного образца *hôtel Dieu* "странноприимный дом", "божий дом" букв. *Бого-дом*

(ср. рус. *Божедомка*) появляются *pâtisserie-maison* "фирменный торт или пирожное", букв. "выпечка [нашего] дома", *jupe-sport* "спортивная юбка", *fauteuil Voltaire* "вольтеровское кресло"; здесь первоначальные, относительные значения определительного компонента (во французском, в отличие от русского, он – "правый"), превращаются в качественные и очень продуктивны в языке рекламы: *chanson-succès* "хитовая песня", *rythme canaille* "прикольный, заводной ритм", *succès bœuf* "потрясный успех" и т.п. Глагольный тип: в нише старинного образца *parler politique* "говорить о политике" и *voir clair* "видеть ясно" возникают неологизмы, часто прямо в речи, на данный случай: *parler Faulkner* "говорить в стиле Фолкнера" или "без конца твердить о Фолкнере, зациклиться на Фолкнере", и *voir rouge* "видеть все в красном (боевом) цвете", *voter communiste* "голосовать за коммунистов" или "голосовать как коммунисты, по-коммунистически" (подробнее см. [Барышева 1969]).

Чрезвычайно интересный параллелизм явлениям, отмеченным здесь в русском и французском, мы находим в древнеиндийском (в эпическом и классическом санскрите). По-видимому, происходившие там процессы (как класс процессов) полностью аналогичны указанным, но в частностях, конечно, своеобразны, а вместе с тем, как указывают специалисты, еще и не достаточно изучены (см. [Кочерина 1990: 148–152]).

Все три языка в рассматриваемом нами отношении можно объединить: процессы образования и употребления сложных слов названных типов в них активны и динамичны; поэтому помимо типов, фиксированных в стандартных национальных описаниях (для санскрита – Панини, Патанджали и др.), которым легко находится логико-математический аналог в функции указанного в начале типа, необходимо предусмотреть какой-то иной аналог – функцию какого-то иного вида. Мы предварительно назовем ее *функцией актуальной интерпретации*.

5. Сложные слова и Функция актуальной интерпретации. Отличие постулируемой нами функции от указанной ранее, идущей от Э. Бенвениста, "классической" аналогии, будет состоять прежде всего в том, что значения ее составных частей (аргументов), а возможно и значение самой функции недостаточно определенны, или, может быть, лучше было бы сказать не "недостаточно определенны", а "не до конца определены" самими пользователями данным типом слов в языке; это функция с некоторым количеством неопределенных компонентов.

В самом деле, эту особенность рассматриваемых нами слов отмечают все авторы (ниже указываем трех следующих):

Кочергина: "Полное отсутствие притяжательных прилагательных и лишь складывающиеся в пору эпического санскрита прилагательные относительные – факт, свидетельствующий о том, что определение предмета через принадлежность, а также определение через отношение к признаку другого предмета, осуществлялось в древнеиндийском языке каким-то иным способом"; "Своеобразие развития имени в древнеиндийском состоит в том, что первоначально недифференцированное имя закрепилось в языке как имя существительное при отсутствии развития имени прилагательного. Это привело к тому, что основосложение *tatpuruṣa* с последним элементом существительным, т.е. соединение двух имен существительных, стало синтаксическим способом выражения атрибутивности" [Кочергина 1990: 151–152]. Но "синтаксический способ" как раз и означает, что фиксируются лишь рамки возможных значений, а не сами значения во всей их конкретности, – последняя "ad hoc" должна усматриваться пользователями языка из всего контекста высказывания.

Барышева: Рассматривая фр. модель I тип *pâtisserie-maison* "выпечка нашей фирмы", модель II, вариант 4, тип *débat-fleuve* "дискуссия, длинная как река, нескончаемая дискуссия", автор отмечает: «Логические отношения в модели II не так просты, как в модели I, и их ясность уменьшается от первого варианта к четвертому. В модели III тип *réchaud-tempête* "плитка-ураган" (особый тип плитки, ср. "запор-молния") логические отношения не однотипны и еще менее ясны, чем в модели II.

Отсутствие однотипной логической основы и семантическая неограниченность служат косвенным доказательством ее новизны и продуктивности» [Барышева 1969: 6].

"Русский язык и советское общество". Исследователи этого коллектива более оптимистичны в отношении к возможности определенно фиксировать "типы значений" (возможно, потому, что обследуемый язык – их родной русский). Рассматривая (цитированные нами выше) примеры с "левым" элементом *лесо-*, а также с *водо-, зерно-, бензо-, газо-* (в языке наших дней следует выделить *газ-*, ср. *газопровод,* но *газпром. – Ю.С.*), *нефте-, снего-, свето-, торфо-* и др., они отмечают:

«Процесс превращения в отдельное слово у многих из этих элементов не завершен. Само число соединений с существительными у этих элементов уступает числу таких же соединений у единиц *гос-, проф-* и под. Все же и в этой группе есть единицы, полностью ставшие отдельными словами.

В большинстве своем это соединения, допускающие параллель со свободными синтаксическими атрибутивными сочетаниями, подобно тому, как это наблюдалось в соединениях с *гос-, проф-*. Параллели эти либо засвидетельствованные реально, либо легко конструируемые, дают, например, сочетание "*лесо* + существительное" (ср. сочетания "*лесной* + существительное"). Отмеченные примеры касаются следующих семантических групп: а) группы соединений со значением "относящийся к лесу": *лесопосадки, лесонасаждения* – ср. лесные, полевые насаждения; *лесоботаника* – лесная ботаника, *лесовредитель* – сельскохозяйственные вредители; *лесооборот* – товарный оборот; *лесогородок* – университетский городок, медицинский городок; б) группы соединений со значением "предназначенный для работ в лесу": *лесоплуг* – лесной плуг; *лесомашины* – сельскохозяйственные машины, ср. лесная борона, лесной трактор; *лесобригада, лесоартель* – огородная бригада, полевая артель; и т.д. в) группы соединений со значением "относящийся к лесоводству, эксплуатации леса": *лесопромышленность* – лесная промышленность; *лесотрест, лесокооперация, лесообъединение* – лесной трест, лесная кооперация и т.д. Значения здесь варьируются (избираются) позиционно: зная тип значения существительного, можно предсказать, каково будет значение прилагательного *лесо-*» [РЯСО 1968: 121–122].

Нетрудно видеть, что дать сколько-нибудь единообразное определение всем этим типам значений компонентов как "областям определения аргументов", для хорошего сопоставления с соответствующим понятием "функции" в достаточно общем смысле, как функции, сопоставимой с единой формой сложного слова, вряд ли возможно.

Скорее, здесь нужно думать о том, как установить значение вообще данного слова применительно к данному контексту его употребления, что и можно было бы назвать в более общем смысле *функцией актуальной интерпретации.*

6. Функция актуальной интерпретации и понятие "значение слова" вообще. Действительно, эта проблема, причем именно под таким наименованием, поставлена представителями американской семантической школы, мы имеем в виду прежде всего важную для нашей цели работу Барбары Холл Парти [Холл Парти 1983: 291 и сл.]. Нам близок и общий контекст, в котором введен этот термин "установление функции актуальной интерпретации". «Вообще, – пишет этот автор, – можно сказать, что для каждого термина (имени. – *Ю.С.*), введение которого в английский язык хотя бы частично было основано на явно указательном или местоименно-указательном акте "фиксации референции", интенсионал этого термина частично устанавливается на основе свойств объекта (или объектов) реального мира, первоначально вовлеченных в акт введения термина. В таких случаях незнание говорящим экстенсионала, термина или "причинной истории" термина ведет к незнанию интенсионала, но не мешает термину и м е т ь интенсионал в языке говорящего. Поэтому вполне имеет смысл, а возможно и истинно, утверждение, что носитель языка в общем случае н е з н а е т полностью своего языка. (Далее мы обсудим, каким образом получается так, что коммуникация обычно не нарушается этим недостатком знания.)» Как видим, это

рассуждение полностью соответствует тому положению дел, о котором мы говорили в предыдущих разделах.

Но здесь мы не будем углубляться в эту специальную проблему. Укажем лишь, что она плодотворно обсуждается далее в российской философии языка, причем контекст обсуждения за прошедшее время существенно расширился, – см., например, коллективный сборник "Концепция виртуальных миров и научное познание" [КВМ 2000], в связи с нашей темой в особенности [Родин 2000].

7. Семантический треугольник и абстрагирование его компонентов ("сторон") в виде математических операторов абстракции. Семантический треугольник описан в разделе 3 в виде математического понятия "словной функции", и только в рамках этого понятия имеет смысл рассуждать об отвлечении (абстрагировании) сторон треугольника. Сказанным утверждается лишь общая возможность абстрагировать эти стороны, делая каждую из них особым абстрактным и одновременно формализованным объектом. Частных возможностей, очевидно, – три.

7а. Оператор абстракции, или **лямбда-оператор**. (Он обозначается греческой буквой лямбда, λ, как λ-оператор.) Посмотрим еще раз на общую формулу словной функции

денотат имени $N = f$(смысл имени N).

Лямбда-оператор выделяет то, что идет в этой формуле после знака равенства, справа от него. Т.е. самое сокровенное в словной функции, в обозначаемом таким образом имени, самое его существо, то, что делает его именем данного денотата. Например (см. раздел 3), если *экскурсовод* – это имя человека, то словной функцией этого имени является его смысл – "человек, водящий экскурсии", а далее извлекая тот смысл (в общем, можно сказать, – тот признак, на котором этот смысл основан), т.е. абстрагируя само значение данной словной функции, мы получаем "водить экскурсии". Это и будет результатом применения операции абстракции, т.е. лямбда-оператора, в данном случае.

Лямбда-оператор естественно становится, за пределами математики, кратким обозначением целой проблемы истории культуры, на которой мы кратко остановимся в конце.

7б. Оператор дескрипции, или иота-оператор. (Он обозначается перевернутой греческой буквой иота ι, как ι-оператор), и читается так: "тот x, который описывается данной словной формулой" (формула в общем виде приведена выше).

Взглянем еще раз на пример функции, приведенный выше в разделе "0. Предварительные замечания", – зависимость между температурой кипения воды (Т) и давлением (р). На первый взгляд может показаться, что оператор дескрипции здесь будет описывать аргумент "вещественно" – как "вещь", имеющую некоторое свойство (т.е. так, как делает Н.И. Кондаков в своем "Логическом словаре" [Кондаков 1971: 354]. Но в действительности – нет: оператор дескрипции здесь действует "номиналистически" – он описывает только ч и с л о (которое в следующем ярусе отношений уже указывает на то или иное материальное, вещественное свойство).

После того, как мы охарактеризовали два оператора, мы должны увидеть естественным образом и третий.

7в. Третий абстрактный оператор – оператор формы знака. На схеме "треугольника": он не может быть обозначен никакой линейкой, он связан с самой формой знака и скорее всего должен быть символизирован самим же этим знаком (без всякой "линейки" от него к чему бы то ни было). Тем не менее, этот невыраженный, "невидимый", оператор используется и в самой математике и особенно в математической логике и семиотике под названием "автонимное употребление слова", – употребление слова для обозначения самого себя, например, *Слово "число" состоит из пяти букв*. Понятно, что этот оператор приобретает большую роль в экспериментах со словом – в экспериментальной поэзии и в ее теории – поэтике (см. об этом [Фещенко-Такович, в печ.]), например, в так называемом "автопоэзисе".

8. Иота-оператор и сложное слово типа бахуврихи. Аналогия данного типа индоевропейского сложного слова с математической функцией обнаружена также Э. Бенвенистом в уже упомянутой работе [Бенвенист 1974а], но с каким именно видом функции, им не было указано. И мы развиваем эту отсутствовавшую линию здесь.

Математики (в отличие от лингвистов и семиотиков) уверены в непогрешимости своих формальных описаний (которые на самом деле могут быть двусмысленными). В данном случае – взглянем еще раз на общую формулу словной функции: что обозначает выражение "имя *N*"?

Во-первых, в схеме "треугольника" оно может обозначать ту связь, ту "линейку", которая идет к вершине "предмет", к обозначаемой словом вещи, предмету, денотату. Тогда "имя *N*" надо понимать так: "имя, относящее к вещи *N*", а операция дескрипции этого "имени *N*" будет пониматься как "описание той вещи, именем которой является *N*". Некоторые авторы так это и понимают, например: «Если $A(x)$ есть одноместный предикат, то образованный от него с помощью оператора дискрипции терм записывается так: $\iota\, x A(x)$, который читается: "тот предмет x, который обладает свойством А"» [Кондаков 1971: 354]. Назовем это *реальным*, или *вещественным*, пониманием оператора дескрипции.

Во-вторых, в схеме "треугольника" выражение "имя *N*" можно понимать как ту "линейку", которая ведет к вершине "имя", т.е. обозначает само слово *N* (или другой знак, использованный автором описания на месте *N* и обозначенный им подобно *N*). Тогда оператор дескрипции понимается как описывающий не предмет (денотат), а знак этого предмета, один из его внутренних параметров (точно так же, как оператор абстракции описывает другой из его внутренних параметров). Назовем это *номинальным*, или *номиналистическим*, пониманием оператора дескрипции.

В исследовательской работе при формализации удобнее в одних случаях понимать этот оператор одним, в других случаях – другим из указанных способов. В общем, дело обстоит, по-видимому, так. Если оператор дескрипции относится к чисто числовой функции (или функции, сводимой к чисто числовой), то его удобнее понимать "номиналистически". Если оператор дескрипции относится к какой-либо логико-математической функции, то его удобнее понимать "реально", или "вещественно". (Так, например, в случае пропозициональной функции. Развернутый пример такого рода мы даем ниже в связи с проблемой этимологии, – раздел II, 1).

Сложные имена, называемые бахуврихи (bahuvrīhi) – широко распространенный тип: рус. *широкоплечий*, англ. *blue-eyed* "голубоглазый", греч. ’αργυρό-τοξος "(бог) сребролукий" и т.п. Этот тип основан на стяжении двух синтаксически различных предложений. Одно из них – предикативное предложение качества: "лук – серебряный"; другое предикативное предложение принадлежности: "серебряный лук принадлежит тому-то (x)". Атрибутивное предложение имеет своим признаком предикат существования "быть у (принадлежать)" (*être à*), который необходимо предполагает носителя атрибута, выраженного или невыраженного, актуального или потенциального "быть у (принадлежать)". Это свойство и определяет синтаксическую структуру бахуврихи. «Существенно различение двух планов предикации. Природа этих планов неодинакова:

– предикация качества "лук серебряный" (в греч. ’αργυρό-τοξος "сребролукий") является синтаксической функцией, устанавливаемой между знаками;

– предикация атрибуции "серебряный лук у... (принадлежит тому-то)" является семантической функцией, устанавливаемой между знаками и референтами (т.е. денотатами. – *Ю.С.*)» [Бенвенист 1974: 253].

В отличие от Э. Бенвениста, мы не склонны видеть здесь различие синтаксической и семантической функций. По нашему мнению, в обоих предложениях функция одна и та же – семантическая. Как предикат "серебряный" приписывается луку, так и предикат "имеющий то-то" приписывается (затем) некоторому носителю, обладателю. Одна и та же функция выполняется последовательно два раза: перед нами, скорее,

явление повторяемости, рекуррентности функций, как некоторый специальный случай рекурсивной функции.

Существенный материал по этой теме содержится в работе [Seiler 1960], но его анализ выдержан там в иной, нестандартной и очень сложной методике; ее разбор потребовал бы специального пространного этюда.

II. ФУНКЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ГЛУБИННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЯЗЫКА

1. Этимология. Лингвистические термины "грамматика" (также "фонетика" и др.) двузначны: они обозначают раздел языка, предмет и науку об этом предмете. Так же и этимология.

Этимологию как предмет (аспект, параметр и т.д. языка) мы определим следующим образом: этимология есть соотношение данного слова языка (в данный исторический момент, в "данной синхронии") с соответствующим словом в предшествующий исторический момент, в другой синхронии, следовательно, соотношение двух синхроний – диахрония. Этимология как дисциплина ("наука" об этом предмете) есть разыскание лингвиста, в большинстве случаев представляющее собой гипотезу.

В ядре этимологии как гипотезы, в ее внутренней структуре, мы можем обнаружить некоторую ф у н к ц и ю; этот вопрос и составляет содержание данного раздела.

Пример исследовательской ситуации в этимологии: латинское texō и др. Латинское *texō* "ткать" VS старославянское и древнерусское *тесати, тешу; тесла* "особый род топора". Знак VS (от латин. versum) означает противопоставление в рамках какого-либо общего основания. Что индоевропейские слова, стоящие в приведенном примере справа и слева от знака VS противопоставлены, но объединены в рамках некоторого общего основания, – ни у кого из лингвистов не вызывает сомнений. Но каково это основание, а также "левая" или "правая" позиция представляют более ранний этап, – это и является предметом разысканий, этимологических гипотез.

Вот как описывают эту исследовательскую ситуацию А. Эрну и А. Мейе [Ernout, Meillet 1967: 690]: латин. *texō*, *texere* "ткать", *t. tēlam* "ткать ткань", *tēla* "ткань" от того же глагольного корня **texla*; "говорится не только о ткани, но о всяком произведении ручного труда, где материальные части переплетаются или сочленяются перекрещиваясь": *t. robōre naves* (Вергилий) букв. "оплетать корабли дубовым тесом"; *textrīnum* "строительная площадка, верфь" и т.п., также переносное – "плести слова, речи", *textus* "связное изложение, текст". Имеется индоевропейский корень, означающий "работать топором, плотничать", ведийск. *takṣ-* и т.д. Латин. *tex-* можно было бы сблизить с ними только в предположении какого-либо исходного смысла, весьма расплывчатого; сравнить также греч. τέχνη "мастерство, умение, способ, прием" – "техника"; "но ничто не позволяет постулировать такой общий смысл". «"Рубить топором, тесать" и "ткать" не сводимы ни к какому общему смыслу», – замечает А. Мейе в другом месте.

Новаторство Э. Бенвениста и состоит в том, что он отказывается от поиска таких "общих смыслов": этимология лежит не в области "смыслов", а в области "денотатов". Мы снова подошли здесь к нашей теме функции.

Вернемся еще раз к формуле словной функции (см. выше):

денотат имени $N = f$(смысл имени N).

И при подходе Бенвениста эта формула по-прежнему верна – денотат имени, его "значение", определяется согласно формуле смыслом имени, но смысл, в частности в операторе дескрипции, нужно трактовать не "номинально", не "номиналистически", а "реально, вещно" (см. выше I, 8). Смысл нового, стихийно создающегося слова состоит не в "умозрительном" выведении нового смысла из предыдущего, "старого", – в данном случае не в выведении смысла "тесать топором" из "ткань" или же в обратном порядке смысла "ткать" из смысла "тесать топором", – а в том, что каждый из этих двух смыслов исторически, в "реальном" отношении возник из соответст-

вующей техники – смысл "ткать" из технологии ткачества, а смысл "тесать" из работы топором. Но в "номинальном" отношении каждый из этих смыслов заново определяет свой денотат – новые слова и вещи в новой синхронии.

В "формализаторском" смысле можно сказать, что словная функция, в ее данном примере, – это *функция с переменными областями определения аргументов* – из области ткачества, из области работы топором и, возможно, еще из других областей.

Их реальное, диахроническое соотношение открыто О.Н. Трубачевым в его известной работе "Ремесленная терминология в славянских языках" [Трубачев 1966: 18–19]. "Не будучи выделено в особый раздел, плетельное искусство и его лексика присутствует как осязаемый субстрат в терминологии и технологии таких ремесел у славян, так текстильное, плотничье и гончарное ⟨...⟩ Элементы техники плетения и связанная с этим лексика пронизывают текстильное, плотничье и гончарное производство и связанную с ними терминологию в славянских языках".

"В связи с этим общая схема реально-семантических субстратов славянской ремесленной терминологии будет выглядеть следующим образом:

	плетение	
	текстильная	терминология
	плотничья	"
	гончарная	"
	кузнечная	"
	связь с огнем	

Как уже было сказано, ткачество более всего напоминает плетение. Если продолжать далее это сравнение реального плана, то связь, например, плотничества и плетения уже не так очевидна, а для того, чтобы знать о связи гончарства с плетением, нам, как увидим ниже, нужно прибегать к изучению ископаемых остатков и современных культурных реликтов, т.е. необходимо специальное научное исследование". "Мы видим здесь, продолжает О.Н. Трубачев, – проявление автономности реального и языкового планов. Напомним, что ткачество – родное детище плетения, тогда как плотничество и особенно гончарство – далеко эволюционировавшие родственные отрасли производства. В диахронической терминологии как раз наоборот: следы связи с плетением наиболее ярко и полно реконструируются для лексики гончарства, менее четко – для плотничества и минимально – для терминологии ткацкого производства" [Там же: 19]. То что схематизировано на рис. О.Н. Трубачева для нас в нашем рассуждении является обозначением различных переменных областей аргументов рассматриваемого примера функции.

Резюмируем теперь всю проблему этимологии еще раз, в совсем простом виде, по Э. Бенвенисту. Два французских глагола *voler*(1) "воровать" и *voler*(2) "летать" не возводятся ни к какой общей этимологии в области смыслов, как бы хитроумно эти смыслы ни соединять. Их этимология лежит в области денотатов – в соколиной охоте Средневековья: сокол 1) "летит" и 2) "хватает, присваивает добычу" [Benveniste 1954; Бенвенист 1974: 332].

2. Функции с переменными областями определения аргументов и Синонимичные лексемы естественного языка с каким-либо вариативным существенным признаком. Простым примером из русского языка может служить пара *лизоблюд // блюдолиз*. Оба эти слова разнозначны, но тенденция (модель) такова, что слово с начальным ("левым") глагольным элементом в русском языке образуется редко и, в случае, если оно появилось, – это скорее актуальное производство, на данный случай, и означает качество преходящее. Напротив, слово со вторым ("правым") глагольным компонентом означает скорее качество постоянное или деятельность, профессию, постоян-

ный род занятий как лесовод, садовод, машиностроитель, электровоз и т.п. Так же и в греческом языке: φερέ-οικος "несущий свой дом" и οἰκο-φόρος "носящий свой дом", оба в сущности означают одно и то же, человека по его данному признаку – "кочевник", "язычник". Однако первое из них выделяет его по его преходящему, актуальному в данной связи качеству, а второе – по его качеству постоянному.

Отметив это различие, Э. Бенвенист поставил его далее в параллель с постоянными параметрами индоевропейской языковой системы – двумя родственными по происхождению, но различными суффиксами – *tor* безударный, обозначает человека как "автора" того или иного действия, по его данному, преходящему признаку, аналог определения-прилагательного; *tér* – всегда ударный, обозначает человека по его сущностному, врожденному или дарованному богами, судьбою и т.д. признаку, как носителя постоянного свойства. [Бенвенист 1974: 249–250; Benveniste 1975: 52]. Например, ἰατήρ "целитель, человек, обладающий целительной силой", ἰάτωρ "исцелитель, человек, названный так по произведенному им, хотя бы и однократному, акту".

Идя по пути, намеченному Э. Бенвенистом в связи со словной функцией, мы далее обнаруживаем это различие двух типов свойств как глубинный, скрытый параметр русского языка (и вообще индоевропейских), как одну из скрытых языковых категорий (соответствующий термин английской семантики covert categories). (Сущностное после знака VS.)

Сравним: *врач, лекарь* VS *врач божьей милостью; поэт* VS *поэт божьей милостью; актер* VS *актер на все времена* (неологизм) и т.п.; *рожать, родить* (о женщине, о земле) (несов. вид *родить* в этом значении о женщине всегда, а о земле чаще всего – с ударением *роди́ла*; сов. вид о женщине всегда, а о земле может быть с ударением *родила́*) VS *родить* (также о мужчине) *Он и детей родит только по разрешению начальства*; и т.п.

Целая группа и.-е. слов связана со значением корня **prē̥-sk-*, которое можно определить как "свободно развивающийся, не стесненный вмешательством человека (в современном языке мы бы выразились так: органически развивающийся)". В русском от него пресный // прѣсный, например *пресное тесто, пресный хлеб* "неквашеное тесто, хлеб из неквашеного теста", также *пресный мед* "натуральный", противопоставляется "ставленый мед, мед кислый, питный, вареный". В немецком *frisch* "свежий, бодрый". Но французский дает более сложную картину: франц. *frais, fraîche*, восходящее к германскому, означает тоже "свежий, бодрый", но в применении к пищевому продукту молочного характера *crême fraîche* букв. "свежие сливки" – как раз обратное "сметана, закисшие сливки"; базовое значение корня при этом обозначении сохраняется, так как "свежие" в этом сочетании означает "превратившиеся в сметану, закисшие естественным путем, без какой-либо обработки". В древнегреческом Э. Бенвенист обнаружил такое же обозначение естественного процесса τρέφειν γάλα букв. "кормить молоко", т.е. заквашивать, створаживать его естественным путем. Далее на этом основании Э. Бенвенист раскрыл первоначальное значение корня глагола τρέφ- «дать развиться (букв. "вскормить") естественным путем, дать развиться тому, что может развиваться само» [Бенвенист 1964: 335; Benveniste 1954].

3. Кое-что из истории культуры. Треугольник функций, "семантический треугольник". Его исторический прототип (идея Иоанна из Солсбери).

Иоанн из Солсбери (ок. 1110 – ок. 1180), называемый также Иоанн Солсберийский, Ioannis Saresberiensis – англичанин из Солсбери, правоверный католик, стал в конце жизни епископом Шартра во Франции, и прославился как один из самых образованных и тонких писателей-философов своего времени. В одном из своих двух знаменитых сочинений в "Metalogicus" ("Металогик", по-гречески в ср. роде "Metalogicon") Иоанн из Солсбери формулирует идею, которая может считаться первым выражением "семантического треугольника" ("треугольника Фреге") и одновременно логическим основанием принципа "Весь мир театр". "Семантический треугольник", как уже было сказано выше, представляет собой схему, которая связывает три сущности –

"слово", его "денотат", т.е. "вещь", которая словом называется, и его "сигнификат", или "смысл", т.е. "понятие" об этой вещи. Слово н а з ы в а е т вещь и о з н а ч и - в а е т (сигнифицирует) понятие об этой вещи.

Иоанн выражает это так: "Item Aristoteles: Genera, inquit, ad species, circa substantiam, qualitatem determinant: non enim simpliciter *quid*, sed quodam modo *quale quid* determinant. Item in Elenchis: homo et omne commune, non *hoc aliquid*, sed *quale quid*, vel *ad aliquid aliquo modo*, vel *huiusmodi* quid significat. Et post pauca: manifestum quoniam non dandum *hoc aliquid esse*, quod commune praedicatur de omnibus, sed aut quale, aut ad aliquid, aut quantum, aut talium quid, significare. Profecto quod non est *hoc aliquid*, significatione expressa non potest explanari quid sit. Existentium enim à natura certus est finis, et singula suis ab invicem proprietatibus discreta sunt, sed eorumdem est plerumque minus finita cognitio, et quodammodo conceptio vaga. Nec istis praeiudicat, quod fere in omnium ore celebre est, aliud scilicet esse quod apellativa significant, et aliud esse quod nominant. N o m i n a n t u r s i n g u l a r i a, s e d u n i v e r s a l i a s i g n i f i c a n t u r" (Metalog., Liber II, Cap. XX [Ioannis Saresb., 1639: 825]. – (Курсив автора, разрядка моя. – *Ю.С.*] – "Так же и Аристотель: Роды и виды, – говорит он, – в отношении к субстанции определяют ее качественно: не просто *что*, а некоторым образом *какое [это] что*. И так же в определениях [в том числе, отрицательных. – *Ю.С.*]: человек и любой вообще названный предмет, не *данное нечто*, а *какое [это] нечто*, или *к данному нечто каким образом относящееся* или *таким-то образом* это нечто означено. И еще вот что: то, что обычно предицируется о любой данной вещи, означает не то, что *это нечто существует*, а то, какое оно, или к чему относится, или в каком количестве, или такого-то разряда. В самом деле, полностью выраженное означивание того, *чем данное нечто не является*, не может объяснить, что́ это (о какой вещи идет речь. – *Ю.С.*). Ибо для [каждой из] существующих вещей [ее] предел установлен природой, и каждая отдельная из них извлекается из множества данных вперемежку качеств, но зато познание их [сути] по большей части менее определенно, а [общий] концепт их некоторым образом расплывчат. Не противоречит этому и то, что у всех почти на устах, а именно, что одно дело знать, что значат нарицательные имена существительные, и другое дело – что они называют. И б о е д и н и ч н ы е в е щ и н а з ы в а ю т с я, а о б щ е е (у н и в е р с а л и и) о з н а ч и в а е т с я".

Последняя, выделенная нами фраза, и выражает суть логического учения Иоанна Солсберийского, да, пожалуй, и всех схоластов после XII в. На этом замечательном тезисе основывали свои логико-лингвистические концепции Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914) (посмертно опубликованная работа "Экзистенциальные графы. Мой шедевр"), Р.О. Якобсон (1896–1982) (работа "В поисках сущности языка" [Якобсон 2001: 125].

Этот же тезис Иоанна Солсберийского выражает и логическую основу убеждения "Весь мир – театр": ведь если имя лица, как и всякое имя существительное нарицательное, в одном отношении – к вещи – именует, а в другом отношении – к сути этой вещи – означивает, то здесь и лежит основа маскарада имен, основа театра: человек является одним по своему наименованию; но может быть чем-то вовсе другим по своей сути; имя – лишь маска актера, облик его персонажа. Человек является одним по своей сути, но вынужден играть кого-то другого по своей роли в жизни. Поэтому Иоанн колеблется, назвать ли такое положение человека "Комедией" или "Трагедией".

Именно по этой, "театральной" линии идея Иоанна восходит к предшествующим ему моральным учениям европейских стоиков – Сенеки и Эпиктета и служит связующим звеном с последующим – с театром Кальдерона, Лопе де Веги и Шекспира.

Шекспир, в отличие от Иоанна, не колеблется, он просто пишет на фронтоне своего театра "Глобус". "Totus mundus agit histrionem" ("Весь мир актерствует").

Таким образом, все рассмотренные здесь функции (не исключая и математических) – это *выражение переменных аналогий мира*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барышева И.В. 1969 – Активные сопряженные процессы при образовании сложных слов и словосочетаний в современном французском языке (типы bateau-mouche, brise-glace, voter communiste). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1969.

Бенвенист Э. 1974 – Общая лингвистика. М., 1974.

Бенвенист Э. 1974а – Синтаксические основы именного сложения // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974а.

Выгодский М.Я. 1995 – Справочник по высшей математике. Изд. 13-е. М., 1995.

Гудстейн Л.Р. 1961 – Математическая логика. М., 1961.

Гастев Ю., Шмаин И. 1967 – Рекурсивные функции и предикаты // Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967.

КВМ 2000 – Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб., 2000.

Кондаков Н.И. 1971 – Логический словарь. М., 1971.

Кочергина В.А. 1990 – Словообразование санскрита. (Префиксация и основосложение). М., 1990.

Литлвуд Дж. 1978 – Математическая смесь. Изд. 4-е. М., 1978.

Патнэм Х. 1999 – Философия сознания. М., 1999.

Райл Г. 1998 – Обыденный язык // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. М., 1998.

Родин А.В. 2000 – Именование как событие: от возможных миров к виртуальной среде // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб., 2000.

РЯСО 1968 – Морфология и синтаксис современного русского литературного языка // Русский язык и советское общество. М., 1968.

СНС 1999 – *Что значит знать*? Сборник научных статей. М., 1999.

Трубачев О.Н. 1966 – Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.

Фещенко-Такович В.В., в печ. – *Грамматика может быть создана заново.* – Экспериментальная поэтика Гертруды Стайн, в печати.

Холл Парти Б. 1983 – Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность // Семиотика. М., 1983.

Черч А. 1960 – Введение в математическую логику. Т. I. М., 1960.

Якобсон Р. 1965 – Итоги Девятого конгресса лингвистов // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965.

Якобсон Р. 2001 – В поисках сущности языка // Семиотика. Антология. М., 2001.

Benveniste E. 1954 – Problèmes sémantiques de la reconstruction // Word. V. X. 1954. № 2–3.

Benveniste E. 1967 – Fondements syntaxiques de la composition nominale // BSLP. T. 62. 1967.

Benveniste E. 1975 – Noms d'agent et noms d'action en Indo-européen. P., 1975.

Ernout A., Meillet A. 1967 – Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Quatrième éd. P., 1967.

Ioannis Saresberiensis 1639 – Policraticus, sive De nugis Curialium et vestigiis Philosophorum, libri octo. Accedit huic edicioni eiusdem Metalogicus. Lugdini Batavorum. Ex officina I. Maire, 1639.

Seiler H. 1960 – Relativsatz, Attribut und Apposition. Wiesbaden, 1960.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2002

© 2002 г. И.М. БОГУСЛАВСКИЙ

"САНДХИ" В СИНТАКСИСЕ: ЗАГАДКА *УЖЕ НЕ*

1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ[1]

Отправной точкой для этой работы послужил один задевший меня пример. В "Медном всаднике" Пушкина есть такие строки:

(1) *Он также думал, что погода*
Не унималась; что река
Все прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли,
И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен.

Этот фрагмент звучит настолько гладко, что не сразу замечаешь, что в нем есть нечто необычное. Мысль Пушкина совершенно ясна: герой считал, что мосты через Неву, скорее всего, уже сняты. Странность этого примера связана, очевидным образом, со словом *уже*. В современном языке построения типа (2) невозможны.

(2) **Едва ли с Невы уже не сняли мостов.*

Они невозможны не только в русском, но и в других языках. Во всяком случае, вряд ли является случайностью, что ни один из переводов "Медного всадника" на другие языки, которые нам удалось отыскать, не содержит в соответствующем месте выражения ‘уже не’:

нем. *Er dachte, dass des Wetters Miene*
Noch immer drohend; dass die Flut
Noch stiege; dass bei solchen Wogen
Man wohl die Brücken aufgezogen,
Und dass er zwei, drei Tag lang nicht
Mehr säh Parashas Angesicht.
(Перевод Й. фон Гюнтер);

англ. *...That he had been*
A clerk for two years; he also thought the weather
Was not becoming any calmer; that
The river was still rising; as like as not,
The bridges on the Neva have been raised,
And for two or three days he would be cut off
From Parasha.
(Перевод Д. Томас);

[1] Работа была подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант 01-07-90405.

франц. *Et de même, il pensait que le mauvais temps*
Ne se calmait pas; que le fleuve
Montait toujours; que c'était de justesse
Que l'on avait pas encore enlevé les ponts de la ***Néva***
Et qu 'il sera séparé de Parasha
Pour deux ou bien trois jours.
(Перевод Г. Жуен);

итал. *Pensava anche che il tempo*
Non si calmava; che il fiume
Cresceva sempre; che era ben difficile
Non avessero già levato i ponti
E che lui resterebble da Parascia
Separato per due, per tre giorni.
(Перевод Т. Ландолфи);

польск. *I myślał jeszche o tej burzy,*
Wsłuchany w zawieruchę złą;
O tym, że wzbiera rzeka wzdęta,
Że już z niej pewno mosty zdjęto
I że przez dwa, trzy dni nużące
Będzie z Paraszą swą w rozłącte.
(Перевод Ю. Тувима);

чешск. *Že slouží jen dva roky; škoda*
je taky, – myslil, – nepohoda,
že přestat nechce: tyto dny
povodeň stále stoupá: mosty
přes Něvu brzy stáhnou; k zlosti –
tak neuzří dva, tři dny teď
Parašu – zatraceny svět!
(Перевод Б. Матезиуса).

Чтобы выразить нужное значение по-русски, мы должны были бы вместо ***уже*** употребить *еще*:

(3) *Едва ли с Невы еще не сняли мостов.*

Употребление *еще* вместо *уже* под отрицанием является очень строгим правилом русского языка, и нет оснований считать, что дело обстояло иначе во времена Пушкина. Если мы хотим подвергнуть отрицанию суждение с *уже*, например, *Ребенок уже заснул*, мы категорически не можем просто ввести в предложение частицу *не*. Мы обязаны при этом заменить *уже* на *еще*:

(4а) **Ребенок уже не заснул.*
(4б) *Ребенок еще не заснул.*

Тогда возникает следующий интригующий вопрос: как интерпретировать сочетание *уже не* в пушкинском тексте? Действительно ли в (1) нарушена столь строгая закономерность, и если да, то почему пушкинские строки не режут современное ухо, а производят впечатление лишь некоторой необычности? Попытка ответить на этот вопрос позволит нам посмотреть на обнаруженное явление в более широкой перспективе и провести некоторые аналогии.

2. "*УЖЕ*", "*ЕЩЕ*" И ОТРИЦАНИЕ

Как мы видели, интересующее нас употребление слова *уже* затрагивает область, охватываемую частицей *еще*. С другой стороны, непосредственное отношение к делу имеет и отрицание. Поэтому предварительно следует остановиться на том, как соотносятся слова *уже*, *еще* и *не* [Богуславский 1996: 255–302]. Интересные взаимоотношения значений типа *уже* и *еще* с отрицанием были замечены давно и на материале разных языков. Эти слова не являются антонимами в строгом смысле слова. Как известно, два основных типа антонимии тесно связаны с отрицанием [Апресян 1974]. Антонимы I рода строятся на так называемом внешнем отрицании (*P – не P*), например: *присутствовать – отсутствовать* ('не присутствовать'), *мокрый* ('содержащий влагу') – *сухой* ('не содержащий влаги'). Различие между антонимами II рода сводится к внутреннему отрицанию (*P – P не*), например: *начать – кончить* ('начать не'), *приклеить* ('контакт начал иметь место') – *отклеить* ('контакт начал не иметь места'). Слова типа *уже* и *еще* демонстрируют смешанный тип соотношения. Они различаются одновременно и на внешнее, и на внутреннее отрицание.

(5а) *Он уже спит* = 'неверно, что он еще не спит'.
(5б) *Он еще спит* = 'неверно, что он уже не спит'.
(6а) *неверно, что уже P = еще не P*.
(6б) *неверно, что еще P = уже не P*.

Такой тип соотношения значений называется двойственным, или дуальным. Именно так соотносятся, например, слова *требовать – разрешать*, *возможно – обязательно*, *можно – обязан*, *все – некоторые* и др. [Падучева 1990: 355]:

(7а) *требовать* ('не разрешать не') – *разрешать* ('не требовать не').
(7б) *возможно* ('не обязательно не') – *обязательно* ('невозможно не').
(7в) *можно* ('не обязан не') – *обязан* ('не можно не').
(7г) *все* ('не существуют такие, которые не') – *некоторые* ('не все такие, которые не')[2].

Соотношение между словами *еще* и *уже* можно наглядно представить следующим образом. Изобразим с помощью Таблицы 1 связи, соответствующие внешнему и внутреннему отрицанию, отталкиваясь, например, от слова *уже*. Пусть клетки, соседствующие по вертикалям, соотносятся по типу внешнего отрицания, а соседствующие по горизонтали – по типу внутреннего:

Таблица 1

внутреннее отрицание →

внешнее отрицание ↓

'уже P'	'уже (не P)'
'не (уже P)'	'не (уже (не P))'

[2] Соотношения (7а)–(7г) не подразумевают, что слова в указанных парах должны лексикографически толковаться друг через друга. Речь здесь идет только о логической эквивалентности двойственных слов, которая возникает, если к одному из них добавить внешнее и внутреннее отрицание.

Теперь, пользуясь соотношениями (6а) и (6б), впишем в левую верхнюю и правую нижнюю клетки таблицы значения ‘не (еще (не Р))’ и ‘еще Р’, синонимичные тем выражениям, которые в этих клетках уже есть. После этого не составит труда выразить содержание и двух остальных клеток с помощью отрицания и ‘еще’. В результате получается Таблица 2.

Таблица 2

‘уже Р’ ‘не (еще (не Р))’	‘уже (не Р)’ ‘не (еще Р)’
‘не (уже Р)’ ‘еще (не Р)’	‘не (уже (не Р))’ ‘еще Р’

Эта схема, безусловно, упрощает реальные семантические связи между *уже* и *еще*. В частности, она совершенно не учитывает содержащихся в их значениях модальных рамок – ожиданий говорящего. Серьезной критике эта схема ("квадрат Лебнера") подверглась в работе [van der Auwera 1993]. Тем не менее, она полезна тем, что наглядно изображает соотношение ядерных компонентов значения *уже* и *еще* и их связь с другими словами, описывающими ту же семантическую область.

Как видно из Таблицы 2, для каждого из четырех значений априори имеется по два варианта его выражения – с помощью *уже* и *еще*. Однако фактически ни в одном из большого количества языков, обследованных с этой точки зрения, не обнаружено случая, чтобы хотя бы одно из четырех значений выражалось с помощью обоих вариантов [van der Auwera 1998; van Baar 1997]. Можно сделать и более сильное утверждение: крайне редко встречаются языки, в которых реализована хотя бы одна из семантических структур с внешним отрицанием (‘не (еще Р)’, ‘не (уже Р)’, ‘не (еще (не Р))’, ‘не (уже (не Р))’). Точнее говоря, если первая из перечисленных структур, хоть и крайне редко, но все же встречается, то остальные структуры практически не засвидетельствованы.

Это, конечно, не значит, что указанные отрицательные идеи в принципе не выражаются. Это значит лишь то, что для передачи каждой из них используются выражения, не содержащие внешнего отрицания. Например, если в некотором языке возможны предложения, в которых есть и отрицание ‘не’, и слово со значением ‘еще’, то это будет соответствовать семантической структуре ‘еще не’, но никак не ‘не еще’. Скажем, в русском языке предложение (8) имеет семантическую структуру (8а), но не (8б):

(8) *Он не спит еще*
(8а) ‘еще (он не спит)’;
(8б) ‘не (он еще спит)’.

Последнее значение должно выражаться, например, с помощью слова *уже*.

(9) *Он уже не спит.*

Таким образом, слова со значением ‘еще’ и ‘уже’ не могут входить в сферу действия отрицания (если иметь в виду обычное грамматическое отрицание, а не отрицательные предикативные перифразы типа *неверно, что*), и это является их глубоким внутренним свойством, постоянным для большого числа языков. Нам представляется, что эта ингерентная неотрицаемость обусловлена тем, что значения ‘еще’ и ‘уже’ не содержат ассерции и насыщены ожиданиями говорящего, а это всегда является препятствием для вхождения в сферу действия грамматического отрицания. С учетом этого наблюдения можно упростить Таблицу 2, изъяв из нее все варианты с внешним отрицанием. В результате получится Таблица 3.

Таблица 3

‘уже P’	‘уже (не P)’
‘еще (не P)’	‘еще P’

В разных языках эта таблица заполняется разными лексическими единицами, не обязательно совпадающими со словами со значениями ‘еще’ или ‘уже’. Например, в немецком языке значение ‘уже не’ передается сочетанием *nicht mehr*, в которое не входит ни слово *schon* ‘уже’, ни слово *noch* ‘еще’.

Таблица 4

schon P	*nicht mehr P*
noch nicht P	*noch P*

В английском языке для всех четырех клеток используются разные слова.

Таблица 5

already P	*no more P/no longer P*
not yet P	*still P*

При всем возможном разнообразии лексического заполнения Таблицы 3 в разных языках, для русского оно является почти тривиальным. Лексикализацию Таблицы 3 для русского языка можно в значительной степени представить просто как замену семантических единиц ‘не’, ‘еще’, ‘уже’ соответствующими русскими словами *не*, *еще*, *уже* (см. Таблицу 6).

Таблица 6

уже P	*уже не P / больше не P*
еще не P	*еще P*

Единственным исключением является наличие двух вариантов в правом верхнем углу таблицы, соответствующем внешнему отрицанию *еще* или внутреннему отрицанию *уже*. Это значение передается в русском языке либо непосредственно сочетанием *уже не*, либо сочетанием *больше не*. Предложения (10а) и (10б) показывают, что эти сочетания очень близки по смыслу:

(10а) *Иван здесь уже не работает.*
(10б) *Иван здесь больше не работает.*

В обоих предложениях сообщается, что Иван здесь не работает, хотя раньше работал. Впрочем, более внимательное рассмотрение позволяет обнаружить между этими выражениями несколько интересных различий; ср., например:

(11а) *Заходи, я уже не сплю.*
(11б) **Заходи, я больше не сплю.*
(12а) *Простите, я больше так не буду.*
(12б) **Простите, я уже так не буду.*

Подробнее об этом см. в [Богуславский 1996: 292–299].
Для дальнейших рассуждений нам понадобится точнее представить себе значение слов *уже* и *еще* в интересующем нас круге употреблений. В первом приближении можно сказать, что слово *уже* вносит значение наступления некоторого события раньше, чем его можно было ожидать. Так, в предложении

(13) *Уже зовет меня могила* (Пушкин. Руслан и Людмила)

сообщается, что имеет место ситуация 'меня зовет могила', **раньше она не имела** места, и можно было ожидать, что и сейчас она не будет **иметь места. Значение** частицы *уже* можно задать в виде следующего толкования:

(14) *уже* (*P*, *t*) = 'до некоторого момента ситуация *P* не имела места; можно было ожидать, что в момент *t* она будет продолжать не иметь места; ситуация *P* начала иметь место в момент *t'*, предшествующий *t*, и сохраняется в *t'*.

Ситуация *P*, к которой относится частица *уже*, может быть и отрицательной. В этом случае, естественно, речь идет о том, что до некоторого момента нечто имело место, а потом прекратилось. Например, в (15) речь идет о том, что раньше соседи осмеливались воевать, а начиная с некоторого момента не осмеливаются.

(15) *И соседи присмирели,*
Воевать уже не смели.
(Пушкин. Сказка о золотом петушке).

Таким образом, значение сочетания *уже не P* закономерно выводится из значений *уже* и *не P*. Огрубленно его можно перифразировать как 'раньше P, а сейчас не P'.

Частица *еще*, напротив, вносит значение сохранения прежнего состояния дольше, чем этого можно было ожидать:

(16) *Хоть грустно жить, друзья мои,*
Однако жить еще возможно.
(Пушкин. Руслан и Людмила).

Указанные прототипические значения слов *уже* и *еще* мотивируют их разную сочетаемость с совершенным и несовершенным видом. *Уже* говорит о том, что произошло новое событие, и поэтому идеальный контекст для *уже* – глагол совершенного вида. *Еще* вводит идею сохранения состояния и поэтому лучше всего сочетается с несовершенным видом. Сочетания *еще* (в данном значении) с совершенным видом невозможны: **Он еще пришел*. Сочетания *уже* с несовершенным видом возможны, но предполагают переинтерпретацию. Когда *уже* сочетается с обозначением длящейся ситуации, оно фиксирует точку начала этой ситуации (ср. компонент 'ситуация *P* начала иметь место' в толковании (14)) и тем самым превращает такую ситуацию в событие: *уже спит* ≈ *уже заснул*.

Отдельно следует рассмотреть, что происходит при добавлении к глаголу отрицания. Присоединение отрицания к глаголу несовершенного вида не меняет его сочетаемости с *уже* и *еще*. *Еще не спит* – продолжает длиться состояние бодрствования; *уже не спит* – прекратилось состояние 'не спит' и значит произошло новое событие (*уже не спит* ≈ *уже проснулся*). Если же отрицание добавлено к глаголу совершенного вида, то такое сочетание можно мыслить как обозначение длящейся ситуации: *еще не заснул* ≈ 'продолжает длиться состояние бодрствования'. Между тем, сочетание совершенного вида с отрицанием с трудом может интерпретироваться как событие и поэтому плохо сочетается с *уже*: ??*Он уже не пришел*. По этой причине такие сочетания не допускают точечных обстоятельств времени: ??*В десять часов вечера он не заснул*[3]. Это связано с тем, что выражение, обозначающее событие, должно

[3] Мы имеем в виду, естественно, ту интерпретацию этого предложения, при которой в сферу действия обстоятельства времени попадает сочетание глагола с отрицанием. Предложение становится допустимым (при соответствующей интонации) относительно значения 'засыпания в десять часов вечера не имело места', но в этом случае отрицание находится вне сферы действия обстоятельства времени.

фиксировать точку начала нового состояния, а отрицательное сочетание типа *не заснул* такой способностью не обладает. Впрочем, существует один специальный класс предложений, допускающий сочетание *уже* с отрицанием глагола совершенного вида:

(17) *Иван уже не придет: слишком поздно.*

В подобных предложениях *уже* употреблено в несколько другом значении и имеет особую сферу действия, отличающуюся от обычной. В нормальном случае событие, наступление которого сигнализирует *уже*, выражается глагольной группой, при которой слово *уже* стоит. Так, в предложении (15) эту роль выполняет группа *не смели* (раньше смели, а теперь не смеют). В предложении (17) событие, которое маркирует *уже*, состоит не в том, что Иван не придет, а в том, что появилась возможность это утверждать: 'обстоятельства изменились таким образом, что уже можно утверждать, что Иван не придет'.

Обратим внимание на парадоксальное поведение *уже* по отношению к будущему времени в примере (17). Для этого сравним (17) с (18).

(18) *В это время Иван уже не будет спать ⟨проснется⟩.*

В (18) *уже* задает некоторую точку в будущем, к которой относится новое событие – 'Иван проснулся'. В (17) ни о каком событии в будущем речь не идет. Событие в сущности уже произошло: обстоятельства изменились, и поэтому появилась возможность нечто утверждать. Итак, частица *уже* присоединена к глаголу в будущем времени, а семантически характеризуется уже произошедшее событие. В этом отношении пример (17) сходен с предложениями типа *Я ждал тебя завтра, а ты пришел сегодня*. Здесь наречие *завтра*, характеризующее событие в будущем, синтаксически связано с глаголом в прошедшем времени, но аномалии при этом не возникает. Причина этого также кроется в нетривиальной сфере действия. Граммема времени воздействует в значении глагола *ждать* на ассертивный компонент 'находиться в определенном состоянии': *ждал* – находился в состоянии ожидания, *буду ждать* – буду находиться в состоянии ожидания. А темпоральное наречие характеризует другой компонент – ситуацию, наступление которой ожидается: 'я находился в состоянии ожидания того, что ты придешь завтра' (подробнее об этом см. [Богуславский 1990; 1996: 100–116]).

Изучив значение и поведение сочетания частицы *уже* с отрицанием, вернемся к пушкинскому примеру.

3. РАЗБОР ПРИМЕРА (1)

Очевидно, что в пушкинском тексте (1) сочетание *уже не* осмысляется и ведет себя совсем не так, как в примерах, обсуждавшихся выше. В самом деле, если бы сочетание *уже не* в примере (1) интерпретировалось стандартным образом – как это предполагается правой верхней клеткой Таблицы 6 [см. пример (15)] то (1) означало бы, что до какого-то момента мосты снимали, а после этого момента снимать перестали (ср. *Мосты уже не снимают*). Ясно, что в (1) имеется в виду совершенно другая ситуация. В соответствии с этим контекст (1) категорически не допускает замены *уже не* на *больше не*, не говоря уже о том, что в (1) сочетание *уже не* присоединено к форме прошедшего времени совершенного вида, что, как отмечалось выше, при стандартной интерпретации невозможно. Если бы предложение (1) интерпретировалось по образцу предложения (17), который допускает сочетание *уже не* с глаголом совершенного вида, то и в этом случае значение (1) должно было бы быть другим. Предложение *С Невы мостов уже не сняли* при такой интерпретации значило бы, что

до момента наблюдения ожидалось, что мосты снимут, но обстоятельства изменились так, что сейчас уже можно утверждать, что этого не произойдет.

Попробуем понять, как в действительности построен пример (1). Для этого мы сопоставим интересующий нас фрагмент предложения (1), который мы уже представляли выше в виде (2), с его перифразой с помощью наречия *скорее всего*:

(2) **Едва ли с Невы уже не сняли мостов.*

(19) *Скорее всего, с Невы мосты уже сняли.*

По отношению к наречию *скорее всего* наречие ***едва ли*** (так же, как и его близкий, но более употребительный синоним *вряд ли*) является антонимом второго рода (см. о типах антонимии в начале раздела 2):

(20а) *скорее всего*, P = *вряд ли* ⟨*едва ли*⟩ *не P*.

(20б) *скорее всего, не P* = *вряд ли* ⟨*едва ли*⟩ *P*.

В этих перифразировках сферой действия отрицательной частицы служит утверждение *P*. Поскольку предложения (2) и (19) соотносятся по правилу (20а), то мы приходим к выводу о том, что в (2) в сферу действия отрицания попадает утверждение *С Невы уже сняли мосты*. Более эксплицитно значение предложения (2) можно представить так:

(21) 'едва ли неверно (= скорее всего, верно), что с Невы мосты уже сняли'.

Таким образом, мы пришли к неожиданному результату: в пушкинском тексте соотношение сфер действия слов *уже* и *не* подчиняется не обычному правилу, согласно которому отрицание находится в сфере действия *уже* ('уже (не P)'), а обратному, при котором *уже* находится в сфере действия отрицания ('не (уже P)'). Этот факт удивителен по нескольким причинам.

Во-первых, такому положению дел противоречит само расположение отрицательной частицы во фразе. Если некоторый адвербиал находится в сфере действия отрицательной частицы, то он, как правило, не может стоять левее нее. Например, *очень не* ни при каких обстоятельствах не может осмысляться как *не очень*. Правда, некоторые адвербиалы, входящие в сферу действия отрицания, могут выноситься в позицию левее отрицания, например:

(22) *Этот вопрос специально не изучался* = 'не имело места специальное изучение этого вопроса'.

Однако при таком вынесении адвербиал должен маркироваться восходящей интонацией. В противном случае отрицание само входит в сферу действия адвербиала, что в примере (22) соответствует значению 'имел место специальный отказ от изучения этого вопроса'.

Во-вторых, как отмечалось выше, значение 'не (уже P)' не может выражаться в русском языке с помощью сочетания частиц *не* и *уже* и требует замены *уже* на *еще* (ср. Таблицы 2 и 6). Например, в-третьих, подобная ситуация практически не имеет прецедента в типологическом плане. Поясним, что мы имеем здесь в виду.

Способы выражения значений типа 'уже' и 'еще' в типологической перспективе изучены достаточно хорошо. Наибольшее внимание интересующей нас проблеме было уделено в работах Й. ван дер Ауверы и Т. ван Баара [van der Auwera 1993; 1998; van Baar 1997]. Й. ван дер Аувера обследовал более 90 языков, принадлежащих, в первую очередь, европейскому языковому ареалу. Т. ван Баар сформировал свою выборку языков не по географическому, а по генетическому принципу. Он отобрал 40 языков, представляющих самые разные языковые группы. Таким образом, в совокупности собранный материал может считаться типологически весьма представительным. Оба исследователя приходят к одному и тому же выводу: значение 'не

(уже P)' практически никогда не выражается с помощью слов, обозначающих 'не' и 'уже'. Потенциальными исключениями можно считать лишь классический ацтекский (или, науатль, принадлежащий тано-ацтекской семье индейских языков), язык фони (нигероконголезская семья) и язык баузи, на котором говорят в Полинезии [van der Auwera 1998: 55; van Baar 1977: 82], с той, однако, оговоркой, что имеется слишком мало данных, чтобы судить о чистоте значения 'уже' в этих языках.

4. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Все вышеизложенное автор однажды рассказал на пушкиноведческом симпозиуме и заключил этот рассказ моралью: до чего же велик Пушкин! Он делает с языком что хочет, и что бы он ни сделал, получается хорошо. Он может себе позволить то, что недопустимо не только в русском, но и ни в каком другом языке. Он идет наперекор глубинным закономерностям языка, которые имеют очень основательную типологическую поддержку, и мы этого даже не замечаем. Если бы дело ограничивалось этим, то нам оставалось бы только признать отрывок из "Медного всадника" необъяснимым капризом гения и развести руками. Однако, как предположила присутствовавшая на симпозиуме Н.Д. Арутюнова и подтвердили наши дальнейшие изыскания, нечто подобное можно найти и в современном русском языке. Один из типов подобных предложений можно проиллюстрировать предложением (23а), которое можно произнести в той же ситуации, что и (23б):

(23а) *Я не уверен, что она этого уже не разболтала.*
(23б) *Я не уверен, что она этого еще не разболтала.*

Очевидно, что в (23а) сочетание *уже не* осмысляется в точности так же, как и в пушкинском примере. Это ясно и само по себе, но в этом можно убедиться и с помощью синонимических перифраз. Во-первых, для предиката *уверен* существует двойственный ему (в смысле раздела 2) предикат – *допускать*:

(24а) *Я уверен, что P ≈ Я не допускаю, что не P.*
(24б) *Я не уверен, что не P ≈ Я допускаю, что P.*

Во-вторых, частным случаем соотношения (24б) может служить синонимическая пара (23а)–(25):

(25) *Я допускаю, что она это уже разболтала.*

Отсюда вытекает, что в (23а) частица *не* в сочетании *уже не разболтала* включает в свою сферу действия все придаточное предложение, включая частицу *уже*. Такие примеры не единичны, их число легко умножить:

(26) *Трудно себе представить, чтобы к десяти часам вечера они уже не выпили все шампанское* ('трудно себе представить, чтобы к десяти часам вечера не имело места то, что все шампанское уже выпито' ≈ 'скорее всего, к десяти часам вечера они уже выпили все шампанское')[4].
(27) *Не могу поверить, чтобы к утру итоги выборов уже не были подведены* (≈ 'скорее всего, к утру итоги выборов были уже подведены').
(28) *Редко случается, чтобы в такое позднее время дети уже не легли спать* ('редко бывает так, чтобы в это время не имело места то, что дети уже спят' ≈ 'чаще всего в это время дети уже спят').

[4] Заметим, что аналогичное явление встречается и в английском языке. Обычно значение 'не (уже P)' выражается с помощью сочетания *not yet*: *He hasn't come yet* – **He hasn't come already*. Однако в контексте типа (23) слова *not* и *already* оказываются вполне сочетающимися: *It is hard to believe that they haven't drunk all the wine already.*

Наличие даже одного этого класса предложений (ниже мы иллюстрируем и другие) говорит о том, что мы имеем дело не с изолированным примером, к тому же вышедшим из-под пера гения, а с вполне живым явлением. Оно состоит в том, что в сочетании *уже не* частица *не* может включать *уже* в свою сферу действия, то есть все сочетание осмысляется как 'неверно, что уже'.

Эта позиция, как мы знаем, зарезервирована за частицей *еще*. Недаром во всех обсуждавшихся предложениях *уже* можно заменить на *еще*. Здесь, однако, надо иметь в виду, что варианты с *уже не* и *еще не* синонимичны не полностью. В них сохраняется базовое различие между *уже* и *еще*, о котором мы говорили выше: *уже* сообщает о наступлении нового события, а *еще* – о сохранении старого состояния.

(29а) [= (27)] *Не могу поверить, чтобы к утру итоги выборов уже не были подведены* (= не могу поверить, что не произошло событие "итоги уже подведены").

(29б) *Не могу поверить, чтобы к утру итоги выборов еще не были подведены* (= не могу поверить, чтобы продолжалось состояние "итоги еще не подведены").

Эти примеры ясно показывают, что варианты с *уже* и *еще* устроены принципиально по-разному с точки зрения соотношения частицы со сферой действия отрицания. Обсуждаемое явление – будем называть его инверсией сфер действия *уже* и *не* – может происходить лишь в строго определенных условиях. Нам известно несколько типов контекстов, допускающих это явление и различающихся тем, в сфере действия какого предиката выступает само сочетание *уже не*.

1. Контекст некатегоричного двойного отрицания

Этот тип контекстов иллюстрируют примеры (23а), (26)–(28). Во всех этих случаях выражается положительное, но не категорическое мнение о вероятности или реальности некоторой ситуации, причем делается это с помощью двух отрицаний. Одно из них эксплицитно или имплицитно участвует в формировании отрицательного суждения. *Не уверен, что P; трудно себе представить, чтобы P; редко случается, чтобы P; едва ли P* – все эти выражения представляют собой некатегорическое отрицательное суждение о реальности *P*. Второе – внутреннее отрицание – входит в состав самого *P* (*P* = '*не Q*'). Таким образом, дважды отрицательные суждения типа *не уверен, что не Q;* трудно себе представить, чтобы не *Q*; редко случается, чтобы не *Q*; *едва ли не Q* по существу выражают положительное суждение типа 'скорее всего, *Q*' или 'допускаю, что *Q*' или 'чаще всего *Q*'. Здесь можно видеть аналогию с правилом снятия двойного отрицания: суждение *неверно, что не Q* логически эквивалентно утверждению *Q*. Именно эта пропозиция *Q*, лежащая ниже обоих отрицаний, и составляет сферу действия частицы *уже* во всех обсуждаемых примерах. То, что двойное отрицание дает утвердительную пропозицию, – не удивительно. Удивительно то, что снятию двойного отрицания не мешает тот факт, что между отрицаниями находится частица *уже*.

Оба свойства предиката, включающего сочетание *уже не* в свою сферу действия, – отрицательность выражаемого им суждения и его некатегоричность – необходимы для того, чтобы отрицание охватывало своей сферой действия частицу *уже*. Если предикат, в сфере действия которого выступает *уже не*, выражает положительное суждение, то интересующее нас явление не возникает. Ср. Примеры (а) и (б) в следующих парах:

(30а) [=(23а)] *Я не уверен, что она этого уже не разболтала.*

(30б) **Я допускаю, что она этого уже не разболтала* (неправильно относительно значения 'я допускаю, что неверно, что она это уже разболтала, т.е. допускаю, что она еще держит язык за зубами').

(31а) [=(26)] *Трудно себе представить, чтобы к десяти часам вечера они уже не выпили все шампанское* ('трудно себе представить, чтобы к десяти часам вечера не имело места то, что все шампанское уже выпито' ≈ 'скорее всего, к десяти часам вечера они уже выпьют все шампанское').
(31б) **Легко себе представить, чтобы к десяти часам вечера они уже не выпили все шампанское* (неправильно относительно значения 'легко себе представить, чтобы к десяти часам вечера не имело места то, что все шампанское уже выпито' ≈ 'скорее всего, к десяти часам вечера они еще не выпьют все шампанское').
(32а) [=(28)] *Редко случается, чтобы в такое позднее время дети уже не легли спать* ('редко бывает так, чтобы в такое позднее время не имело места то, что дети уже спят' ≈ 'чаще всего в это время дети уже спят').
(32б) **Часто случается, чтобы в такое позднее время дети уже не спали* (неправильно относительно значения 'часто бывает так, что в такое позднее время не имеет места то, чтобы дети уже спали' ≈ 'часто в такое позднее время дети еще не спят').

Если отрицательное суждение, включающее в свою сферу действия сочетание *уже не*, категорично, то это также препятствует тому, чтобы соотношение сфер действия слов *уже* и *не* в этом сочетании было нестандартным:

(33) **Неверно ⟨не сомневаюсь⟩, что она это уже не разболтала* (в значении 'она это уже разболтала').

2. Контекст квантора общности

В этом случае так же, как и в предыдущем, необходимо присутствие двух отрицаний, нейтрализующих друг друга: 'не существует такого *X*, который бы не *P*' = 'все *X*-ы *P*'.
(34) *В медицине не существует метода лечения, который бы уже не был кем-то испробован* (= 'все методы кем-то уже испробованы').
(35) *Не было того естественного предмета или даже свойства, судьбу которого Вермо уже не продумал бы навеки вперед* (А. Платонов. Ювенильное море) (= 'судьбу всех предметов и свойств Вермо уже продумал').
(36) *В этой группе нет ни одного студента, который бы уже не разочаровался в своей будущей профессии* ('все студенты этой группы уже разочаровались в своей будущей профессии').

3. Контекст союза *если*

Представляют интерес предложения двух типов – с ударным и с безударным *уже*. Начнем с безударного. Предложение (37) двузначно. В первом понимании соотношение сфер действия *уже* и *не* стандартное (*не* входит в сферу действия *уже*), а во втором – инвертированное (*уже* входит в сферу действия *не*).

(37) *Он мог бы увлечься Дашей, если бы уже не любил Катю.*
(37а) 'он мог бы увлечься Дашей, если бы P' (где P = 'он уже не любит Катю') = 'он мог бы увлечься Дашей, если бы уже не имела места его любовь к Кате' = '...если бы он уже разлюбил Катю'.
(37б) 'он мог бы увлечься Дашей, если бы не P' (где P = 'он уже любит Катю') = 'он мог бы увлечься Дашей, если бы не имело места то, что он уже полюбил Катю'.

Естественно, что только при второй интерпретации допустима замена *уже* на *еще*:

(38) *Он мог бы увлечься Дашей, если бы он еще не любил Катю.*

Любопытно, что для того, чтобы инверсия сфер действия была возможна, условное предложение должно стоять в сослагательном наклонении. В противном случае возникает только стандартная интерпретация:

(39) *Если он Катю уже не любит, то может случиться все, что угодно.*

Другие примеры обратного соотношения сфер действия *не* и *уже* в контексте *если*:

(40) – *Это бы случилось, отвечал Печорин, – если бы я уже не любил другую* (Лермонтов. Княгиня Лиговская).
(41) *Я бы охотно отдал картину вам, если бы я уже не пообещал подарить ее родителям* = '...если бы не произошло то, что я уже пообещал'.
(42) *За этой дверью – если только его уже не убрали – лежал* [*человек*], *уронив голову на стол, с впившимися в лицо золотыми дужками очков...* (С. Лем. Дневник, найденный в ванне).
(43) *Кузенков молча смотрел на слугу и уже понимал, что это вовсе не слуга, что он, может быть, зря отослал Лопатова, что его здесь ждали, что нужно немедленно звонить г-ну Коккинаки, если это уже не поздно* (В. Аксенов. Остров Крым).

Если на *уже* падает эмфатическое ударение, то обратное соотношение сфер действия *уже* и *не* также возможно, но в этом случае оно сопровождается некоторыми особенностями.

(44) *Они очень скоро найдут беглеца, если ↓уже не нашли* ('...если не имеет места то, что они его уже нашли').
(45) *Они и тебе рано или поздно отомстят, если ↓уже не отомстили* (Ф. Искандер. Поэт).

Обращает на себя внимание тот факт, что такой контекст не допускает замены *уже* на *еще*.

(46) **Беглеца скоро найдут, если ↓еще не нашли.*

Неправильность предложения (46) не может объясняться тем, что *еще* **не принимает** на себя эмфатическое ударение. Оно на этом слове вполне возможно:

(47) *Он уже не спит? – Как бы не так! Он ↓еще не спит.*

Дело здесь в другом. Как мы упоминали выше, синонимия выражения *уже не* (с инвертированной сферой действия) и выражения *еще не* не полная. В них просвечивает базовое различие между *уже* и *еще*, состоящее в том, что первое из этих слов говорит о наступлении нового события, а второе – о сохранении имеющегося состояния (см. выше (29а) и (29б)). В примерах, приводившихся ранее, это различие было на заднем плане, и поэтому были допустимы оба выражения. В контекстах же (43)–(44) сочетание *если уже не* имеет несколько особое значение, отдалившееся от условного. Эмфатическое ударение на *уже* маркирует именно наступление нового события, и поэтому *еще* в этой позиции невозможно. Здесь действует общий закон: каким бы слабым ни было различие между синонимичными выражениями и как бы легко оно ни нейтрализовалось, если именно оно попадает в фокус внимания, взаимозаменимость исчезает. Либо *уже* нельзя заменить на *еще* [см. (46)], либо необходимо пожертвовать эмфазой:

(48) *Она тебя обязательно скоро обманет, если ↓уже не обманула.*

(49) *Если она тебя еще не обманула, то обязательно скоро обманет.*

4. Контекст слова *разве*

Слово *разве* также создает достаточный контекст для **инверсии сфер действия.**

(50) *Разве он ее уже не любит?*

(50а) уже (не): 'разве он ее уже разлюбил?'

(50б) не (уже): 'разве не имеет места то, что он ее уже любит? (≈ 'у нас есть основания считать, что он ее уже любит; разве это неправда?')

Замена *уже* на *еще* в интерпретации (50б) вполне возможна и сопровождается обычным смысловым различием, которое мы уже не раз отмечали.

(51) *Разве он ее еще не любит?*

В предложении (51б) задается вопрос 'Разве неправда, что наступило новое событие [он ее уже любит]?'. Вопрос, задаваемый в (51), звучит иначе: 'Разве правда, что продолжается старое состояние [он ее еще не любит]?'

Еще несколько примеров:

(52) *Разве это само по себе уже не чудо?*

(52а) уже (не): 'разве это само по себе уже перестало быть чудом?'

(52б) не (уже): 'разве неверно, что это само по себе уже чудо?'

(53) *Разве он уже не сидел в тюрьме за долги?*

(54) *И если бы даже кого-нибудь вдруг объявили освободившимся и увезли – откуда могли бы мы узнать, что не на расстрел, что не в другую тюрьму, что не за новым сроком? Да спектакль Комиссии разве уже не показал, как это можно все изобразить? Нас и без пересмотра собираются домой распускать* (А. Солженицын).

5. Контекст слова *как бы*

Совершенно особый случай представлен в примере (55):

(55) *Как бы он ненароком уже не потратил все деньги!*

Перифраза (56) показывает, что пропозиция с *уже* в (55) не содер**жит отрицания:**

(56) *Как бы не оказалось так, что он уже потратил все деньги.*

Однако похоже, что явление здесь совсем другое, чем в предыдущих случаях. Более прозрачное представление того же значения дает предложение (57):

(57) *Я опасаюсь ⟨боюсь⟩, как бы он ненароком уже не потратил все деньги.*

Предложение (57), в свою очередь, весьма близко к (58):

(58) *Я опасаюсь ⟨боюсь⟩, что он ненароком уже потратил все деньги.*

Глаголы *опасаться* и *бояться* имеют альтернативное управление: *что* + предложение и *как бы не* + предложение. Отсюда ясно, что сегмент *не* в составе второго варианта управления не семантичен. Это слово не выражает отрицания и поэтому его сочетание с *уже* вообще не имеет отношения к рассматриваемому явлению.

Предложение (55) таким способом описать не удастся. В нем нет элемента, которому можно было бы приписать управление сочетанием *как бы не*. Тем не менее, и в этом случае *не* не выражает отрицания. По-видимому, мы имеем дело с фразеологизованным оборотом *как бы не Р*, который означает 'говорящий опасается, как бы не Р'. В пользу такого описания говорит и то, что здесь невозможна синонимическая замена *уже* на *еще*:

(59) **Как бы он ненароком еще не потратил все деньги!*
(60) **Я опасаюсь ⟨боюсь⟩, как бы он ненароком еще не потратил все деньги.*

6. Другие контексты

Выше мы говорили, что слово *уже* не может входить в сферу действия отрицания не только в русском, но и во многих других языках. Можно ожидать, что и нарушения этой закономерности обнаружатся не только в русском языке. В сноске 4 мы привели один пример из английского языка, демонстрирующий инверсию сфер действия *уже* и отрицания в тех же условиях, в которых она происходит в русском. Интересно, что набор этих условий в русском и английском языках не совпадает. Контекст, допускающий инверсию в английском языке, но не допускающий в русском, представлен в примерах (61)–(62):

(61) *When the embedded subject is demoted down the hierarchy, it is demoted stepwise, i.e. always to the next-highest position in the hierarchy that has not already been filled.*
(62) *Когда вставленный субъект продвигается вниз по иерархии, это всегда происходит по шагам, то есть субъект всегда продвигается в ближайшую нижележащую позицию, которая еще не заполнена ⟨*которая уже не заполнена⟩* [= для которой неверно, что она уже заполнена].

5. В ЧЕМ ОШИБКА ПУШКИНА?

Теперь мы можем вернуться к Пушкину и ответить на вопрос, поставленный в начале статьи: как соотносится пушкинский пример с современным русским и каков характер неправильности? Выше мы продемонстрировали, что явление, аналогичное тому, которое мы встретили у Пушкина, живо и сейчас. Пример (1) относится к классу примеров с некатегорическим двойным отрицанием, которое делает возможной инверсию сфер действия отрицательной частицы и слова *уже* в составе оборота *уже не* [ср. выше (23а), (26)–(28)]. Однако есть и то, что отличает эти примеры от (1): у Пушкина предикат отрицательного суждения выражен адвербиалом (*едва ли*), в то время как в современном языке он может быть выражен только предикативной группой.

(61) [= (26)] *Трудно себе представить, чтобы к десяти часам вечера они уже не выпили все шампанское.*
(62) **Едва ли к десяти часам вечера они уже не выпили все шампанское.*

О локальности этого различия между пушкинским примером и современной нормой говорит и то, что другие типы допустимых контекстов могут и сейчас создаваться адвербиалами; ср., например, предложения (52)–(54). Поэтому ясно, почему пушкинский пример хоть и воспринимается современным ухом как не вполне правильный, но эта неправильность не вопиющая. Она связана не с нарушением глубинных правил поведения частиц под отрицанием, а всего лишь с изменением довольно поверхностных ограничений на синтаксический статус предиката.

6. ГИПОТЕЗА

Теперь пора ответить на главный вопрос: в чем же состоит существо наблюдаемого явления? Представленные факты не только противоречат тому, что мы знаем о соотношении частицы *уже* с отрицанием в русском языке, но и не согласуются с мощной типологической закономерностью. Действительно ли они опровергают категорический типологический запрет на структуры типа 'не (уже P)' и являются исключением из общего правила? Известно, однако, что *исключений как таковых быть не должно*. Или правило само по себе ошибочно и требует ревизии, или на него наложилось какое-то другое явление, исказившее картину.

Хотелось бы исходить из того, что правило, запрещающее частицам, выражающим оценки, мнения, ожидания говорящего, входить в сферу действия грамматического отрицания, вполне основательное. Это подталкивает нас в сторону того, чтобы искать ключ к решению в статусе отрицания. Как упоминалось в разделе 2 выше, обсуждаемый запрет касается лишь грамматического (адвербиального) отрицания, выражаемого в пределах того же простого предложения, что и пропозиция P. Предикативное отрицание (*неверно, что*) под действие запрета не подпадает:

(63а) **Он уже не проснулся.*
(63б) *Неверно, что он уже проснулся.*

Гипотеза, которую мы хотели бы предложить для объяснения рассмотренных фактов, состоит в том, что в определенных условиях грамматическое отрицание ведет себя как предикативное. Иными словами, в указанных контекстах предикативное отрицание маскируется под грамматическое.

В самом деле, часто говорящий имеет возможность по-разному провести границу между предложениями. Он может распределить содержание своего высказывания между большим или меньшим числом предложений. Оформить его в виде одного предложения или разбить на два или больше, более простых. Например:

(64а) *Проблема состоит в том, что вследствие резко обострившегося кризиса произошло падение инвестиций.*
(64б) *Проблема состоит в следующем. Кризис резко обострился. Поэтому произошло падение инвестиций.*

Аналогичным образом, более резкую границу между частями можно провести, например, и в предложении (26):

(26) *Трудно себе представить, чтобы к десяти часам вечера они уже не выпили все шампанское.*
(26а) *Трудно себе представить, чтобы не имело место следующее: к десяти часам вечера они уже выпили все шампанское.*

Значение то же самое, но представлено в виде двух предложений. В этом случае никого не удивляет, что отрицание из первого предложения не вызывает замены *уже* на *еще* во втором предложении. Важный признак границы между предложениями – отсутствие внутрипредложенческих явлений.

Таким образом, предложения типа *С Невы мостов уже не сняли* в примере (1) или *Они уже не выпили все шампанское* в примере (26) имеют двойственный характер. С одной стороны, они представляют собой простые монопредикативные предложения с грамматическим отрицанием. Однако одновременно в них проявляется и то, что на глубинном уровне, на котором эксплицируются предикатно-аргументные отношения, отрицание является предикатом более высокого порядка: *Неверно, что с Невы уже сняли мосты; Неверно, что она это уже разболтала.* Подробнее мы будем говорить об этом в разделе 9.

Наша гипотеза будет более обоснованной, если мы покажем, что она имеет аналогии на других уровнях языка. На что это похоже? В какой ряд это можно поместить?

7. ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ САНДХИ КАК ПОГРАНИЧНЫЕ СИГНАЛЫ

Ближайшую аналогию можно обнаружить в области морфонологии. Мы имеем в виду обширную область явлений, происходящих на стыках слов или морфем – так называемые сандхи. Очень хорошо сандхи представлены в санскрите[5]. В этом языке

[5] Сведения по санскритской грамматике даются по "Грамматическому очерку санкерита" [Зализняк 1987].

отчетливо различаются два типа сандхи: происходящие на стыках словоформ (внешние сандхи) и происходящие на стыках морфем в пределах одной словоформы (внутренние сандхи). К внешним сандхи относятся слияния однородных гласных, озвончение некоторых глухих согласных перед любыми звуками кроме глухих согласных, удвоение конечного *n* и его разновидностей и некоторые другие процессы. Внутренние сандхи состоят в упрощении сочетаний согласных, исчезновении *s* между шумными согласными, церебрализации согласных, изменении гласных и т.п.

В русском языке известный пример внешнего сандхи – оглушение звонких согласных в конце слова: *коров лечение* – (*к Коро*) *влечение*. Если исходно звонкая согласная выступает в глухом варианте, это свидетельствует о том, что после нее проходит граница словоформы.

К внутренним сандхи в русском языке можно отнести смягчение согласных. Оно встречается только внутри слова и на стыке предлога с полнозначным словом. На границе между полнозначными словоформами смягчения не бывает: *друг Игоря* – [друкыгър'ъ].

Для нас будут существенны два факта:

1. Наличие внешнего сандхи или отсутствие внутреннего сандхи там, где его можно было бы ожидать, является сильным положительным пограничным сигналом.

Вспомним, что в морфонологии различаются положительные и отрицательные пограничные сигналы. Положительные пограничные сигналы сообщают о наличии границы. Так, в чешском языке начало слова характеризуется фиксированным ударением, в немецком – кнаклаутом – твердым приступом. Если встретился ударный слог или твердый приступ – ясно: здесь граница. В русском языке *ч* вызывает смягчение предшествующей согласной *н*, но только внутри словоформы: *озвоН'чение – звоНчасов*. Отсутствие смягчения *н* перед *ч* в сочетании *звон часов* является сигналом границы между словоформами. Другой пример: сочетание фонем [п'р] внутри слова невозможно, поскольку все теоретически возможные подобные сочетания устраняются по морфологическому правилу отвердения [Чурганова 1973: 27]. Поэтому появление такого сочетания является показателем стыка между словоформами: *сыпь рожь*.

Отрицательные пограничные сигналы говорят, что границы нет. Например, в древнегреческом языке в конце слова невозможен шумный согласный кроме *s*. Если встретился такой согласный, можно утверждать, что слово здесь не кончается.

2. Границы, о которых подают сигнал сандхи, не всегда совпадают с границами морфологических словоформ.

Другими словами, морфологические словоформы могут не совпадать с морфонологическими. Это обстоятельство может проявляться двояко. Во-первых, одной морфологической словоформе может соответствовать несколько морфонологических. Это значит, что внутри словоформы происходят внешние сандхи или не происходят внутренние. Во-вторых, одной морфологической словоформе может соответствовать несколько морфологических. В этом случае на границе между словоформами происходят внутренние сандхи или не происходят внешние.

Обратимся опять к санскриту. В этом языке внешние сандхи внутри морфологической словоформы затрагивают такие элементы словоформы, как: 1) основы, входящие в состав сложного слова; 2) превербы (нечто вроде глагольных приставок, занимающих промежуточное положение между аффиксами и самостоятельными словами, поскольку помимо соединения с глагольной или именной основой они могут выступать также как наречия и как предлоги); 3) именные префиксы; 4) некоторые именные окончания; 5) то, что остается от словоформы после вычета этих элементов. Морфологическая словоформа, внутри которой имеются внешние сандхи, не ста-

новится словосочетанием. Она имеет двойственную природу. С точки зрения обычных морфологических критериев, она продолжает быть единой словоформой. Тем не менее, в ней сохраняется шов – след того, что, с некоторой другой точки зрения, она реализует две единицы. "С исторической точки зрнеия морфонологическое слово отражает более древнее состояние, когда во всех указанных особых случаях были представлены словосочетания" [Зализняк 1972: 50].

В русском языке также можно наблюдать случаи внешнего сандхи внутри словоформы. Наглядный пример – возможное оглушение звонких в сложносокращенных словах типа *завлабораторией, завмаг, главлит, главреж*. Из того факта, что в этих примерах есть оглушение, не следует, что перед нами не слова, а словосочетания, так же, как не следует и то, что правило оглушения звонких неправильно. Просто эти словоформы хранят след своего происхождения из двух самостоятельных слов. То, что одна морфологическая словоформа содержит в себе несколько морфонологических, может маркироваться не только наличием внешних сандхи, но и отсутствием внутренних. Так, в русском языке отсутствие смягчения заднеязычных перед *и* встречается в пределах одной словоформы на стыке приставки с корнем (*сверхидейный, двухигровая система*) [Булыгина 1975: 330]. Противоположную ситуацию – слияние нескольких морфологических словоформ в одну морфонологическую – также легко проиллюстрировать. В сочетаниях служебных слов с полнозначными могут отсутствовать внешние сандхи, например, оглушение звонких (*в режиме*), или присутствовать внутренние, например, в сочетании *к кинотеатру* происходит ассимиляция по мягкости (с последующим сокращением), а в сочетании *к игре* допустимо как твердое, так и мягкое произнесение *к*.

Какое отношение все это может иметь к проблеме инверсии сфер действия отрицания и *уже*?

8. "САНДХИ" В СИНТАКСИСЕ

Поскольку лексемы представляют собой элементы лексико-синтаксической структуры предложения, замену одной лексемы на другую в зависимости от синтаксического контекста можно считать синтаксическим процессом.

Мы уже упоминали, что преобразование *уже* в *еще* в сфере действия отрицания – явление, разыгрывающееся только внутри простого предложения. Его можно уподобить внутреннему сандхи, а его отсутствие – пограничному сигналу. Представим себе, что нам нужно выразить значение 'неверно, что он уже спит'. Это можно сделать двумя способами – с помощью сложного предложения и с помощью простого. В первом случае – *Неверно (неправда), что он уже спит* – преобразования *уже* в *еще* нет. Во втором – есть: *Он еще не спит. Уже* заменяется на *еще*, когда оно оказывется в контексте отрицания в пределах одного простого предложения. Если отрицание и *уже* находятся в разных простых предложениях (в этом случае отрицание реализуется как *неверно, что*), этого преобразования не происходит. Таким образом, отсутствие преобразования *уже* в *еще* – пограничный сигнал (если использовать фонологические термины).

Особенность предложений с инверсией сфер действия состоит в их двойственной природе. С одной стороны, отрицание находится в них в том же простом предложении, что и отрицаемая пропозиция (в этом случае оно реализуется посредством частицы *не*). С другой стороны, оно ведет себя так, как ведет себя *неверно, что*, отделенное от своей сферы действия границей главного и придаточного предложений. А именно: это отрицание не вызывает преобразовния *уже* в *еще*. Отсутствие этого преобразования служит положительным пограничным сигналом: между *не* и *уже*

проходит некоторая граница, шов, аналогично тому, как отсутствие смягчения согласного в словах *сверхидейный, двухигровой* или *постельцинский* (= *постельцинский*) или наличие оглушения в словоформах типа *главбух* или *завмаг* свидетельствует о том, что внутри этих словоформ есть скрытая граница. Слова типа *сверхидейный* хранят след автономности своих компонентов, проявляющийся в блокировании внутреннего сандхи. Точно таким же способом – отсутствием внутреннего сандхи – выдают свою полипредикативную природу предложения с инверсией сфер действия. Так же, как автономность компонентов слов типа *сверхидейный* пробивается сквозь оболочку цельной словоформы, полипредикативность предложений с инверсией сфер действия обнаруживается уже на уровне синтаксиса, где они представлены в виде безобидного простого предложения.

9. ПОЛИПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

На интересующее нас явление можно посмотреть и в несколько более широкой перспективе. Как известно, пропозиция[6] семантической структуры далеко не всегда приобратает в синтаксической структуре статус отдельного предложения. Часто ее статус понижается, и она реализуется либо в виде неличного глагольного оборота, либо подвергается номинализации, адвербиализации, адъективации, грамматикализации и т.п. В результате этих процессов соотношение между семантической и синтаксической структурами в значительной степени затемняется. То, что на поверхностном уровне предстает как плоское простое предложение, зачастую скрывает в себе несколько пропозиций, границы между которыми могут оказаться размытыми. Дело осложняется тем, что предикатное слово в синтаксической структуре может маскировать свой статус и обнаруживать несвойственные себе черты.

С этой точки зрения представляют интерес каузативные конструкции в романских языках. Не имея возможности входить в эту проблематику сколько-нибудь подробно, мы очертим интересующий нас аспект предельно схематично. Способы выражения каузации в синтаксической структуре варьируются в широком спектре. Максимальный параллелизм с семантической структурой обнаруживают построения, в которых значения каузации и каузированного события выражаются в разных личных предложениях, например: *Взрыв привел к тому, что была нарушена герметичность салона*. На противоположном полюсе находятся случаи, в которых эти два значения выражены в пределах одного слова: *Он убедил меня в правильности сделанного выбора* (*убедил* ≈ 'сделал так, что я согласился'). Промежуточное положение занимают конструкции с каузативным глаголом, в которых значение каузации выражено самостоятельно, но не образует отдельного личного предложения: *Взрыв привел к аварии. Он заставил меня признать его правоту*.

В романских языках стандартным способом выражения значения каузации является каузативный глагол. Глядя на предложение типа *Je ferait courir Henriette* 'я заставил Генриетту бежать', мы видим два самостоятельных глагола – каузативный *faire* и полнозначный *courir*. Однако не раз отмечалось, что закономерности, наблюдаемые в подобных конструкциях, разительно схожи с тем, что происходит, когда каузативный элемент и полнозначный глагол слиты воедино. Например, именные группы, входящие в состав этой двуглагольной конструкции, с точки зрения всех критериев ведут себя как соподчиненные [Davies, Rosen 1988]. Это дает основания говорить, что даже тогда, когда в предложении выступает самостоятельный глагол со значением каузации, он по существу лишается своей самостоятельности и по своему поведению сближается с аффиксом [Comrie 1976; Zubizaretta 1985; Davies, Rosen 1988]. Как пишет Б. Комри, "хотя во французской конструкции

[6] Под пропозицией мы будем понимать фрагмент семантической структуры, состоящий из предиката и его аргументов.

выступают два спрягаемых глагола, которые в определенных обстоятельствах даже могут быть разделены другими словами, тем не менее эти два глагола во многих отношениях функционируют как цельная единица" [Comrie 1976: 262].

Посмотрим теперь с единой точки зрения на каузативные конструкции и на отрицательные предложения, которые мы обсуждали в предыдуших разделах. В обоих случаях в семантической структуре имеется полипредикативная конструкция, в которой верхний предикат (каузатив, отрицание) подчиняет пропозицию. В синтаксической структуре эта конструкция воплощается в виде простого предложения, в котором верхний предикат семантической структуры выражен самостоятельным словом (глаголом *faire*, частицей *не*). В обоих случаях это слово маскирует свою истинную природу и проявляет себя не так, как этого можно было бы ожидать. Однако происходит это принципиально по-разному, как бы в противоположных направлениях. Глагол *faire* движется в сторону дальнейшего понижения своего статуса и принимает поведение аффикса. Частица *не*, наоборот, "становится на цыпочки" и ведет себя так, как пристало только глаголу подчиняющего предложения. Это проявляется в том, что отсутствует явление, обязательное внутри простого предложения, – мена *уже* на *еще*. Благодаря этому и оказалась возможной инверсия сфер действия частиц *уже* и *не*, столь интригующе проявившаяся в "Медном всаднике"[7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Богуславский И.М. 1990 – Внешняя и внутренняя сфера действия некоторых темпоральных обстоятельств // Z. Saloni (red.). Metody formalne w opisie jezyków slowianskich. Bialystok, 1990.

Богуславский И.М. 1996 – Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Булыгина Т.В. 1975 – Проблемы теории и практики морфонологического описания // ИАН СЛЯ. 1975. № 4.

Зализняк А.А. 1972 – Из древнеиндийской морфонологии // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы. М., 1972.

Зализняк А.А. 1987 – Грамматический очерк санскрита // В.А. Кочергина Санскритско-русский словарь. Изд. 2-е. М., 1987 (1 изд. – 1978).

Падучева Е.В. 1990 – Отрицание // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Чурганова В.Г. 1973 – Очерк русской морфонологии. М., 1973.

Comrie B. 1976 – The syntax of causative constructions: cross-language similarities and divergencies // M. Shibatani (ed.) Syntax and semantics, V. 6. The grammar of causative constructions. 1976.

Davies W., Rosen C. 1988 – Unions as multi-predicate clauses // Language. 1988. V. 64. № 1.

van Baar T. 1997 – Phasal Polarity. Studies in language and use. Amsterdam, 1997.

van der Auwera J. 1993 – *Already* and *still*: beyond duality // Linguistics and philosophy 16 (1993).

van der Auwera J. 1998 – Phasal adverbials in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.), Adverbial constructions in the languages of Europe. Berlin; Mouton de Gruyter, 1998. XVIII.

Zubizaretta M.L. 1985 – The relation between morphophonology and morphosyntax: The case of Romance causatives // Linguistic Inquiry. V. 16. № 2. 1985.

[7] При подготовке этой работы я имел возможность обсуждать ее с Н.Д. Арутюновой, А. Барентсеном, О.Ю. Богуславской, Д. Вайссом, Д.О. Добровольским, Л.Л. Иомдиным, Л. Куликовым и Е.В. Падучевой. Я благодарен этим коллегам за высказанные замечания и советы.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2002

© 2002 г. В.И. ШАХОВСКИЙ, В.В. ЖУРА

ДЕЙКСИС В СФЕРЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. фон Гумбольт неоднократно отмечал, что "любая отдельная человеческая индивидуальность, взятая в ее отношении к языку, – это особая позиция в видении мира" [Гумбольт 1984: 80–84, 162–173]. На эту позицию влияет множество факторов, как собственно языковых, так и неязыковых: социальных, культурных, этнических, психологических, гендерных. Благодаря этому все люди различны как внутри языкового общества, так и за его пределами, в том числе и по параметру "Восток–Запад". Эти параметры влияют существенно на фокус эмпатии, на понятийные точки зрения и следовательно, на вербалику видения мира, внешнего и внутреннего. Они же влияют и на различное понимание (интерпретацию) одного и того же высказывания разными коммуникантами. В.А. Звегинцев обратил внимание филологической герменевтики на то, что говорящие и слушающие извлекают из отдельных высказываний (устных и письменных) значительно больше информации, чем содержится в них как языковых образованиях [Звегинцев 1976: 206]. Это индивидуальное приращение, трансформация смыслов высказывания объясняется той или иной точкой отсчета в сознании говорящего и слушающего, характеризующей их "Я", которое всегда индивидуально и по форме и по содержанию вербалики. "Сознание не просто дублирует с помощью языковых средств отражаемую реальность, но выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конституируя их в реальные обобщенные модели действительности" [Петренко 1988: 12].

Ценностные ориентиры языковой личности определяются ее индивидуальным дейксисом, конституентом которого является внутренний эмоциональный космос "Я". Все ценностные ориентиры "Я" эмоционально окрашены и влияют на вербальное поведение языковой личности (далее – ЯЛ). В каждом отдельном случае говорящий выбирает ту или иную точку зрения (или точку отсчета) на эмоциональное/эмоциогенное событие. Эта точка зрения всегда является личностной, глубоко уходящей в фоновые знания говорящего и его эмоциональный опыт, и поэтому на поверхности не всегда мотивированной для речевых партнеров. Ч. Филлмор называет такую точку зрения семантической перспективой [Филлмор 1981: 517–521]. Существуют и другие номинации рассматриваемого нами феномена – "угол зрения", "способ видения" [Duden 1962: 434, 463, 465], "интенция" [Кацнельсон 1988: 110] (в нашем понимании – неварьируемая эмоциональная интенция ЯЛ. – *В.Ш., В.Ж.*), "фокус внимания" [Welter 1980: 291], "понятийная точка зрения" [Минский 1979: 52–53].

Фиксированные в сознании ЯЛ индивидуальные понятия о ценностных ориентирах превращаются в дейктики, система которых формирует эмоциональный дейксис ЯЛ, реализуемый "тиранией слов", которая определяет модели и стереотипы ее вербального поведения в эмоциональном общении. Такова в общих чертах концепция эмоционального дейксиса, которая предлагается в данном исследовании. В своем дальнейшем изложении мы будем исходить из следующих гипотез:

1. Параметричность эмоций должна быть экстраполирована не только на лексический уровень, но и на уровень эмоционального высказывания, что позволяет считать эмотивность полистатусной категорией.

2. Особый характер взаимодействия между эмоцией и когницией проявляется, в частности, в том, что различные виды когнитивных оценок по-разному вербализуются в эмотивной речи. При рассмотрении способов вербализации эмоций особую роль играет выявление прототипических ситуаций возникновения эмоций.
3. Вербализация эмоций осуществляется сообразно с потребностями "лица" адресанта/адресата.
4. Для изучения вербализованных эмоций актуальным является выявление таких параметров, как эмотивная интенция субъекта речи, модальность, тональность и направленность его эмоций. Взаимодействие этих параметров определяет эмоциональное речевое поведение говорящего в конкретной эмоциональной ситуации.
5. Эмоциональный дейксис языковой личности и является результатом сложной системы ее взаимоотношений с окружающим микро- и макромиром и определяется целым рядом факторов, в том числе и вышеперечисленными.

Перейдем к изложению теоретического обоснования данных гипотез.

I. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ДЕЙКСИС КАК МОТИВ ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ

В силу многогранности, многофункциональности и сложности такого феномена, как эмоциональная сфера человека, он все чаще становится объектом пристального внимания различных наук (психология, медицина, кибернетика, лингвистика и др.). В современной психологии и психолингвистике существуют различные подходы к проблеме эмоций. Интрасубъективный подход подразумевает изучение эмоционального опыта и выражения эмоций индивида, что в наиболее общем виде может быть сформулировано как изучение влияния эмоций на отдельно взятого человека. В центре внимания межличностного подхода находятся особенности трансляции и декодирования эмоций (адекватность, точность). В рамках социального подхода изучается влияние социальных и культурных факторов (ценности, нормы и т.д.) на язык эмоций [Gallois 1993: 311].

В современной науке нет единого мнения относительно того, какие признаки или факторы должны учитываться при определении понятия "эмоция". По мнению одних исследователей, эмоции могут быть определены в терминах необходимых и достаточных условий [Clore, Ortony 1991], другие считают возможным объяснять сущность эмоций посредством представления прототипических сценариев [Russell 1991b], третьи предполагают существование неких эмоциональных примитивов (базовых эмоций), при помощи которых должны описываться все прочие эмоции [Johnson-Laird, Oatley 1989].

Результаты различных попыток определить сущность эмоций служат еще одним подтверждением известного диалектического тезиса о единстве эмоционального и рационального в познании. С.Л. Рубинштейн одним из первых обратил внимание на двойственную природу эмоции, которая "включает в себя единство аффективного и интеллектуального, переживания и познания" [Рубинштейн 1984: 156]. В настоящее время проблема взаимодействия эмоционального и рационального при изучении эмоций рассматривается на уровне соотношения эмоции и когниции. Согласно одной точке зрения, эмоции существуют до проведения их когнитивной категоризации в сознании индивида [Zajonc 1984]. Для аргументирования данной точки зрения приводится факт наличия базовых эмоций, представляющих собой эмоциональные примитивы, не поддающиеся представлению при помощи когнитивных структур. Другая точка зрения заключается в том, что эмоции полностью когнитивно и социально обусловлены [Lasarus 1984].

Рассмотрим некоторые определения эмоций, разработанные в рамках второго подхода, который, по нашему мнению, более близок к истине.

По мнению ряда психологов и лингвистов (Дж. Клор, А. Коллинс, Н. Фрийда, Т. Гем, П.Н. Джонсон-Лэрд, К. Оутли и др.), эмоции неразрывно связаны с когнитивной оценкой, так как являются ее результатом [Шаховский 2001]. В основе такой оценки лежит соответствие/несоответствие какого-либо события и потребностей субъекта оценки [Frijda 1986: 102, 257]. В структурном плане любая эмоция может быть представлена как определенная последовательность, которая включает условие возникновения, когнитивную оценку, физиологическую активацию, изменения на уровне готовности к осуществлению действий, а также само действие (там же). П. Джонсон-Лэрд и К. Оутли, размышляя о сути эмоций, приходят к выводу о том, что эмоция включает в себя эмоциональный сигнал и пропозициональное содержание, представляющее собой в "расшифрованной форме" когнитивную оценку того, что его вызвало [Johnson-Laird, Oatley 1989: 85]. Думается, что именно такую пропозицию эмотивных высказываний имеет в виду Л.А. Пиотровская, когда говорит о "логизированном" компоненте их значения [Пиотровская 1995: 125].

Нами уже проводилось выделение различных видов оценки (моральная, этическая, социальная, бытовая и пр.), лежащей в основе вербальных эмотивных реакций [Шаховский 1988: 115]. Рассмотрим, как соотносятся эмоции и оценка на уровне их вербальной презентации. Прежде всего отметим, что эта презентация в эмотивных высказываниях связана с двумя видами оценки: первичной и вторичной. Эмоции, связанные с первичной оценкой (эмоциональные состояния), вербализуются потому, что им предшествовала оценка, а эмоции, связанные со вторичной оценкой (эмоциональные отношения), выражаются для того, чтобы дать оценку какого-либо объекта [Пиотровская 1995: 108–111]. Нам представляется, однако, что на вербальном уровне само взаимодействие между оценкой и эмоциональной реакцией в виде эмоционального состояния или отношения имеет более сложный характер. Допустим, что первичная оценка (в понимании Л.А. Пиотровской) может привести к появлению некоторой эмоциональной реакции (например, возмущению). В этом случае неясным остается, какая оценка релевантна в ситуации, когда способом экспликации эмоционального состояния (например, обиды) становится вербализация неодобрения или осуждения (например, упрек), то есть отрицательная оценка либо положительная самооценка (например, оправдание). Именно в этом смысле мы считаем, что эмоция является не только результатом определенного вида оценки, но и сама может служить основанием оценки [Шаховский 1988: 116]. Подобный двойственный характер отношений между эмоцией и оценкой должен оказывать существенное влияние на способы их вербального воплощения в эмотивных речевых актах [Поспелова 2001: 53–57].

В вербализации эмоций, на наш взгляд, необходимо выделять два этапа. На первом этапе осуществляется первичная оценка эмоциональной ситуации, т.е. то, что С. Шлехтер называет сопоставление "по памяти или по чувству" возбуждения, возникающего в какой-либо ситуации, с эмоцией, специфической в плане тональности, направленности и модальности [Изард 1999: 51], т.е. фактически – когнитивная оценка. Вторичная оценка представляет собой уже вербализованное выражение когнитивной оценки.

Рассмотренные точки зрения стали основанием для выдвижения нами гипотезы о том, что различия между отдельными видами вербализованных эмоций являются результатом отражения разных видов первичной когнитивной оценки. Исследование вербалики таких эмоций как осуждение, неодобрение, отвращение, презрение (направленных эмоций) показало, что специфика каждой из них определяется не только характером оценки (соответственно, этическая, деррогативная или гедонистическая), но и степенью ее категоричности (высокая – осуждение, низкая – неодобрение, средняя – презрение, отвращение). Основную роль при этом играют оценочная лексика, лексические выразительные средства и стилистические приемы, например, "***Мошенник** он, **продажная душа, взяточник, плут,** казну **обворовал!** Его скоро **под суд отдадут!***" (осуждение + возмущение) (Достоевский. Чужая жена и муж под кроватью). В вербализации таких эмоций как возмущение, отчаяние, удивление

(ненаправленные эмоции) оценочные слова и лексические стилистические средства играют второстепенную роль, о чем свидетельствует их слабая представленность в высказывании, либо обязательность их интенсификации посредством синтаксических средств. Возрастает роль синтаксических, синтактико-стилистических, морфологических средств, в том числе и средств, представляющих собой нарушения системных правил английского языка, например: "***I did not kill her! I did not kill her! It is all lies! I never kill her – never***..." (отчаяние) (Christie. The ABC Murders).

Определение роли вербального выражения эмоций в межличностном общении должно осуществляться, на наш взгляд, в контексте значимости эмоций вообще [Пищальникова 1989]. Традиционно значимость эмоций для индивида определяется теми функциями, которые они выполняют в процессе его жизнедеятельности [Шаховский 1988]. Определяющим моментом для уяснения значимости эмоций является, по нашему мнению, то, что эмоции представляют собой механизм репрезентации субъектом личностного смысла отраженных им явлений в форме оценки отношения этих явлений к реализации потребностей субъекта речи [Шаховский, Сорокин, Томашева 1998б].

Категория "потребностей" субъекта как отправная точка для возникновения эмоциональных переживаний занимает значительное место в психологических и лингвистических исследованиях. Отметим, что в различных теориях эмоций, разработанных в зарубежной лингвистике, используются различные термины для обозначения этого понятия: потребности, мотивы, планы, цели. Все эти термины обозначают некие мотивационные конструкты, лежащие в основе деятельности индивида, результатом существования которых и являются различные эмоции. Как справедливо отмечает Н. Фрийда, причиной возникновения эмоций является выполнение/невыполнение условия удовлетворения потребности, под которым он понимает соответствие ситуации некоторому стандарту [Frijda 1986: 335–336]. Исследователь выделяет две основные группы потребностей: глубинные и поверхностные. К первой группе относятся потребности, условиями удовлетворения которых являются такие состояния индивида, как безопасность, сексуальное удовлетворение, способность к совершению чего-либо и др. Поверхностные же потребности определяются им в терминах специфических целей (например, возмущение по поводу нарушения прав человека) [Frijda 1986: 338].

Роль вербального выражения эмоций на межличностном уровне также может быть определена с точки зрения степени удовлетворения различных потребностей индивида. На уровне межличностного общения значимость эмоций может быть представлена в том числе и в терминах теории вежливости, разработанной П. Браун и С. Левинсоном. Центральным понятием данной теории является "лицо", под которым исследователи понимают позитивную социальную значимость, свой собственный имидж, на который претендует некий индивид. К двум главным потребностям "лица" данные авторы относят: 1) потребность беспрепятственно осуществлять собственную деятельность, а также не допускать покушения на собственные права, владения, частную собственность и т.д. (потребности "негативного лица"); 2) потребность в уважении и любви других людей (потребности "позитивного лица") [Brown, Levinson 1987: 61]. Определенные виды речевых актов оказывают различное воздействие на "негативную" и "позитивную" ипостаси "лица". Например, извиняясь, говорящий совершает акт самоуничижения, то есть совершает нежелательное действие в отношении своего "позитивного лица", а критикуя кого-либо или не соглашаясь с кем-либо, "посягает" на "позитивное лицо" своего адресата. Такие речевые акты квалифицируются П. Браун и С. Левинсоном как угрожающие "лицу" акты (лицеущемляющие), следовательно, эмоциональные и эмоциогенные.

Опыт исследования эмоциональных проявлений индивида посредством изучения их влияния на "лицо" партнера по общению уже имел место в статье С. Шиманофф, посвященной видам эмоционального самораскрытия, применяемым супругами. Было установлено, что различные виды эмоционального самораскрытия по-разному "взаи-

модействуют" с "лицом" речевого партнера, что является важным условием достижения определенного перлокутивного эффекта. С. Шиманофф выделила четыре типа эмоционального самораскрытия по отношению к "лицу" собеседника: восхваляющие (одобрительные высказывания), компенсирующие (например, оправдание), нейтральные (неоценочные высказывания о третьем лице), угрожающие (неодобрительные высказывания) [Shimanoff 1987: 85–86].

Итогом рассмотрения значимости эмоций и их различных вербальных презентаций является вывод о том, что необходим учет характера взаимодействия между потребностями "лица" как адресанта, так и адресата. Интересным представляется также факт, выявленный в результате анализа различных типов оправдательных высказываний. Было отмечено, что не только различные типы эмотивных высказываний поразному взаимодействуют с потребностями "лица" адресата, но даже в рамках одного типа высказываний (обладающих идентичной эмотивной интенцией) могут быть найдены отличающиеся стратегии такого взаимодействия. В оправдательных высказываниях применяются две главные стратегии: стратегия "самоуничижения" и стратегия "самовыгораживания". Первая основана на отрицательной оценке собственных действий субъектом речи (угроза "позитивному лицу" субъекта речи) и является имплицитным способом заботы о "лице" адресата (готовность субъекта речи "возвысить" своего речевого партнера путем унижения своего "позитивного лица"):

"*Forgive my making such an exhibition of myself.* ***I was going to be such a fine early Greek, you know, and I turned out only a late Milesian – quite out of the decadence***" (Frederic. The Damnation of Theron Ware, or Illumination).

"*Боже, как я виноват перед вами! – вскричал он с глубокой горестью. – О,* ***как гнусно*** *я думал о вас* ***в своей мнительности****... Простите меня, Аркадий Макарович!*" (Достоевский. Подросток).

В первом из приведенных примеров маркерами "стратегии самоуничижения" является аллюзия, построенная на контрастировании полярных по оценочному знаку понятий. Во втором примере такими маркерами выступают лексические единицы, выражающие отрицательную оценку собственных действий субъекта речи.

Вторая стратегия обусловлена заботой адресанта о своем "лице" (стремление уменьшить угрозу своему "лицу" и минимально понизить свой и без того низкий ситуативный статус) и находит широкое применение в ситуациях статусного доминирования адресата:

"*Ваше превосходительство! Я* ***не такой человек.*** *Вы ошибаетесь. Я говорю, что вы в жестоком заблуждении, ваше превосходительство. Взгляните на меня, посмотрите, вы увидите по некоторым знакам и признакам, что* ***я не могу быть вором. ...Это все жена виновата. Я несчастный человек, я пью чашу!***" (Достоевский. Чужая жена и муж под кроватью).

"*Let me tell you this.* ***We're not criminals. We've done nothing wrong. We loved Alan. We gave him all the best we could.*** *All right, we quarrel sometimes – all parents quarrel – we always make it up.* ***My husband is good man. He's an upright man,*** *religion or no religion*" (Shaffer. Equus).

В первом из рассматриваемых примеров маркером стратегии "самовыгораживания" является имплицитная положительная самооценка, которая реализуется в виде отрицания негативной оценки, данной адресатом. С этой же целью привлекается эксплицитная отрицательная оценка внешних обстоятельств. Имплицитная положительная самооценка говорящего содержится и в указаниии на его непричастность к произошедшему. Во втором примере наряду с имплицитной положительной самооценкой используется эксплицитная положительная оценка, выраженная при помощи оценочных прилагательных.

В современной науке ведутся дискуссии по поводу определения принципов дифференциации эмоциональных явлений, что является условием их успешного изучения и описания. Основным принципом осуществления такой дифференциации является

параметризация эмоций, то есть выделение некоторых универсальных параметров, по которым они должны отличаться или совпадать.

В настоящее время большинство зарубежных психологов, вслед за В. Вундтом [Вундт 1984 : 47–63], выделяют три параметра (удовольствие, возбуждение, контролируемость или управляемость). При этом, как отмечает Дж. Расселл, эти параметры представляют собой некоторые понятия, имплицированные (имплицитно заключенные) в понимание того, что есть эмоции, а также в саму семантику обозначающих их слов [Russell 1991a : 438]. Список параметров эмоций, у К. Изарда, гораздо пространнее и включает удовольствие, активность, намеренность, напряженность, импульсивность, контролируемость, самоуверенность и экстравертированность (там же). Надкультурный, универсальный характер указанных параметров отмечается и в [Osgood, May, Miron 1975].

В рамках другого подхода параметры дифференциации представляют собой аспекты когнитивной оценки обстоятельств, ведущих к возникновению той или иной эмоции [Gehm, Scherer 1988]. Согласно еще одному подходу выделенные параметры представляют собой аспекты поведения и мотивы, являющиеся следствием возникновения эмоций [Frijda 1986].

Параметризация эмоций в том виде, в котором ее представляют Т. Гем, К. Шерер, Н.В. Витт, Н. Фрейда, с одной стороны, является важным этапом в составлении таксономии эмоций, а с другой, тесно связана с проблемой разработки когнитивной модели эмоций, о необходимости которой говорит Дж. Расселл. По его мнению, такая модель должна быть эквивалентной некоторой структуре знаний, включающей информацию о том, что вызывает данную эмоцию, каков механизм ее протекания, как управлять ею и как оценивать ее возникновение [Russell 1991a : 428]. Эмоции могут быть причиной вербального поведения homo loquens, а с другой стороны, их причины могут находиться как в его окружении, так и внутри него [Driven 1997: 55–86].

Когнитивные модели эмоций отличаются у представителей различных национально-культурных сообществ. Согласно этой концепции, можно говорить о "гиперкогнитизированных" эмоциях вследствие тщательной разработанности их когнитивной структуры, а также бóльшего количества языковых единиц, представляющих их в языке. На другом полюсе находятся "гипокогнитизированные" эмоции, соответственно отличающиеся слабой разработанностью когнитивной структуры, а также их малой представленностью в корпусе языковых единиц. Естественно, что результат категоризации эмоций и их вербальных коррелятов трех ипостасей (номинация, дескрипция, экспрессия) зависит от принципов их категоризации [Rosch 1978]. Одним из них может быть критерий прототипической ситуации.

II. ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КАК КРИТЕРИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Важным теоретическим и прикладным аспектом дифференциации эмоций является выявление их прототипических ситуаций. Эта идея плодотворно разрабатывается как в отечественной, так и зарубежной психологии и психолингвистике, причем отмечается некоторое разнообразие в использовании терминов прототипическая ситуация, сценарий, событие, система фреймов для обозначения рассматриваемого явления [Караулов 1987: 189–203; Кубрякова и др. 1996].

Изучение эмоций посредством выявления для них прототипических ситуаций связано с теорией прототипов Э. Рош. Прототипы как наиболее яркие представители какой-либо категории объектов лежат в основе языковой категоризации [Rosch 1977]. В самом общем виде и сценарий, и прототипическая ситуация могут быть обозначены как описание некоторых событий, являющихся прототипами для возникновения определенных эмоций.

Существуют различные подходы к выделению принципов, которые должны быть положены в основу составления прототипического сценария. В представлении

Р. Абелсона, сценарии эмоций включают и понимание (схема знаний, связанных с данной эмоцией), и описание поведения (реакция на переработку знаний), то есть в его модели сама эмоция является лишь частью сценария [Abelson 1981: 715–729]. По мнению Дж. Расселла, в сценарий эмоции должно быть включено только описание поведения индивида при появлении определенного эмоционального переживания [Russell 1991a: 442–443]. Исследователь отмечает также относительную "приблизительность" сценариев в силу того, что границы между эмоциями представляются весьма зыбкими и неопределенными, вследствие чего наблюдается несовпадение сценариев одних и тех же эмоций как в межкультурном пространстве, так и у представителей одного и того же национально-культурного сообщества.

Прототипические сценарии конструируются на основе различных переменных. Одни ученые считают, что такими переменными являются уже названные нами биполярные параметры эмоций (удовольствие, возбуждение, контролируемость или управляемость и др.) [Russell 1991b], другие используют в этих целях аспекты когнитивной оценки ситуации (новизна, приятность события, благоприятность для реализации целей, потребностей, потенциальная способность справиться с ситуацией, совместимость с моральными нормами и представлениями о собственном идеальном "Я" [Gehm, Scherer 1988]). В центре внимания Дж. Бучера и М. Брандта [Boucher, Brandt 1981] оказались обстоятельства, предшествующие возникновению эмоций, а для Н. Фрийда важны мотивы, желания и установки к совершению определенных действий [Frijda 1987]. П. Экмана интересуют изменения мимики, голоса, а также физиологические реакции языковой личности [Ekman 1972].

Размышляя о культурно-специфических аспектах эмоций в своих более поздних работах, Дж. Расселл приходит к выводу о том, что причины и последствия эмоций являются их прототипическими характеристиками, вследствие чего они могут быть включены в сценарии эмоций [Russell 1991a: 444]. Согласно Ю.Д. Апресяну, сценарий эмоции имеет пятифазную структуру, куда входят: первопричина эмоции (некое положение вещей); непосредственная причина эмоций (как правило, интеллектуальная оценка); собственно эмоция; желание продлить или прекратить данное состояние; внешние, в том числе и вербальные, проявления эмоции [Апресян 1995: 367–369]. А. Вежбицкая предлагает другой способ составления сценариев для толкования эмоциональных концептов. В ее понимании, сценарий эмоции – это "типичный когнитивный сценарий", пользуясь которым носители языка вычленяют определенный вид или диапазон чувств. Подобные сценарии могут быть эксплицитно представлены в терминах лексических универсалий, то есть универсальных концептов, лексикализованных во всех языках мира [Вежбицкая 1999: 507–509, 653]. Важным концептуальным моментом этого подхода является вывод А. Вежбицкой о том, что информация, представленная в таком сценарии, всегда связана с выражением определенной когнитивной оценки ситуации, в которой эксплицируется та или иная эмоция. А.А. Силин, рассматривая средства описания эмоционального состояния в португальском языке, выделяет следующие релевантные, с его точки зрения, актанты ситуации: субъект состояния, состояние и причина ситуации [Силин 1988: 6]. Это также является свидетельством важности причинно-следственных отношений для представления как прототипических сценариев эмоций, так и их ситуаций. Такое же мнение находим у П. Джонсон-Лэрд и К. Оутли. Однако эти исследователи считают, что прототипические ситуации, включающие причину эмоции, и прототипические ситуации, описывающие ее последствия, хотя и помогают отличать ее от других эмоций, тем не менее не проливают свет на характер самого эмоционального переживания [Johnson-Laird, Oatley 1989: 93], с чем трудно не согласиться.

Итогом рассмотрения различных (хотя и далеко не всех) точек зрения на составление прототипических сценариев и ситуаций эмоций можно считать утверждение о безусловной важности и необходимости описания прототипических событий какой-либо эмоции как условия ее адекватного отграничения от ряда других.

Представляется, однако, необходимым различать прототипические сценарии и ситуации. Отличительной особенностью первых, как справедливо отмечает Ю.Д. Апресян, наряду с указанием причин и следствий, является характеризация самой эмоции, а также линейный характер составляющих компонентов [Апресян 1995]. В отличие от сценария для представления прототипической ситуации несущественным является как указание на временну́ю последовательность компонентов, входящих в ее состав, так и описание самой эмоции.

Рассмотренные выше особенности представления эмоций в языке являются необходимым условием для адекватного описания эмоционального дейксиса как отправного пункта всей речевой деятельности ЯЛ.

III. ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В ЭМОТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

В современных исследованиях по теории эмотивности неоднократно подчеркивался тот факт, что обширный фонд эмотивных средств языка и речи является свидетельством важности той роли, которую играют эмоции в жизни и деятельности ЯЛ [Шаховский 1991; Филимонова 2001]. Широкое понимание "эмотивности" предполагает существование эмотивного аспекта практически в любом высказывании [Ионова 1998; Stevenson 1974].

В связи с этим встает вопрос о том, что же именно определяет и упорядочивает эмоциональное речевое поведение ЯЛ. Выше нами был продемонстрирован подход, согласно которому дифференциация, а также описание эмоций неизбежно сопряжены с их параметризацией. Однако в лингвистике такой способ изучения эмоциональных проявлений ранее использовался в основном для описания семантики слов, обозначающих эмоции, либо для составления таксономии таких слов.

При исследовании презентации эмоций на уровне высказывания (речевого поведения ЯЛ) встает вопрос о гетерогенности, кластерности и шифтерности эмоций, а следовательно, о необходимости выработки специфических приемов изучения их вербалики. Попытки изучения отдельных аспектов эмотивности высказываний уже приводили к созданию специфических моделей, включающих необходимые параметры эмоциональности [Шаховский 1988]. А.В. Селяев для выявления вербальных средств выражения положительных и отрицательных эмоций на уровне высказывания предлагает систему эмоциональных координат, в которой каждая эмоция закреплена за определенной областью пространства [Селяев 1995: 15]. По мнению автора, релевантными при изучении влияния эмоций на речевую деятельность ЯЛ являются следующие два параметра: 1) знак эмоций: неудовольствие (–) или удовольствие (+); 2) интенсивность эмоций, которая изменяется в диапазоне от успокоения до возбуждения.

Наш подход к изучению вербальных проявлений эмоций в развитие вышеупомянутых и всех других [Пиотровская 1995; Филимонова 2001], во-первых, устанавливает основные (а не отдельные) аспекты эмотивности высказываний (эмотивная интенция, модальность, направленность, тональность эмоций субъекта речи), а во-вторых, он, на наш взгляд, задает новое направление в изучении эмотивных высказываний ЯЛ. Эта новизна состоит в том, что особенности планов содержания и выражения эмотивных высказываний, использованные разными говорящими, обусловлены различающимися исходными эмоциональными позициями (точками отсчета их отношения к миру) коммуникантов в момент общения, которые мы называем их эмоциональными дейксисами.

Начало изучения проблемы дейксиса было положено Ф. Вегенером, К. Бругманом и К. Бюлером, в центре внимания которых находилось указательное поле языка. В настоящее время понятие д е й к с и с в наиболее общем виде может быть сформулировано как указание, связанное с определением некоторой точки отсчета, относительно которой оно (указание) осуществляется [Кравченко 1992: 89]. Ю.Д. Апресян

считает, что "... для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета" [Апресян 1986: 31]. Мы также убеждены, что для многих языковых значений представления человека (говорящего и чувствующего) являются точкой отсчета, в том числе и эмоциональной. Находится эта точка отсчета внутри эмоционального мира конкретного человека в системе и в структуре его личностных координат, знаний, ценностей и т.п. С другой стороны, в языке имеются специальные знаки, выполняющие функцию указания [Пирс 2000: 94] на эту точку отсчета – эмотивные знаки языка, используя которые в высказываниях, ЯЛ эксплицирует свою эмоциональную позицию, т.е. свой аутодейксис [Sitta 1993: 319–328], влияющий на ее эмоциональную картину мира.

Набор эмотивных средств языка ограничен и дейктичен именно в силу того, что диапазон эмоциональных переживаний человека гораздо шире и не всегда может получить адекватное вербальное выражение. Эмотивные средства, следовательно, могут приобретать ситуативное прагматическое значение, обусловленное спецификой эмоциональной позиции субъекта речи. Сравним следующие два высказывания, созданные героем романа Ф.М. Достоевского "Подросток" Аркадием:

"***Как это странно! Как это странно слышать!*** *– повторял я, утопая* ***в восторге***".

«***Какая странная записка!*** *– воскликнул я* ***в удивлении****... Да и* ***юмор странный****, – продолжал я, – гимназический условный язык между товарищами.* ***Ну кто может в такую минуту и в такой записке к несчастной матери****, – а мать она ведь, оказывается, любила же, –* ***написать: "прекратила мой жизненный дебют"!***» (Достоевский. Подросток).

В первой ситуации дескриптивные маркеры (*в восторге*) в сочетании с оценочной вербемой (*странно*), синтаксическими конструкциями в виде восклицательного предложения и повторов позволяют эксплицировать такие эмоции как удивление и восторг. Инициальные фразы второго высказывания имеют схожее вербальное наполнение (оценочная вербема *странный*, повторы, восклицательная конструкция). Однако следующая за ними вопросительно-аппелятивная конструкция, включающая оценочную вербему (*несчастный*), свидетельствует о неодобрении или даже осуждении, то есть о том, что удивлению на этот раз сопутствуют отрицательные эмоции. Таким образом, эмоциональная позиция героя данного произведения видоизменяется, что и находит отражение в вербалике порождаемых им высказываний.

Уже не вызывает ни у кого сомнений то, что и "число антропоцентрических значений в языке гораздо больше, чем обыкновенно думают" [Апресян 1986: 31]. Эмотивное значение (коннотация) является несомненно наиболее антропоцентрическим значением [Телия 1986; 1991: 36–67], активно изучаемым в последние 20 лет прошлого столетия новой отраслью языкознания – эмотиологией[1]. Заслугой современных исследований является определение статуса дейксиса (он относится к речевой деятельности) и описание различных его видов: пространственного дейксиса, временного дейксиса, дейксиса "нормального состояния" и оценки, дейктических форм вежливости, текстового дейксиса (анафорического и катафорического), интеракционального дейксиса [Алферов 2001; Рахимов 1986].

Итак, в лингвистике и в психолингвистике постепенно происходит переосмысление первоначального содержания данного понятия, что позволяет представить дейксис как некоторую абстрактную модель, использование которой отвечает потребностям многих частнолингвистических задач. К числу последних относится, например, изучение стилевой стратификации языка с точки зрения социально-дейктического измерения и других особенностей социального дейксиса [Макаров 1988: 77–81; Илюшечкина 1995: 127–128], изучение влияния эмоций на речевую деятельность как результат определенного эмоционального дейксиса ЯЛ [Шаховский 1998а]. Мы относим данный

[1] Объектом эмотиологии является языковая категоризация эмоций и полистатусная презентация когнитивно-дискурсивной категории эмотивности [Филимонова 2001].

тип дейксиса к числу нетрадиционных и полагаем, что он прозрачно вписывается в дейктическую парадигму.

Способ концептуализации понятия э м о ц и о н а л ь н ы й д е й к с и с станет более наглядным, если обратиться к пониманию дейксиса, разработанному А.В. Кравченко. Вслед за Ч. Филлмором, он считает, что "о дейксисе в современном языке можно говорить в терминах способа, которым социо-пространственно-темпоральная привязка коммуникативного акта мотивирует форму или дает материал для интерпретации высказывания, в котором проявляется этот акт, и в терминах грамматической и лексической систем в языке, которые служат для сигнализации или отражения такой привязки" [Кравченко 1992: 88]. Применительно к цели нашей статьи эмоциональный дейксис можно рассматривать как средство, которым определенные эмоциональные характеристики субъекта речи определяют специфику плана содержания и плана выражения порождаемых им эмотивных высказываний. Их лексические и грамматические особенности в свою очередь сигнализируют об их "привязке" к определенным эмоциональным характеристикам ЯЛ.

В основу экстраполяции понятия д е й к с и с в сферу эмоциональной речевой деятельности нами были положены представления К. Бюлера о дейксисе как некоторой системе координат "субъективной ориентации", во власти которой находятся все участники общения [Бюлер 1993: 95]. Следовательно, эмоциональный дейксис можно представить как систему координат субъективной эмоциональной ориентации ЯЛ. Эмоциональный дейксис – это исходная эмоциональная позиция ЯЛ, выступающая в качестве основания для осуществления эмоциональной речевой деятельности, которое образуется в результате взаимодействия четырех параметров, представляющих собой актуальные эмоциональные характеристики субъекта речи. Такими характеристиками являются: 1) эмотивная интенция ЯЛ; 2) модальность ее эмоций; 3) тональность ее эмоций; 4) направленность ее эмоций. Эмоциональный дейксис можно представить как некоторую "точку пересечения" вышеописанных координат (в дальнейшем – параметров) или определенное сочетание их актуальных значений в том или ином эмотивном речевом акте. Система эмоционального дейксиса ЯЛ может быть представлена в виде схемы, где каждая из четырех прямых соответствует одному из его параметров, а именно, эмотивной интенции (ЭИ), модальности (М), направленности (Н) и тональности (Т):

Схема 1

Эта система, по нашему мнению, является отправным пунктом эмоциональной речевой деятельности ЯЛ и находит свое проявление в использовании ею определенных языковых средств (эмотивных знаков) и стратегий речевого поведения. Различные типы эмотивных высказываний могут быть представлены разными сочетаниями названных параметров, при этом сами эти параметры с определенной регулярностью получают отражение в высказывании при помощи особых вербальных сигналов, в том числе и порождаемых ЯЛ "речем". Рассмотрим основные параметры эмоционального дейксиса ЯЛ подробнее.

IV. ЭМОТИВНАЯ ИНТЕНЦИЯ И МОДАЛЬНОСТЬ ЭМОЦИЙ ЯЛ

Выше мы отмечали значимость вербального выражения эмоций для межличностного общения, апеллируя при этом к факту наличия у каждой ЯЛ различных эмоциональных потребностей. Учет данного факта особенно важен, по нашему мнению, для правильного понимания содержательного аспекта эмоциональности, который, по мнению Н.В. Витт, связан с ценностными ориентациями личности, важнейшими мотивами, определяющими направленность деятельности, побуждающими к деятельности, с самооценкой личности и с индивидуальным опытом человека [Витт 1987: 45]. Такой же точки зрения придерживается и Н. Фрийда, который считает, что эмоциональное поведение человека по большей части представляет собой интенциональное поведение. В связи с этим сами эмоции могут быть определены как интенциональные структуры, включающие указание на изменение или сохранение сложившейся ситуации и способы их достижения, определенные аспекты этой ситуации, а также "задействованные" в ней объекты [Frijda 1986: 98].

Действительно, деятельность индивида (в том числе и речевая) обусловлена наличием у него определенных потребностей, которые получают отражение в мотивах, установках, интенциях и целях. Итак, первоначальным условием порождения эмоциональной речи является переживание ее субъектом определенных эмоций, выступающих в качестве мотивов к осуществлению речевой деятельности. Тем не менее, наличие одних лишь мотивов не определяет, по нашему мнению, вид деятельности, посредством которой потребность (породившая мотив) может быть удовлетворена. Приведем следующий пример. Допустим, что в результате воздействия сильного стрессора, человек переживает эмоцию гнева. Данное эмоциональное переживание является мотивом к осуществлению некоторых действий, что выражается в появлении определенной интенции: эмоциональной – выразить эмоцию невербально (например, стукнуть кулаком по столу), либо эмотивной – выразить эмоцию вербально. Возникновение эмотивной интенции, выступающей в качестве способа выражения мотива, провоцирует ЯЛ к эмоциональной речевой деятельности. Кроме того, такая интенция представляет собой и условие реализации цели, так как, по мнению Т.М. Дридзе, цель может рассматриваться как стремление к осуществлению определенной коммуникативной интенции [Дридзе 1984: 57]. Представляя, таким образом, равнодействующую мотива и цели, интенция оказывается центральным звеном и определяющим моментом коммуникации, в том числе и эмоциональной.

Принято различать два основных вида эмотивных интенций: эмоциональное воздействие и выражение эмоций. В понимании Е.М. Вольф, первый вид эмотивной интенции реализуется в высказываниях, иллокутивной целью которых является эвокация определенных эмоций у адресата, а второй – в высказываниях, иллокутивная цель которых состоит в выражении эмоционального состояния говорящего [Вольф 1985: 166–167]. Однако во многих случаях не представляется возможным говорить о раздельном существовании подобных интенций. Проблема состоит в том, что выражаемая говорящим эмоциональная оценка (а через нее и его эмоциональное отношение/состояние) направлена, по мнению ряда лингвистов [Вольф 1985; Пиотровская 1995 и др.], на эмоциональное воздействие на адресата, то есть должна каузировать определенную эмоциональную реакцию со стороны собеседника (эмоциональное заражение). В связи с этим Л.А. Пиотровская предлагает намерение выразить эмоциональное состояние самого субъекта речи квалифицировать как иллокутивную цель, а стремление оказать эмоциональное воздействие на адресата – как перлокутивную задачу [Пиотровская 1995: 45].

Таким образом, можно считать, что эмотивная интенция как параметр эмоционального дейксиса представляет собой синтез иллокутивной цели и перлокутивной задачи. Говоря об интенции эмоционального самовыражения, мы имеем в виду доминирование иллокутивной цели в структуре интенции субъекта речи, то есть его намерение определить в вербальной форме эмоциональную значимость какого-либо

события/явления для себя, как в следующем примере, где говорящий дает эмоциональную оценку ситуации с целью презентации собственных эмоций (горе, отчаяние):

"***I can't go on no longer like this. I can't bear it. I can't bear it. I shall do away with myself. I can't bear no more***" (Mansfield. The Cup).

В интенции эмоционального воздействия превалирует перлокутивная задача, то есть намерение говорящего определить в вербальной форме эмоциональную значимость какого-либо события для указания на это адресату с целью оказания влияния на его поведение. В приведенном ниже высказывании субъект речи также дает эмоциональную оценку ситуации. Тем не менее прагматической целью данного речевого акта является эвокация у адресата таких эмоций, как стыд, раскаяние:

"*Oh*! ***it is envious, cruel. And I thought you would be above such a thing*** (Shaw. The Doctor's Dilemma).

Необходимым звеном при изучении эмоциональных процессов и их влияния на различные виды человеческой деятельности является рассмотрение отдельных аспектов эмоциональности. Качественный аспект представляет собой характерное для человека отношение к явлениям действительности, эксплицируемое в модальности и "знаке" доминирующих эмоций. Наше понимание модальности, позаимствованное у психологов [Витт 1983], выступает как уточнение одноименного лингвистического термина. Мы исходим из положения В.Г. Гака о том, что следует различать модальность диктума и модальность модуса. Первая отражает "отношение сообщаемого к действительности с точки зрения говорящего", вторая выражает "знания, волю и чувства (подчеркнуто нами. – *В.Ш.*, *В.Ж.*) говорящего по отношению к тому, что сообщается" [Гак 1998: 558]. Именно аспектом второй разновидности и является модальность в разработанном нами понимании эмоционального дейксиса. Мы рассматриваем эмоциональный аспект модальности, включая в объем его понятийного содержания только качественную определенность эмоций. Качественная определенность эмоций (их модальность) реализуется в различных видах эмоциональных переживаний (радость, гнев, печаль и т.д.). В дальнейшем термин м о д а л ь н о с т ь эмоции используется для обозначения конкретных видов эмоциональных переживаний.

При рассмотрении качественной специфики эмоций как одного из параметров эмоционального дейксиса особое внимание должно быть уделено таким вопросам, как групповой (кластерный) характер эмоций, а также проблема диффузности и амбивалентности эмоций. Первый из указанных феноменов проявляется в "своеобразном стягивании" большого числа сходных по качеству эмоций вокруг нескольких эмоций более общего характера [Витт 1983: 31]. Такими эмоциями "более общего характера" признаются в психологии и в когнитологии базовые эмоции, о которых уже говорилось выше [Вежбицкая 1999: 503–506; Шаховский 2001].

Наряду с такой важнейшей характеристикой эмоций, как их схожее качество, с учетом которого осуществляется объединение эмоций, необходимо учитывать и другую их особенность, а именно различную интенсивность эмоций, составляющих одну группу. Таким образом, можно выделить различные группы (кластеры), внутри которых эмоции отличаются только интенсивностью их переживания и могут быть представлены как разновидности или производные некоторой базовой эмоции. К примеру, такие эмоции, как боязнь, опасение, испуг, ужас, принадлежат, по мнению А. Вежбицкой, к группе "страх" [Вежбицкая 1999: 567]. Кроме того в эту группу могут быть включены беспокойство, озабоченность, тревога. Е.М. Вольф отмечает, что эмоции группы "гнев" также могут быть дифференцированы по степени интенсивности: а) слабая степень эмоции – досадовать, раздражаться; б) средняя степень эмоции – сердиться, злиться; в) сильная степень эмоции – возмущаться, негодовать; г) высшая степень проявления эмоции, т.е. аффект – приходить в ярость, бешенство [Вольф 1989: 60]. Замечено, что существуют довольно устойчивые связи между эмоциями, не только разными по тональности и модальности, но даже и полярными (как в немецком эмономе *Haßliebe*).

Кластерность и взаимопроникновение эмоций, переживаемых человеком, являются отличительными особенностями протекания эмоциональных процессов. Это обусловливает такую характеристику эмоций как отсутствие четких границ между ними, то есть их диффузность. В связи с этим вспоминается стихотворение У. Блейка, цитируемое Эланом, одним из персонажей пьесы Дж. Пристли "Time and the Conways":

"Joy and woe are woven fine,
A clothing for the soul divine;
Under every grief and pine
Runs a joy with silken twine..." (Priestley. Time and the Conways).

Проявление амбивалентности эмоций мы видим в презентации двухзнаковых (+/–) вариантов одной и той же базовой эмоции, например, радость (+)/злорадство (–); радостное (+)/грустное (–) удивление. Амбивалентность эмоций получает реализацию в полиэмотивности различных языковых единиц и речевых структур. На уровне лексики, как показывают результаты исследования английской аксиологической лексики, полиэмотивность реализуется посредством явления энантиосемии [Ретунская 1996: 77–87]. Ярким примером амбивалентности вербализованных эмоций является и семантика многих междометий [Вежбицкая 1999: 611–650] и фразеологизмов [Телия 1996: 184–186; Цоллер 2000: 56–64].

Комплексный характер выражаемых в высказывании эмоций находит отражение и в смысловой структуре высказывания, в которой могут быть вычленены семантические компоненты (эмотивные смыслы), одновременно соответствующие нескольким эмоциям. Предполагается, что эти семантические компоненты иерархизированы и можно говорить о некоторой эмоциональной доминанте эмотивного высказывания [Антропова 1995: 43; Астен 2000: 20].

Модальность (качественная специфика) переживаемых говорящим эмоций представляется, таким образом, одним из главных факторов, отвечающих как за формирование эмотивной интенции ЯЛ, так и за выбор средств ее вербального воплощения в эмотивном высказывании.

Параметры тональность и направленность, к рассмотрению которых мы переходим, также представляют собой важные аспекты формирования эмоциональной позиции ЯЛ, т.е. являются еще двумя дейктиками этой позиции.

V. НАПРАВЛЕННОСТЬ И ТОНАЛЬНОСТЬ ЭМОЦИЙ

В широком понимании направленность эмоций реализуется в качестве "адресованности" к каким-либо элементам ситуации, к непосредственному окружению, то есть к некоторой структурной единице когнитивного образа. Иными словами, направленность проявляется в эмоциональном реагировании на определенные объекты [Вилюнас 1986; Витт 1987 и др.]. В лингвистике бóльшей популярностью пользуется узкое понимание направленности, сформулированное Д. Юмом. Согласно его концепции, направленность представляет собой "транзитивность эмоций, допускающую их разделение по дихотомическому принципу: эмоции, могущие обратиться на самого субъекта, например, гнев, или же – на других людей – ненависть" [Витт 1983: 28].

По мнению ряда лингвистов [Ионова 1998; Пиотровская 1995; Шаховский 1988; Юдина 1973; Филимонова 2001 и др.], вербальные средства выражения эмоций в актуальном употреблении субъектом речи выступают в качестве сигналов его эмоционального состояния/отношения.

Эмоциональное состояние имеет лишь двухкомпонентную структуру, куда входит субъект состояния и эмоциональный признак. Кроме того, эмоциональное состояние обладает рядом специфических свойств, таких как временный, непостоянный характер, или ограниченная протяженность во времени, статичность и неконтролируемость [Силин 1988: 4].

Эмоциональное отношение, в отличие от эмоционального состояния, предполагает наличие третьего компонента, то есть некоторого объекта, на который направлены

эмоции (адресат, третье лицо, любой из объектов ситуации, ситуация в целом). Согласно когнитивной теории эмоций, ненаправленные эмоции отличаются от направленных своей структурой, так как последние включают некоторое эмоциональное переживание (являющееся разновидностью одной из базовых эмоций) плюс когнитивное представление о том, на что направлена эмоция, то есть указание на эмоциональные отношения между субъектом и объектом эмоции [Johnson-Laird, Oatley 1989: 98–99].

А. Вежбицкая предлагает одним из семантических признаков отграничения эмоциональных состояний от эмоциональных отношений считать признаки 'это плохо для меня' и 'это плохо' [Вежбицкая 1999: 634].

Итак, эмоциональное отношение представляет собой эмоциональное переживание, вызванное внешним (относительно говорящего) объектом и не соотносимое им со своей личностной сферой в плане утилитарности, в то время как эмоциональное состояние предполагает, что некое событие, эмоционально оцениваемое субъектом речи, может принести пользу/ущерб (как материальный, так и моральный) самому говорящему. Этот дополнительный эмотивный смысл "это плохо/хорошо для меня", актуализирующий внутренние эмоциональные переживания иного рода (чем при эмоциональном отношении), и позволяет различать эмотивные высказывания, направленные на выражение эмоционального состояния и эмоционального отношения говорящего.

Для иллюстрации приведенного выше положения рассмотрим следующие примеры:

"*No cancer* ***will be worse than mine,*** *Sally,* ***nor more virulent, more horrendous, more agonizing. I am scared,*** *Sally.* ***I am very, very scared***" (McNally. Lips Together, Teeth Apart).

В первом из этих примеров эмотивной интенцией субъекта речи является выражение его эмоционального состояния. Джон считает, что он обречен, так как у него рак, хотя и на начальной стадии. Пытаясь найти сочувствие и поддержку у Сэлли, он не только дает отрицательную эмоциональную оценку данной ситуации через эмотивные вербемы (*worse, virulent, agonizing*, etc.), но и в эксплицитной форме экстраполирует эту эмоциональную оценку на свою личную сферу (*than mine*), прибегая при этом к приемам гиперболизации и "нагнетания" эмотивов. Это и позволяет квалифицировать данное эмоциональное переживание как эмоциональное состояние страха и отчаяния.

Во втором высказывании субъект речи выражает свое негативное эмоциональное отношение (неодобрение) по поводу необходимости говорить правду при любых обстоятельствах в форме образного сравнения (*as healthy as skidding round a corner at 60*). Отрицательная оценка в данной ситуации не сопряжена с дополнительным смыслом "это плохо для меня": "*I think telling the truth is about* ***as healthy as skidding round a corner at 60***" (Priestley. Dangerous Corner).

Другим важным параметром представления эмоционального дейксиса ЯЛ в ее речевых актах является т о н а л ь н о с т ь эмоций. Наше понимание тональности также выступает своего рода уточнением содержания принятого в лингвистике и литературоведении понимания тональности как основной эмоциональной настроенности содержания произведения. В своей концепции эмоционального дейксиса ЯЛ мы выделяем только один аспект ее эмоциональной настроенности, а именно ее эмоциональную оценку по признаку позитивности/негативности как результат соответствия/несоответствия ситуации, в которой оказался субъект речи, некоторому стандарту, принятому в той или иной лингвокультурной общности. Таким образом, термин т о н а л ь н о с т ь рассматривается нами применительно к самим эмоциям в связи с тем, что в психологии и психолингвистике общепринятым является деление эмоций на две большие группы – отрицательные и положительные. Знак эмоций является их важнейшей отличительной особенностью, а также характеристикой их качественного аспекта, тесно связанной с м о д а л ь н о с т ь ю эмоций.

Различные психологические концепции используют разные критерии разделения эмоций на отрицательные и положительные. Несмотря на то, что все они основаны на оценке роли переживаемых эмоций, во внимание принимаются различные аспекты такой оценки. Можно выделить несколько подходов к определению знака эмоций: 1) с точки зрения их мобилизации возможностей субъекта (то есть мобилизующей функции) или наоборот – дезорганизации его деятельности; 2) с точки зрения соотнесенности эмоций с потребностями индивида и их удовлетворением/неудовлетворением; 3) с точки зрения субъективной гедонистической оценки субъекта, в том числе и речевой деятельности. Согласно первому подходу, отличительным признаком положительных эмоций является их стимулирующее или мобилизующее воздействие; для отрицательных эмоций характерно дезорганизующее влияние на субъекта. Отметим, что бесспорность данного утверждения применительно к речевой деятельности языковой личности представляется неоднозначной, так как полярные по знаку эмоции могут оказывать и тот, и другой вид воздействия. Например, сильное радостное возбуждение и возмущение могут привести к ухудшению качества производимой речи. Свидетельством этого являются такие фразы, как *Я не могу найти слов, чтобы выразить свое восхищение* и *У меня не хватает слов, чтобы выразить свое возмущение* (ср. англ.: *I am dumbfounded at your goodness. It takes my speech away* и *I am dumbfounded by your rudeness*).

Еще одним подтверждением сложной природы отношений между знаком эмоций и их воздействием на речевую деятельность индивида являются результаты экспериментального исследования характера влияния, оказываемого различными эмоциональными состояниями человека на способы его аргументации, полученные Н. Шварцом и Г. Блессом. Рассматривая различные аспекты социального поведения людей в зависимости от их настроения, исследователи отмечают, что приподнятое настроение как компонент эмоционального дейксиса ЯЛ вызывает "оптимистический крен" приводимых аргументов, в результате чего говорящий старается избежать построения длинных логических цепочек и доказательств. По мнению исследователей, тот факт, что в подобной ситуации говорящий стремится найти самый экономичный способ аргументации (путем использования штампов и стереотипов, а также наиболее очевидных выводов, либо выбирает творческий подход), свидетельствует о высокой когнитивной нагрузке его речевого поведения. Напротив, способы приведения доводов, используемые в подавленном настроении (иной эмоциональный дейксис), обладают меньшей когнитивной нагрузкой, так как они связаны с большим количеством логических рассуждений по поводу событий, вызвавших данное эмоциональное состояние, и большим количеством отрицательных суждений, особенно в отношении собственной персоны, и с отсутствием креативности.

В соответствии с результатами проведенных исследований, тональность эмоций влияет также и на такую особенность когнитивной деятельности ЯЛ, как способ категоризации явлений окружающего мира (так, для приподнятого настроения характерным является использование более широких категорий) [Schwarz, Bless 1991: 55–69]. К подобным выводам в ходе своих исследований пришел и К. Фидлер [Fiedler 1991: 100–101].

В соответствии со вторым подходом, отрицательное эмоциональное состояние представляет собой потребность, а положительное – ее удовлетворение, иначе говоря, в том случае, когда события способствуют реализации целей индивида, возникают положительные эмоции, если же эти обстоятельства препятствуют, либо ведут к неосуществлению его планов, то есть к неудовлетворению потребностей, возникают отрицательные эмоции. В рамках данного подхода осуществляют свои исследования Н. Фрийда, Н. Шварц и Г. Блесс, по мнению которых, положительные эмоции информируют переживающего их субъекта о том, что окружающий его мир – безопасное место, никоим образом не ставящее под угрозу преследуемые им в данный момент цели. Отрицательные эмоции сообщают субъекту о проблематичности сложившейся ситуации, грозящей привести к нежелательным последствиям [Schwarz, Bless 1991: 59].

В рамках третьего подхода дифференциация положительных и отрицательных эмоций осуществляется на основании субъективной гедонистической оценки говорящего: к положительным относятся эмоциональные проявления, вызывающие удовольствие, в то время как к отрицательным – эмоции, связанные с неудовольствием.

Представляется, что для определения тональности эмоций субъекта речи оптимальным является комплексное применение всех трех критериев: мобилизующего/дезорганизующего влияния эмоций на речевую деятельность; удовлетворения/ неудовлетворения его потребностей; соотнесение эмоционального переживания с личной сферой говорящего. Знак эмоций находится в тесной взаимосвязи с другими параметрами эмоционального дейксиса ЯЛ (эмотивной интенцией, модальностью, направленностью) и оказывает влияние и на план содержания, и на план выражения эмотивных высказываний, порожденных ЯЛ в эмоциональных коммуникативных ситуациях [Шаховский 1998а].

Иллюстративным материалом к сказанному выше об эмотивной интенции ЯЛ, модальности, групповом характере эмоций, направленности и тональности эмоций может служить пример из рассказа Ф.М. Достоевского "Маленький герой". Анализ дескриптивного контекста, характеризующего эмоции главного героя рассказа, одиннадцатилетнего мальчика, в различных ситуациях показал, что приведенная ниже эмоциональная речевая ситуация является типической для его эмоционального речевого поведения. Его психика находится в стадии формирования, поэтому он бурно реагирует на различные эмоциогенные события. Герой переживает первую в своей жизни влюбленность, поэтому его неотступно сопровождают такие эмоциональные переживания, как смущение, стыдливость. Новизна и необычность испытываемых чувств вызывают и эмоции удивления, и страха. Перлокутивная задача состоит в эвокации определенного эмоционального состояния у подруги своей возлюбленной (чувства стыда, вины). Комплексный характер эмоций, переживаемых мальчиком при создании данного упрека, находит свое выражение и в направленности его эмоций (эксплицируется и эмоциональное состояние, и эмоциональное отношение ребенка), при этом все эмоции являются отрицательными – это тональностный дейктик.

При осуществлении данного речевого акта эмоциональное отношение героя может быть охарактеризовано при помощи такой эмоции, как осуждение, что было выявлено нами путем сравнения этой речевой ситуации с прототипической для возникновения данной эмоции ситуацией: "осуждение предполагает убежденность субъекта оценки в том, что ее объект совершает какие-либо серьезные нарушения сознательно и целенаправленно, то есть виновен в несоблюдении законов, порядков, традиций" [Графова 1991: 94]. Модальности ненаправленных эмоций главного героя, определенные сходным образом, включают эмоции смущения, стыда, возмущения, страха и др. К такому выводу мы пришли в результате соотнесения данной эмоциональной коммуникативной ситуации с прототипическими ситуациями для упомянутых эмоций. Стыд является результатом оценки индивидом собственного поведения как в высшей степени несовместимого с внутренними (личностными) и внешними (принятыми в данном социуме) нормами поведения. Стыд появляется в ситуациях, когда индивид терпит неудачу или проявляет слабость, причем этот факт становится известным другим людям [Gehm, Scherer 1988 : 73].

Возмущение представляет собой разновидность такой базовой эмоции, как гнев. Возникновение данного эмоционального состояния обусловлено столкновением субъекта речи с вызывающими затруднения и проблемы, несвоевременными или аморальными обстоятельствами или действиями.

Страх является результатом возникновения непредвиденных обстоятельств/событий, которые создают серьезные препятствия для осуществления индивидом своих планов/нормальной жизнедеятельности, в силу того, что он не обладает достаточным потенциалом для того, чтобы эти препятствия преодолеть.

"*И хотя тогда же я догадался, что на мою долю выпадала самая досадная роль, – однако ж был до того смущен, раздражен и испуган, что полный слез, тоски и от-*

чаяния, задыхаясь от стыда, прорвался через два ряда кресел, ступил вперед и обращаясь к моей тиранке, закричал прерывающимся от слез и негодования голосом:

– И не стыдно вам** ...вслух ... при всех дамах ... говорить **такую худую ... неправду?!. Вам, точно маленькой ... при всех мужчинах ... Что они скажут?... вы – такая большая, замужняя!..." (Достоевский, 1989 : 155).

Вербальными сигналами направленных эмоций выступают лексические оценочные средства (*худая неправда;* и *не стыдно вам*), лексические стилистические средства (сравнение – *Вам, точно маленькой*). Ненаправленные эмоции объективируются в этой эмоциональной ситуации в комплексе с синтаксическими средствами (вопросительно-апеллятивные структуры, повторы, незаконченные, эллиптические и логически несвязанные предложения – возмущение; во фразах *при всех мужчинах; Что они скажут?* – стыд, страх).

Указанные выше эмоциональные переживания можно считать доминантами эмоционального поведения героя этого рассказа, что и отражено в его эмоциональном дейксисе, получившем вербальную объективацию в приведенном отрывке.

Итак, эмоциональная речевая деятельность ЯЛ является результатом, с одной стороны, ее потребностей, находящих выражение в интенциональном параметре эмоционального дейксиса, а с другой, результатом соотнесения этих потребностей с существующими предпосылками для их удовлетворения, что получает свою реализацию в качестве (а именно, в направленности, модальности и тональности) переживаемых языковой личностью эмоций. Уточнение смыслового содержания описанных выше параметров эмоционального дейксиса ЯЛ, состоящее в установлении возможных вариантов их реализации в речевой деятельности ЯЛ, а также определение влияния, оказываемого ими на форму и содержание ее речевой деятельности и является, на наш взгляд, доказательством обоснованности представления эмоционального дейксиса в терминах именно этих параметров и оправданности экстраполяции параметрического подхода к изучению эмоций на уровень эмотивного высказывания.

Приведенные выше теоретические рассуждения, по нашему мнению, могут способствовать установлению корреляций между выделенными параметрами и отдельными языковыми средствами в рамках различных видов эмоционального дейксиса. Эти виды, как было показано выше, зависят от различных комбинаций четырех параметров – эмоциональных характеристик ЯЛ как субъекта речи: 1) эмотивной интенции (выражение эмоций или эмоциональное воздействие); 2) модальности эмоций (виды эмоциональных переживаний: радость, гнев, etc.); 3) тональности эмоций (отрицательные/положительные); 4) направленности эмоций (направленные/ненаправленные).

Кроме этого, тип эмоционального дейксиса ЯЛ зависит и от ряда других факторов, которые будут рассмотрены нами в другой работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алферов А.В. 2001 – Интеракциональный дейксис как средство организации речевого взаимодействия (на материале французского языка): Автореф. дис. ...док. филол. наук. М., 2001.

Антропова М.В. 1995 – Личностные доминанты и средства их языкового выражения (на материале художественных текстов): Дис. ...канд. филол. наук. М., 1995.

Апресян Ю.Д. 1986 – Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Сб. научных статей ВИНИТИ. М., 1986.

Апресян Ю.Д. 1995 – Интегральное описание языка и система лексикографии // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.

Астен Т.Б. 2000 – Формирование межтекстуального эмоционального фона средствами английского языка: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2000.

Бюлер К. 1993 – Теория языка. М., 1993.

Вежбицкая А. 1999 – Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Вилюнас В.К. 1986 – Психологические механизмы биологической мотивации. М., 1986.

Витт Н.В. 1983 – Эмоциональная регуляция речевого поведения при общении. М., 1983.

Витт Н.В. 1987 – Эмоциогенность ситуаций в учебной деятельности и психологические предпосылки ее регуляции. М., 1987.
Вольф Е.М. 1985 – Функциональная семантика оценки. М., 1985.
Вольф Е.М. 1989 – Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М., 1989.
Вундт В. 1984 – Психология душевных волнений // Психология эмоций. Тексты. М., 1984.
Гак В.Г. – Языковые преобразования. М., 1998.
Графова Т.А. 1991 – Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
Гумбольт В. фон 1984 – Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
Дридзе Т.М. 1984 – Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
Жура В.В. 2000 – Эмоциональный дейксис в вербальном поведении английской языковой личности: Дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
Звегинцев В.А. 1976 – Предложение и его смысл. М., 1976.
Изард К.Е. 1999 – Психология эмоций. СПб., 1999.
Илюшечкина Л.А. 1995 – Социальный дейксис в русском и французском языках: штрихи к коммуникативному профилю // Языковая картина мира: Материалы Всероссийской научной конференции. Кемерево, 1995.
Ионова С.В. 1998 – Эмотивность текста как лингвистическая проблема: Дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 1998.
Караулов Ю.Н. 1987 – Русский язык и языковая личность. М., 1987.
Кацнельсон Д.С. 1988 – Заметки о падежной теории Филлмора // ВЯ. 1988. № 1.
Кравченко А.В. 1992 – Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. Иркутск, 1992.
Кравченко А.В. 2001 – Знак, Значение, Знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.
Кубрякова Е.С. и др. 1996 – Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
Макаров М.Л. 1988 – Социально-дейктическое измерение стиля // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин, 1988.
Минский М. 1979 – Фреймы для представления знаний. М., 1979.
Петренко В.Ф. 1988 – Психосемантика сознания. М., 1988.
Пиотровская Л.А. 1995 – Лингвистическая природа эмотивных высказываний (на мат. русского и чешского языков): Дис. ...док. филол. наук. СПб., 1995.
Пирс Ч.С. 2000 – Логические основания теории знаков. СПб., 2000.
Пищальникова В.А. 1989 – Стилистические функции эмоционально-оценочной лексики в рассказе В. Шукшина "Три грации" // В.М. Шукшин. Жизнь и творчество: Тез. докл. Всесоюзной научно-практической конференции. Барнаул, 1989.
Поспелова А.Г. 2001 – Речевые приоритеты в английском диалоге: Дис. ...док. филол. наук. СПб., 2001.
Рахимов С. 1986 – Проблема дейксиса как категории сопоставительной грамматики // Филологические науки. 1986. № 3.
Ретунская М.С. 1996 – Английская аксиологическая лексика. Нижний Новгород, 1996.
Рубинштейн С.Л. 1984 – Эмоции // Психология эмоций. Тексты. М., 1984.
Селяев А.В. 1995 – Сопоставительный анализ лингвистических средств выражения положительных и отрицательных эмоций в британском и американском вариантах английского языка: Дис. ...канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1995.
Силин А.А. 1988 – Средства описания эмоционального состояния: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1988.
Сорокин Ю.А. 1985 – Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
Телия В.Н. 1986 – Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
Телия В.Н. 1991 – Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
Телия В.Н. 1996 – Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996.
Филимонова О.Е. 2001 – Язык эмоций в английском тексте. – СПб., 2001.
Филлмор Ч. 1981 – Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая семантика. М., 1981.
Цоллер В.Н. 2000 – Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов // Филологические науки. 2000. № 4.

Шаховский В.И. 1988 – Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на мат. англ. яз.): Дис. ...док. филол. наук. М., 1988.
Шаховский В.И. 1991 – О роли эмоций в речи // Вопросы психологии. 1991. № 6.
Шаховский В.И. 1998а – Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки. 1998. № 2.
Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. 1998б – Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998.
Шаховский В.И. 1998в – Эмоциональный дейксис речевого жанра // Языковая личность: жанровая речевая деятельность. Волгоград, 1998.
Шаховский В.И. 2001 – Когнитивные ресурсы эмоциональной языковой личности // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград, 2001.
Юдина Н.Е. 1973 – К вопросу об эмотивных конструкциях в составе диалогических единств: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1973.
Abelson R.P. 1981 – Psychological status of the script concept // American psychologist. 1981. V. 36.
Boucher S.D., Brandt M.E. 1981 – Judgement of emotion: American and Maloy antedecents // Journal of cross-cultural psychology. 1981. V. 12.
Brown P., Levinson S. 1987 – Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
Bühler K. 1982 – Deixis ad Phantasma and the anaphoric use of deictic words // Speech, place and action. 1982.
Clore G.L., Ortony A. 1991 – What is more to emotion concepts than prototypes? // Journal of personality and social psychology. V. 60. 1991.
Duden 1962 – Der grosse Duden: Grammatik den deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, 1962.
Driven R. 1997 – Emotions as cause and the cause of emotions // The language of emotions: Amsterdam: Philadelphia, 1997.
Ekman P. 1972 – Universal and cultural differences in facial expressions of emotions // Nebraska symposium on motivation / Ed. by J.K. Cole, Lincoln, 1972.
Fiedler K. 1991 – On the task, the measures and the mood in research on affect and social cognition // Emotion and social judgements / Ed. by J.P. Forgas. London, 1991.
Frijda N.H. 1986 – The emotions. Cambridge, 1986.
Frijda N.H. 1987 – Emotion, cognitive structure, and action tendency // Cognition and emotion. V. 1. 1987.
Gallois C. 1993 – The language and communication of emotion: interpersonal, intergroup, or universal? // American behavioral scientist. V. 36. 1993.
Gehm T., Scherer K. 1988 – Factors determining the dimensions of subjective emotional space // Facets of emotion // Ed. by K.R. Scherer. Hillsdale (New Jersey), 1988.
Johnson-Laird P.N., Oatley K. 1989 – The language of emotions: An analysis of a semantic field // Cognition and emotion. V. 3. 1989.
Lasarus R. 1984 – On the primacy of cognition // American psychologist. V. 39. 1984.
Osgood C.E., May W.H., Miron M.S. 1975 – Cross-cultural universals of affective meaning. Urbana, 1975.
Rosch E. 1977 – Human categorization // Studies in cross-cultural psychology. San Diego, V. 1. 1977.
Rosch E. 1978 – Principles of categorization // Cognition and categorization. Hillsdale (New Jersey), 1978.
Russell J.A. 1991a – Culture and the categorization of emotions // Psychological bulletin. V. 110. 1991.
Russell J.A. 1991b – In defense of a prototype approach to emotion concepts // Journal of personality and social psychology. V. 60. 1991.
Schwarz N., Bless H. 1991 – Happy or mindless, but sad and smart? The impact of affective states on analytic reasoning // Emotion and social judgements / Ed. by P. Forgas. London, 1991.
Shakhovsky V. 1996 – Emotional level of human communication // Bridging cultures. A joint international collection of scientific papers. New Jersey; Volgograd, 1996.
Shakhovsky V. 1998 – On emotional semantics // Hermeneutics in Russia. 1998. № 4.
Shakhovsky V.I. 1999–2000 – The Russian language personality and its neologisms in emotional communicative situations // Imagination. Cognition and personality. The offical journal of the American association for the study of mental imagery. V. 19. 1999–2000.
Shimanoff S. 1987 – Types of emotional disclosures and request compliance between married spouses // Communication monographs. V. 54. 1987.
Sitta G. 1993 – Deixis and pointing gestures // Semiotica. V. 96, № 3–4.
Stevenson Ch. 1974 – Some pragmatic aspects of meaning // Readings in semantics: Illinois, 1974.
Wettler M. 1980 – Sprache, gedächtnis, Verstehen. Berlin, 1980.
Zajonc R.B. – On the primacy of affect // American psychologist. V. 35. 1984.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2002

© 2002 г. Е.Ю. ПРОТАСОВА

ЯЗЫК РУССКОЙ ПРЕССЫ ФИНЛЯНДИИ

Контакты русского языка с другими языками приобрели за последнее время новый характер, отчасти обусловленный изменениями во внутриполитической и внешнеполитической ситуации тех стран, где он используется. Среди социолингвистов и лингвокультурологов это положение вызывает особый интерес, так как позволяет непосредственно наблюдать мельчайшие изменения в функционировании языка, которые могут действительно привести впоследствии к образованию новых региональных вариантов русского. Русский язык в диаспоре, специфика его бытования в иной среде, поддержка и изменение исследуются, в частности, в работах [Голубева-Монаткина 1999; Грановская 1995; Земская 2001; Красильникова 2001; Рогачевский 2000; Meng 2001]. Исследователями описаны особые черты письменного и устного вариантов такой речи: колебания внутри системы, заимствования, косвенные влияния, изменения семантики и синтаксиса.

Наряду с индивидуальными вариантами употребления языка за рубежом появляются и его более институализованные литературные формы – он представлен в средствах массовой информации. Способы существования русскоязычной прессы разных волн эмиграции описаны в исследованиях [Комарова 2000; Кюльмоя 2000; Кузнецов, Зеленина 1999; Раев 1994; Протасова 2000; Синочкина 2000; Suomela 2001]. В данной статье наше внимание будет сконцентрировано на особенностях языка русскоязычных изданий Финляндии; исследование можно рассматривать как попытку систематизации некоторых аспектов функционирования русского языка в диаспоре.

Особенности периодических изданий, выходящих за пределами русскоязычной метрополии, определяются, по всей видимости, следующими причинами: русский язык существует в отрыве от массы его носителей и перестает живо реагировать на изменения, связанные с актуальной политико-экономической и социокультурной ситуацией; русский язык функционирует в условиях двуязычия и отражает особенности взаимовлияния языков у говорящих и пишущих на них. Тематическое содержание прессы связано, во-первых, с осмыслением жизни принимающей страны, во-вторых, с выяснением своего отношения к России и другим местам, где говорят по-русски; в-третьих, с попыткой понять двусторонние отношения стран в исторической перспективе и в современном мире; в-четвертых, с осознанием себя как особой группы населения. Каждый из этих аспектов проявляется в некоторых чертах языкового употребления в русской прессе Финляндии, которые можно проиллюстрировать конкретными примерами. Интересной представляется прямо или косвенно ведущаяся дискуссия о роли русского языка в Финляндии: кто, почему, как говорит по-русски, каково отношение доминирующего общества к пришлым элементам, есть ли будущее у русскоязычных, имеют ли они право считаться языковым меньшинством в Финляндии.

Характеристика истории, положения и языка русских в Финляндии дана, например, в трудах [Baschmakoff, Leinonen 2001; Протасова 1994, 1998; Harjula, Leinonen, Ovchinnikova 1993; Horn 1997; Leisiö 2001], а также в документальном фильме [Schulgin 1993]. В Финляндии к русскоговорящим относятся:

- "старые" русские, жившие, как правило, в крупных городах Финляндии, или их потомки – в случае сохранения языка во втором и третьем поколении (в основном, купцы, военные, священнослужители, переводчики, преподаватели, предприниматели, деятели искусства);
- русские крестьяне из нескольких сел на Карельском перешейке, переселенные туда в начале XVIII века из Центральной России;
- эмигранты, дачники, владельцы имений в Финляндии, оставшиеся или приехавшие после 1917 года;
- лица, заключавшие браки с финнами после Второй мировой войны (по приблизительным подсчетам, количество этих людей составляет более десяти тысяч человек; многие из них приезжали вместе с детьми от более ранних браков или перевозили впоследствии своих родителей; дети, рождающиеся в таких семьях, становятся в большинстве случаев двуязычными);
- приехавшие на работу (со времен перестройки);
- репатрианты.

Последняя категория сложна по составу. В тридцатые годы из Советского Союза вынужденно выехали граждане Финляндии (в противном случае они должны были отказаться от прежнего гражданства и принять советское), многие из которых были воспитаны в русских школах и российской культуре. Наоборот, в тридцатые годы на заработки или по идеологическим соображениям в Советский Союз приехали финны из Финляндии или США, не говорившие по-русски, судьба которых, в дальнейшем достаточно трагическая, была связана с русским языком; они смогли вернуться в Финляндию после смерти Сталина. В апреле 1991 г. президентом Финляндии Мауно Койвисто было оглашено предложение, обращенное к ингерманландским и иным финнам, переехать на постоянное жительство в Финляндию; с тех пор переехало более 20 тысяч человек. Не имея возможности подробно рассказывать об ингерманландцах, замечу лишь, что это финны, исторически проживавшие на территории, относящейся на протяжении последних трех веков к российским владениям (в основном, нынешняя Ленинградская область; в XX веке заброшены в Казахстан, Эстонию, Карелию, Сибирь и многие районы России). Они, естественно, владеют русским языком. Старые люди учились еще в финских школах; в конце 30-х годов школы были закрыты, после чего доступа к образованию на финском языке, за исключением территории Карелии, у большинства ингермандландцев, по существу, не было (за исключением тех, кто был захвачен во время войны в немецкий плен и оказался на территории Финляндии). Хотя язык передавался от родителей к детям в устной разновидности, многие переходили на русский, ставший доминантным; заключались смешанные браки с людьми других национальностей, что влекло за собой во многих случаях переход на язык окружения.

Таким образом, русскоязычное общество разнородно и объединено, в первую очередь, именно общностью языка и русской культуры. Наверно, можно сказать, что это прежде всего культура бытовая – еда, праздники, воспитание детей; быт подвергся сильному влиянию окружения. Кроме того, общность создается за счет знания классической русской литературы, изучаемой в школе, и популярной культуры актуального времени – фильмов, романов, эстрады, отголосков политической жизни и т.п.

Русский язык выступает также как иностранный, выбираемый не слишком часто, но повсеместно, от детского сада до кружков для пенсионеров, от длинного курса в школе до групп на предприятиях, специализирующихся в определенной области, – от бизнес-контактов до древнерусской литературы. Девять университетских кафедр дают высшее образование по русистике. Довольно большое число финнов отлично говорит по-русски и подолгу жило в Советском Союзе и России. Специальные издания славистов и русистов – журналы "Scando-Slavica", "Studia Slavica Finlandensia", "Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia", "Studia Slavica Tamperensia", "Aspektit", серия "Kikimora" и некоторые другие – посвящают много материалов сравнительному сопоставлению языков, культур и роли русского языка в современной Финляндии и мире.

Настоящее исследование выполнено на выборке из следующих изданий последних лет: "Вестник" (В), русский журнал в Финляндии, издававшийся в 1993–1998 гг. Форумом русскоязычного населения Финляндии; "Русский свет" (РС), в те же годы издание Русского Клуба г.Тампере; "Спектр" (С), финская русскоязычная информационная газета, выходит с 1998 г.; "Северный торговый путь" (СТП), финляндско-российская информационно-публицистическая газета; "Курьер Суоми" (КС), газета для русскоязычного населения Финляндии, для гостей из России, издававшаяся короткое время Обществом поддержки российской культуры в Финляндии; "Рубеж" (Р) и "Новые рубежи" (НР), журнал, стремящийся объединить русскоязычное население стран, расположенных вокруг Балтийского моря; "Русская газета Финляндии" (РГФ), несколько номеров которой было выпущено Финляндским юридическим бюро Г. Пайле Консалтинг; "Земляки" (З), русский журнал в Ювяскюля; "Остановка в Финляндии" (ОвФ) – рекламная продукция издательских групп. Издания адресованы жителям Финляндии, предпочитающим получать информацию на русском языке, и ограничены по тематике интересами своей аудитории.

Непосредственное воздействие финского языка на русский в журналах и газетах на удивление ограниченно. Нам удалось выделить несколько направлений влияния финского окружения на русский язык прессы.

Одна из особенностей – вариативность обозначений. Есть неустоявшиеся в русском языке наименования, переводы терминов, сравнительно редко – игра слов, причем, как правило, в разделах юмора и читательской почты. Хочется обратить внимание на словосочетание, не имеющее себе равных по количеству вариантов обозначения: *русский дом для престарелых – "Helenan koti", Русский дом для престарелых Helenankoti, русский дом для престарелых "Хеленан коти", Дом престарелых "Хелена", дом престарелых Helykoti, дом для престарелых Св. Елены, Дом для престарелых Святой Елены.* В разговорной речи "старые русские" называют это место также *русской* или *православной богадельней* или *приютом* (в здании раньше был приют), а также *старческим домом*. Все эти обозначения, с разницей в написании с большой или маленькой буквы, встретились в разных изданиях. В одном издании и даже в одном рекламном объявлении встречаются варианты правописания: *Пекарня Малвиала, Malviala, "Malviala"* (СТП 5/2000)[1] – вообще-то финские названия обычно не заключаются в кавычки, поэтому такое правописание, при котором они используются, – уже шаг навстречу читателю. Кроме того, встретилось одно рекламное объявление с тремя вариантами правописания фамилии – *Votkin, Wotkin, Водкин* (С 6/2000): в способах передачи фамилии отражаются финноцентричный, шведоцентричный (или несколько архаизированный – как при правописании слова *wanha* вм. *vanha* – "старый") и русскоцентричный подходы.

Большие трудности вызывает и наименование финского праздника, отмечаемого в конце ноября – начале декабря в преддверии Рождества. Буквально переводимое как "маленькое рождество" событие празднуется в учебных и трудовых коллективах, группами друзей, клубами, семьями и т.п. Отмечены такие употребления слова: *маленькое Рождество / рождество, семейный пиккуйоулу, pikkujoulu, праздник Пиккуйоулу, маленькая ёлка.* В разговорной речи это звучит обычно как "Соберемся на пикуёлу". Говоря об этом празднике в русском кружке института Ренвалла, А.Т.[2] транслитерирует название статьи латиницей: "Potshemu ja govorju po-russki" (В 1/1995, 9), а текст поясняет этот выбор: "Трудно сказать, что такое пиккуёулу в русском кружке в Ренвалле, – финский праздник с русским акцентом или русский праздник с финским"; Дед Мороз назван *Йолупукки* (транслитерация имени финского

[1] В скобках приводится источник цитаты: издание, месяц и год выпуска, после запятой может указываться страница, а также инициалы автора статьи.

[2] Инициалами указываются авторы статей названных выше изданий.

персонажа). Другой важный праздник – Иван Купала – получил также обозначение *праздник Juhannus* (в разговорной речи также *Юханнус*, с ударением на втором слоге вместо первого, или *Юханка*).

Поскольку система школьного обучения в Финляндии очень сильно отличается от российской, возникает путаница с переводом отдельных терминов на русский язык, так что часто в разных брошюрах, призванных облегчить интеграцию прибывающих иммигрантов в финляндское общество, одна и та же институция обозначена по-разному. Старшие классы школы (по фински: *lukio*) в устной речи обозначаются *колледж, хай-скул, высшая школа, гимназия, последние три года класса/школы, лицей* – ни одно название не идеально; пишущие опираюся либо на более популярный в России английский или американский варианты, переводя их или транслитерируя, либо на германский, либо на близкий к финскому по звучанию. Поэтому в прессе может встретиться и прямое заимствование без перевода *lukio*, и двойное обозначение с переводом *лицей* (*lukio*), и совокупное обозначение уже не уровня образования, а самих школьников: *учащиеся старших классов* (*lukio*), либо какое-то из устных.

Даются также финские слова в русской транскрипции, которые иногда встречаются в речи русскоязычных, т.е. подразумевается, что их следует произнести с акцентом, либо просто транслитерируются, как бы для лучшего понимания, иногда же представляют собой просто заимствование без дополнительных оттенков: *херра* (господин), *юхтиевастике* (термин, означающий ежемесячный взнос пайщиками кооператива определенной суммы денег на содержание правления), *хей, терве* (привет), *терветулоа* (добро пожаловать), *Акатееминен / Суомалайнен кирьякауппа / Онегин, бу(у)кс* (названия книжных магазинов; в разговорной речи используется аналог "Академическая книга", но перевод на русский названия "Финская книга" практически не встречается; в последнем примере однажды встретилось удвоение русского *у* по аналогии с английским вариантом *books*), *КЕЛА* (социальное бюро, занимающееся вопросами стипендий, пособий, пенсий, существует чаще как сокращение в финском, в этом варианте заимствовано и в русский устный), *Ома маа мансикка* (часть пословицы, буквально переводимой как "Своя земля клубника/земляника", второй, опущенной, частью является выражение "Чужая земля черника"), *на мансике* (на сборе клубники, одно *к* выпало – как бы по финским нормам чередования в падеже, хотя склонение происходит по русской парадигме; на летнюю работу – сбор клубники – часто приглашаются ингерманландцы и карелы из России), *Ваатехуоне* (название магазина одежды), "*Тиимари*", *Тиимари* (название магазина канцтоваров, игрушек и хозяйственных мелочей), *мужской хор "Эспоон миеслаулаят"* ("Мужской хор Эспоо", буквально "Эспооские мужские певцы", что, конечно, неблагозвучно по-русски), *родной хельсинкский "кирппутори"*, *кирпушник* (барахолка, оба наименования, одно из которых русифицировано, существуют активно и в разговорном русском языке; другой пример: "Иностранцы, особенно из России, не имеют долгов и все пособие по безработице тратят, вывозят кирпушник за кирпушником, старые машины". В 1/1993, 18, В.С), *юкси, какси, колме, вииси, кууси, юхдексян* (из разных изданий; передача счета на финском языке, известная по книге С. Лагерлеф о Нильсе, часто симулирует финскую речь как наиболее простой ее признак, с детства понятный русскому слушателю), *Миста раха*? (Откуда деньги?) – вероятно, имеется в виду, что где-то надо добывать именно финские деньги. Использование иноязычных слов зачастую избавляет автора от необходимости заключать все выражение, являющееся цитатой, заимствованием или ироничным пассажем, в кавычки. Впрочем, это характерно и для сегодняшнего стиля российских газет и Рунета, с той разницей, что там чаще заимствуются английские, а не финские слова.

Финские слова, используемые в текстах без транскрипции, обозначают категории и реалии финляндской жизни переселенцев – *paluumuuttajat* [репатрианты, например, в таком выражении: "Боюсь, как бы нам, paluumuuttajat, не стало хуже" (В 11/1994, 4);

от него образовано сленговое *баламуты*, удачное с точки зрения языковой игры, т.к. переселенцы часто чувствуют себя возмутителями спокойствия в финском обществе], *työelämäkurssit* (курсы по вхождению в рабочую жизнь), *yrittäjäkurssit* (курсы для предпринимателей), *Työväentalo* (Дом трудящихся), *Cygnaeuksen koulu* (школа имени Сигнеуса), *Teräsrautelan koulu* (школа места Терясраутела), *ope* (воспитатель или учитель, обычное сокращенное обращение детей к своему педагогу, полное слово – *opettaja*), *Pekka*, *Mikko* (через типичные финские имена дается понятие о том, что представляют собой собравшиеся дети), *Tänne*!, *Istu*!, *Shut up*! (Сюда! Сядь! Заткнись! – последнее заимствовано из американских фильмов; эти команды призваны продемонстрировать, на каком примитивном уровне происходит общение плохо говорящего по-фински отца со своим сыном), *Tapiola*, *Sampo*, *Pohjola* (названия страховых компаний). Просто по-фински и без перевода пишут цитаты из речи финнов, названия книг и журналов. На финском языке приводятся адреса за исключением дореволюционных – *Александровская*, *Елизаветинская*, *Екатерининская* улицы, но с переводом и в транскрипции встретились такие названия, как *Рыночная площадь* (*Kauppatori*), *улица Клууви*, *бывшая Владимирская* – *Kalevankatu*, *Андреевская* – *Lönnrotinkatu*. Многие старожилы русского происхождения пользуются шведскими названиями: *Скатуден* вм. *Катайянокка*, *Бренде* вм. *Кулосаари*. Большинство названий учреждений, в том числе магазинов и ресторанов, или помещений, во избежание путаницы, дается по-фински: *Tullikamari*, *Nahkuritalo*, *Yleisradio*, *Allberga*, *Musiikki Fazer* и т.д. Показалось интересным полутавтологическое употребление *Дворец Lasipalatsi* (Дворец Стеклянный дворец), вызванное тем, что последнее слово существует как устойчивое и нерасчленимое выражение на финском. Вряд ли соответствует реальности утверждение Н.Ф. (НР 5-6/2000, 108), прожившей в Финляндии около двух лет, о том, что в ее русском паспорте записано: "suomalainen". В некоторых случаях авторы заметок, вероятно, ссылаются на общий с читателем опыт, т.к. без перевода появляются слова типа *punatuvat* (традиционные деревянные дома, покрашенные в красный цвет); *yo-merkonomi* (*не знаю, как это правильно перевести на русский*) пишет автор, пытаясь сформулировать, какой именно профессией экономиста-бухгалтера можно овладеть; *mutsi*, *iski* ("мама", "папа", в речи детей) передают возрастные и ассимилятивные особенности речи подростков; *ушла из дома и живет в каком-то "nuorisokoti"* (доме-приюте для молодежи) – реалия жизни, подчеркивающая ее отличие от прежнего опыта и тем, что такие дома есть, и тем, что ребенок хочет и может в них уйти, и тем, что жизнь родителей происходит в большей степени на русском, а детей – на финском языке. Простые слова, которыми овладевают после нескольких дней жизни в Финляндии, хотя и могут передать финский колорит, все же скорее подчеркивают ограниченность словарного запаса переселенцев: *kyllä* (да), *ei* (нет), *moi* (привет); *Mitä kuuluu*? (Как дела?) – по поводу сложности в понимании смысла этой фразы, буквально переводимой "Что относится? Что слышно?", автор разражается целым пассажем; *Miksi*? (Почему?) – этот вопрос, заданный на финском языке, приобретает загадочно-философское звучание: кто его произносит, когда, где, относится ли он к прежней или теперешней жизни? Рекламный лозунг "в Лаппеенранте откроется новый ISO [= большой] магазин K-Rauta!" (СТП 8/2000, 1) подчеркивает большими буквами размер, а латиницей – финскость магазина и его принадлежность к известной торговой сети.

Двойные наименования, т.е. полное, частичное или поясняющее дублирование одного языка другим распределяются по нескольким группам. Во-первых, это необходимые сведения, когда знание реалии позволит избежать недоразумений, правильно понять и адекватно употреблять юридический термин, поможет найти у себя поблизости аналогичный тип учреждения (обычно в статьях специалистов они даются группами, чтобы разница между понятиями стала более выпуклой, можно

было бы охватить весь спектр вопрсов): *пенсия по безработице* (*työttömyyseläke*), *бюро занятости* (*työvoimatoimisto*), *страхование домашнего имущества* (*kotivakuutus*), *страхование жизни* (*henkivakuutus*), *живущие в арендованной или собственной квартире* (*osakehuoneisto*), *обширное страхование домашнего имущества* (*laaja kotivaakutus*), *omavastuu – доля убытков, которая страховой компанией не компенсируется*, *страхование от ответственности* (*vastuuvakuutus*), *компенсация расходов за судебные издержки* (*oikeusturvavastuu*), *т.н. "семейная" пенсия* (*perheeläke*), *страхование на случай болезни* (*sairausvakuutus*), *страхование от несчастного случая* (*tapaturmavakuutus*), *налог на капитал* (*pääomavero*), *Бюро по вопросам страхования для потребителей* (*Kuluttajien vakuutustoimisto*), *муниципальные консультанты по страхованию* (*kunnalinen kuluttajaneuvoja*), *народный университет* (*Kansalaisopisto*), *народные вузы* (*kansalaisopistot / työväenopistot*), *Народное училище города Турку* (*Turun suomenkielinen työväenopisto*; в переводе отсутствует, а в финском оригинале подчеркнуто, что язык обучения – финский, т.е. не шведский, чего можно было бы ожидать в Турку, где живет много финляндских шведов), *учебный центр городка Карья* (*Karjan kurssikeskus*; перевод также не точный, а приблизительно-смысловой); журнал "*Мир взрослого обучения*" ("*Aikuskoulutuksen maailma*"). К этой же группе можно отнести названия организаций, переводимые, как правило, пояснительно, а не буквально: *KEPA* (*Центральная служба координации сотрудничества*), *Alianssi* (*молодежный обмен*), *Tunkuyhdistys* (*Финский союз молодежи*).

Во-вторых, это термины, с которыми часто приходится встречаться, перевод которых, вообще говоря, излишен, но нужен потому, что позволяет пошутить, т.е. действовать в регистре "мы-то, дураки, и не знали, что это так называется, а вот оно": *kaksikielisyys* ("двуязычие"), *kotikieli* – "домашний язык, язык кухни", *äidinkieli* – синоним словосочетания "родной язык". Эта же тема актуальна и для шуток типа: "Aidin kieli этого бывшего ленинградца – финский. То есть язык его матери – финский. А его родной – русский... Попробуем перевести это с русскоязычного на русский" (В 5/1994, 10–11. В.С.); "На девочке обычная среди здешней молодежи футболка – пайта"; «...никто ведь не объяснил им, что русское "Я люблю тебя" не равно"I love you" или "Minä rakastan sinua"» (РГ, 1–2/2001, 13. З.К.). На многоязычной (финский, шведский, русский, английский языки) игре правописания и ассоциаций слов и расхождения в значении культурных понятий построен шуточный тест "Знакомы ли вы с финской кухней?" (ОвФ 10/2001, 47), в котором надо выбрать правильное содержание терминов *калакукко*, *майтокалакейтто*, *чаттбиллар*, *аатолохко*, *пальтен*.

В-третьих, определенный интерес представляют поиски эквивалентов, происходящие, так сказать, на глазах у всех. Например, это касается кампании по улучшению преподавания и изучения русского языка, связанной с выходом нового учебного комплекса по русскому языку "Капуста": "*Русский в голову – да*!" (*Venäjää kaaliin – ДА*!) [другой вариант перевода: «"*Котелок*" *по-русски варит*»] или перевод на русский финских пословиц и поговорок, когда основная задача автора – получить одобрение читателя.

Четвертый случай дублирования – уточнение реалии, когда в отсутствие эквивалента адресат мог бы заподозрить, что имеется в виду что-то не то; это особенно важно в отношении слов, которые в устной речи обычно употребляются по-фински, например: *традиционная грилли-маккара – жареные колбаски*. Иногда повторить по-русски хочется потому, что финское слово вырвалось как естественная реакция на жизнь в Финляндии, как имеющаяся на слуху цитата из финской речи, как признак происходящей интеграции, хотя автор русского текста понимает, что по негласно принятой конвенции следует говорить по-русски, например: "Onnea, то бишь счастья, как говорят финны!" (РС 5/1995, 6–8).

Дублирование, наконец, может иметь просветительские функции. Так, при перечислении названий театрального репертуара с переводом даются малознакомые

произведения, как *опера Joonan kirja* ("*Книга Ионы*"): *Hannu ja Kerttu* ("*Ганс и Гретель*"), без перевода на финский – хорошо знакомые, типа "*Дон Кихот*", а без перевода на русский – собственно финские, типа *Hallayö* (букв. "Ночь морозного тумана"). Рекордсменом можно считать статью о птицах в Хельсинки, где 15 названий дается на двух языках (В 8–9/1997, 20. Т.К.). Разумеется, есть и специальные публикации, основная задача которых – помочь преодолеть трудности финского языка (например, серия статей "Камешки преткновения" И.М. в газете "Спектр"). Хорошим тоном считается давать эквивалент на втором языке, если перевод неточен или не идиоматичен: *крошечная noutokahvila* (*домовая кухня*), букв.: "кафе, где можно купить блюда на вынос"; *красный флаг* (*пуналиппу*), в финском языке – самостоятельное сложное слово; *финские санки* (*potkukelkka*), букв.: "толкаемые санки"; *выставка "Все мы дети"* ("*Olemme lapsia*"), букв.: "Мы – дети"; *война справедливо характеризуется как междоусобная, гражданская* (*sisällissota*), букв: "внутренняя война" и т.п.

Общение финна с его русской женой передается как бы через ее отмеченную акцентом речь – при передаче финской речи: *культик* ("золотко" от финского *kulta*), *тянне* (сюда), *виереен* (рядом) – простые команды, демонстрирующие упрощенность общения, *юуу* (ага), *вармашти* ("конечно", характерно финское произношение *с* как *ш*) и т.д. – свидетельствующие об однообразии реакций мужа. Из более старых авторов, пытавшихся изобразить финский акцент в русском языке, можно назвать И. Савина (в Р 1/1999, 68–71, перепечатана статья 1926 г.).

Вообще, на страницах русскоязычной прессы часто возникает полемика между русскими женами, любящими своих финских мужей, считающими, что они прекрасно понимают друг друга, и такими, которые разводятся из-за несходства жизненных принципов. Здесь можно встретить и дублетные обозначения ("по oleskelulupa, разрешению на проживание"), и склонение русифицированного слова как финского: "Я лучше всю жизнь буду на вуокре жить" [*vuokra* – арендная плата за квартиру, имеется в виду, что бедный человек не имеет собственного жилья, а снимает его] (В 2/1993, 8. В.С.). В этом же духе составлена мини-пьеса "А вдруг... (женские откровения и страсти-мордасти)" (РС 4/1995, 10; 5/1995, 10–11), где для придания колорита используются признаки смешанной речи: нужно ухватить *какси кюмпя* [20 марок], *микроуни* [микроволновая печь; по устной норме, одно *у* в слове *ууни* пропущено], *маккара* [колбаса], в *Тукхолму* [в Стокгольм, склоняется финское слово *Tukholma*]. "Что, тоже за *фиником* замужем?"; "Глядишь, и к нашему берегу какой барин подвалит, *херрасмиес* по-ихнему..." [= джентльмен].

Цитируя речь детей, М.Ц. пишет, что они говорят: "*Опеттая* очень *киваа*" [Учительница очень хорошая.] (РС 3/1997, 7–8). Это попытка передать процесс забывания русского языка, наблюдающийся у детей.

Для журналиста, недостаточно знакомого с финским языком, характерны случаи неверной транскрипции и транслитерации финских названий, например, Дворец "*Хартелл*" в Хельсинки вм. "*Хартвелл*", *Тююлю* вм. *Тёёлё* (СТП 5/2000, 7). На первых порах после прибытия в Финляндию финский язык кажется таким невероятным, ни на что не похожим, что люди играют просто со словами типа *siili* (еж), *orava* (белка), *anna* (дай), *otto* (взятие): их рифмуют с русскими, к ним придумывают прилагательные и т.д. Принадлежность к тайнам финской речи делает человека отличным от его бывших соплеменников, чему свидетельством такой пассаж: "Я тогда разразилась в ответ [заезжему московскому журналисту] эмоциональной финской речью, составленной, главным образом, из слов saatana и perkele" (В 10/1994, 4–5. Т.И.) [ругательства, обозначающие инфернальные силы, как в данном случае, имеют гораздо большую негативную нагрузку в финской культуре, чем сексуальные выражения]. Почему-то одним из первых усваивается выражение, которое должно соответствовать

русскому "все, конец", например, в такой форме: "не буду, мол, ... и *кайкки лопну*!" – которая является калькой с русского, но не подлинным финским выражением (В 11/1994, 18. Raija Riita Mustonen [неслучайна игра в латиницу; предыдущие статьи автор подписывала кириллицей]). Смешанное употребление типа *наш вуократало* (дом, где квартиры сдаются внаем и часто живут люди, получающие социальные пособия, автор сравнивает с Ноевым ковчегом) делает финскую реалию родной и близкой, что подчеркивается наличием притяжательного местоимения (В 1/1993, 18. В.С.). Некоторая степень включенности в финляндскую жизнь позволяет подшучивать уже и над финским языком, например: "С тех пор вокруг их личной и творческой дружбы *yli rajan* [через границу] на радость финнам и русским сплетаются уникальные события и явления". (В 1/1995, 15. Т.И.)

Мысль получает иронический поворот, когда ожидаемое русское продолжение фразы вдруг становится финским словом, обозначающим бюрократическую реалию: "родня – *työvoimatoimisto*", т.е. бюро по трудоустройству, безусловно, важнейшее место для переселенца (В 1/1993, 15 Д.У.). Именно молодежь, постоянно находящаяся в финской среде, превращает отдельные заимствованные и освоенные русским языком лексемы в элементы сленга. Поэтому появилась молодежная страница под названием "Херра Спектруха Финляндский" (С), где отпускаются шутки вроде "хауска ту ту, блин!" (от Hauska tutustua – Приятно познакомиться); придумана философская идея PIHVI (когда-то заимствованное в финский *beaf*), а ее последователи – пихвиисты (С 10/2001). Важные для молодежи темы могут характеризоваться также обилием не финских и русских, а английских слов, например: *вирус хив, АЙДС, Айдс-центр* (В 12/1999, 8–9).

Задача познать две страны в сравнении не нова и предпринималась почти всеми, посещавшими Финляндию. Для русскоязычной прессы в высшей степени характерно использование слов *русский, русскоязычный, российский* и *финский, финляндский*, а также сопутствующих понятий. При таком сопоставлении неизбежно употребление этнонимов, хотя сравнение может делаться не прямо, а косвенно, подспудно. Газеты помещают статьи на сходные темы из финляндской и российской жизни на одном развороте, публикуют критические обзоры, дают подборки материалов, в которых перечисляются признаки, отличающие финляндские реалии от российских. Противопоставляются друг другу, например, *русские / финские солдаты, школы; российские / финские дороги, бизнесмены; российское / финляндское гражданство*. Вообще, с определением "финский" соединяется больше существительных, чем со словом "российский" (в этом можно видеть подтверждение взятой на себя этими органами функции: нести информацию о новой стране проживания), хотя можно отметить и такой курьез: "в газете..., издаваемой Клубом на финском и российском языках" (СТП 5/2000, 14. С.С.). Слова *финско- финноязычный* встречаются редко, часто именно для противопоставления чему-то "русскоязычному". Печатные источники разделяются по своему отношению к соответствующим обозначениям: их довольно мало в С, прилагательное *русский* весьма активно используется в В, *российский* в СТП, *финский* активно везде, но особенно в РГФ. Наверно, следовало бы по-разному говорить о *финской* или *финляндской* и *русской* или *российской* культуре, истории, стороне (в смысле "переговаривающиеся стороны" и "сторона границы"), но фактически мало кто из журналистов придерживается строгих правил разграничения понятий. О взаимоотношениях между народами и странами могут рассказать словосочетания, подобные таким: ***финско-русские*** *отношения, дружба, острова, школа* (В), *детские сады* (КС), ***финско-российский*** *театральный проект* (СТП), *высшая степень* ***русско-финского*** *гостеприимства* (РС), ***финско-российские*** *связи* (КС), ***советско-финляндское*** *сотрудничество* (В), ***финляндско-российская*** *комиссия, дискуссия между* ***финнами*** *и* ***россиянами*** (НР), утверждения о близости народов-соседей: *такие северные народы, как* ***финский*** *и* **русский** (СТП). Пишущие не всегда обращают особое внимание на морфологическую и семантическую симмет-

ричность наименований, перенос основного смысла на вторую часть сложного прилагательного, направление движения или сотрудничества (от первой части слова ко второй).

Рассмотрим, как русскоязычная пресса Финляндии употребляет наиболее частотные слова, связанные с наименованием этнической, национальной или языковой принадлежности или происхождения. Прилагательные (кроме субстантивированных в обобщенном значении среднего рода) даются нами в словарной форме; если прилагательное встретилось в оригинале в нетипичном контексте или написанным с большой буквы, приводится отрезок текста полностью, в других случаях само слово опускается.

Прилагательное ***финский*** связано со значениями "имеющий отношение к определенному языку, к данному народу, его истории и традициям, происходящий, имевший место в Финляндии, находящийся в Финляндии, по происхождению из Финляндии, сделанный в Финляндии, отражающий наиболее типичные для Финляндии черты", т.е. также "финляндский": *история, художники, художественная интеллигенция* [противопоставлена петербургской], *искусство, выставки* [выставки финских художников в Петербурге], *территория, эпопея, концерты* [концерты, прошедшие в Финляндии], *публика, взгляд на проблему, общественные организации, СМИ, приграничные селения* [на территории Финляндии], *правительство, земли, печать, государство, население, столица*, при этом словосочетания *ухоженные финские дороги, вежливый финский интерес*, скорее, идиоматичны и представляют собой именно особый тип дорог и интереса, а выражения типа *финская электричка* показывают, что электрички в Финляндии выглядят не так, как в России (НР). По другим источникам имеются такие компоненты словосочетаний с этим определением: *граница, пограничники, консульство, человек, учреждения, земля, продавцы, шерсть, государство, налогоплательщики, литература, сын финского народа, ученый, речь, народы, нация, русофобия, инвестиции, острова, солдаты, туристы* (В), *государство, парламент, революция, гражданство, Финский комитет европейской безопасности, коммунальные власти, фирмы, концерн, компания, магазин, земля, городок, пресса, историческая литература, букварь, издательство, телеграфное агентство, архив, профсоюз, мастерица, архитектор, прыгун с трамплина, лыжник, оркестры, с участием финского актера* (КС), *среда, общество, опыт, школа, власти, виза, органы, Финская Православная церковь, паспорт, фирмы, родители и общественность* (РС), *рабочий, студенты, школы и вузы, головы, университет, выпускник, балет, революция, кампания, законодательство, власти, Оборонительные силы, ПЕН-клуб / центр, университетская система, газеты, зритель, критик, ученый, народ, национальное движение, историческая традиция, определенные финские круги* (РГФ). Большинство компонентов касается коммерческих и административных объектов. Такие словосочетания, как *финский хоккей, финская школа* характеризуют большой круг взаимосвязанных понятий и знаний, а сочетания типа *финское мужское имя* указывают, скорее всего, на этимологию или употребительность среди представителей определенного народа (КС). *Финская тема* обычно бывает в творчестве художника или писателя, деятельности журналиста или политика, *финское творчество поэта* предполагает, что он писал и о других мотивах или в других странах (КС), а *финская модель* (РГФ) может в принципе касаться не только системы образования, но и других типов организаций.

Прилагательное ***финляндский*** должно быть официальным обозначением реалий, относящихся к Финляндии, поэтому многие из словосочетаний представляют собой исторические реалии или имена собственные: *гражданство* (В), *Финляндский комитет "Пушкин-200", Финляндская республика, революция* (КС), *революция, бюро, власти, территория, административные власти* (РГФ). Во многих случаях вместо

финляндский, в частности, по соображениям простоты произношения, пишется *финский*.

Некоторые варианты представляют собой вполне уместные описания (их много во всех изданиях): *известные в Финляндии имена, частная клиника в Финляндии, музыканты из Финляндии, клубы Финляндии* (НР), *парламент Финляндии* (В), *гражданин Финляндии* (РС), *рынок Финляндии, представитель парламента Финляндии, город в Финляндии, президент Финляндии, правительство Финляндии, государственная алкогольная компания Финляндии* (КС).

Кроме того, есть несколько случаев особой характеристики по языку: *финноязычная среда, финноязычная культура Финляндии* (В), *финноязычные друзья* (РС), *финноязычные* как существительное в значении "финны" (С).

Единожды встретилось наименование *финляндцы* (В). Иным способом можно сказать еще и так: *новые друзья из числа финнов* (РС).

Группа слов, обозначающих принадлежность к России и русскому, не симметрична по отношению к вышеописанной: гораздо больше употреблений слова *русскоязычный*, меньше описаний со словом *Россия*. Последнее, в частности, связано с тем, что не все, что относится к "русскому", из России. Правда, группа слов, сочетающихся со словом *российский*, по количеству не уступает лишь компонентам словосочетаний со словом *русский*. Почти не представлен компонент *советский, совок*.

Сочетаемость прилагательного ***русский*** довольно высока: *солдаты* (НР), *общественность, население, при русской власти, клиенты, библиотека, балалаечный оркестр, школы, русская община Гельсингфорса* [до революции], *Русский Красный крест, Русское Благотворительное общество* [до революции], *Русское общество трезвости, Русское купеческое общество, Русский бизнес-клуб, учреждения, Русский приют, царь, дом престарелых, пограничники, солдаты, старожилы, литература, история, салон, "святое дело сохранения русского языка, русской культуры и русских традиций в Финляндии", культурные и общественные организации, "русские" места, игровая школа русского языка, русская служба Радио Финляндии* (В), *Общество русской культуры Хямеенлинны; Русский пушкинский комитет Хельсинки; магазин русской книги; Центр русской книги, рабочие, большевики, церковь, литература, театр, радио, современная русская музыка, лучшая русская эстрада, русская речь на радио* (КС), *военнопленные, объединение русских писателей в Финляндии, система высшего образования, университетская система, модель, школы и вузы, балет, диплом, народ, школа, история, мафия, преподаватель* (РГФ), *культура, дети, патруль, войска, мафия и преступность, Русская Православная церковь* (РС), *зрители, автомобилисты* (СТП). Именно в Финляндии прилагательное *русский* ведет себя относительно нетипично: оно примерно в равных пропорциях обозначает и то, что было до советской власти, и то, что русское по происхождению на территории Финляндии, и то, что имеет отношение к современной России и русскому языку. Его во многих случаях дублирует прилагательное *российский*.

Сочетаемость прилагательного ***российский***: *художники, партизаны* [во время войны], *границы* (НР), *гражданство, разруха* [после революции], *бизнесмены, пресса, продукты, законодательство, посол, по советско-российской терминологии* (В), *читатель, покупатель, клиент, автомобилисты, машины, дороги, предприниматели, туристы, фирмы: на российских белых просторах* (СТП), *российские газеты, посольство, популяризатор всего российского в Финляндии, Общество поддержки российской культуры в Финляндии, окружающая российская действительность, диаспора, водители, литература, продавец, рынок, революция, авиакомпания, кино, легионер* (КС), *власти, территория, Российская армия, СМИ, студент, вуз* (РГФ), *действительность, бюрократия, водители, учебники, школа, дипломат, паспорт,*

рынок (РС). *Российский* может обозначать и то, что происходит из России, делается в России, носит на себе печать чего-то русского или российского, имеется у граждан России, но иногда как раз обозначает то из России, что не русское. Словосочетание *российский сервис* (В) в некоторых контекстах идиоматично.

Описательных контекстов со словом ***Россия*** сравнительно мало: *гражданин России* (РС), *группа дружбы с Россией в парламенте, спектакли на русском языке с участием актеров из России* (КС).

Достаточно активно употребление слова *русскоязычный*, поскольку оно позволяет объединить "старых" русских, давно являющихся гражданами Финляндии и говорящими по-русски по семейной традиции, новоприбывших переселенцев и эмигрантов, а также жен и потомков финнов, вообще, всех, кто готов много говорить по-русски. Сочетаемость слова ***русскоязычный***: *среда* (НР), *клубы и кружки, диаспора, население, люди, подростки, газета, журнал, пресса, вещание, радио* (КС), *население, Форум русскоязычного населения Финляндии, меньшинство, нацменьшинство, группа, работники, эмигранты, полиграфия, прихожане, русскоязычная культура Финляндии, игровая школа* (В), *слушатели, эфир, организации* (РГФ), т.е. это, в основном, люди или способ общения, в том числе и при помощи СМИ. Возмущаясь употреблением слова "русскоязычный" вместо "русский", Л.Б. (РГФ, 2/2000, 7, 12) превращает его в существительное.

Все же по отношению к финнам (или финнам и русским вместе) скорее используется термин ***русскоговорящий***: *врачи* (НР), *кандидат* (КС).

Встретились также описательные выражения: *отчий язык* (В), *читать на родном языке* (КС) [= русском].

Поиск новых способов выражения характерен и для диаспоры. Так, говорят об *игре "в русскость", "влиянии финскости", комплексе нефинскости* (В).

Очень часто *русский*, как и *финский*, – это упрощенное сокращение разговорного характера, которое пишущий заменил бы, если бы составлял официальный документ. Дискуссия о различии значений слов *русский, российский* и *русскоязычный* ведется достаточно широко, люди следят за речеупотреблением, в то время как разница между словами *финляндский* и *финский* подчас осознается только по аналогии с понятиями, устоявшимися в русском языке. Заметно также, что употребление этой группы обозначений как с точки зрения частоты, так и с точки зрения сочетаемости связано с общественно-политическими взглядами издателей и несколько различается у рассматриваемых газет и журналов.

Для собственного позиционирования необходимо утвердиться в том, откуда ты происходишь, какой страны ты гражданин, был ли ты гражданином еще каких-то стран, откуда ты переехал в Финляндию, где ты дольше всего жил, на каком языке больше всего говорил в своей жизни, есть ли у тебя постоянное место жительства с российской и финляндской стороны, сколько лет ты прожил в Финляндии и какой у тебя статус, по какой причине ты переехал в Финляндию, планируешь ли ты остаться в Финляндии, являешься ли ты гражданином Финляндии, какой у тебя родной язык, на каком языке говоришь ты дома, на работе, с родителями, детьми, супругой или супругом, какая национальность была записана в советском паспорте у тебя и твоих предков, насколько хорошо ты владеешь финским и русским языками, ездишь ли в Россию, как относишься к Финляндии и России, велик ли круг общения в каждой из стран, с кем и как часто, на каком языке ты общаешься.

Соответственно, выделяется несколько подгрупп наименований, важных для самоидентификации.

В Финляндии проживают: *иностранцы, иноземцы, приезжие, беженцы, беженцы по квоте, иммигранты, эмигранты, переселенцы, возвращенцы, репатрианты, возвращающиеся беженцы, возвращающиеся мигранты, ходатайствующие о праве убе-*

жища, причем это граждане самых разных стран или лица без гражданства. Следует сказать о правах, которыми обладает *лицо, постоянно проживающее в Финляндии*. Правом возвращения на историческую родину обладают *российские финны, финскоязычное население пригородных районов Ленинграда*, те, кто смогли *доказать финскую принадлежность, ингерманландские финны – реэмигранты, ингерманландцы, эмигрировавшие в Финляндию из бывшего Советского Союза: члены их семей, урожденные русские и эстонцы, урожденные финны, наследники финнов, которых Финляндия когда-то отвергла, то ли в результате поражения красной стороны в революции 1918 г., то ли во время лапуасского движения 30-х гг.; возвращенцы на свою историческую родину, репатриировавшиеся ингерманландцы; мы, финны из России; репатрианты, финские кровя*. Их не следует путать с теми, кто еще не приехал: *финскоязычное население* (на территории современной России), *живущие в России финны, финны-ингерманландцы, ассимилировавшиеся потомки ингерманландцев и других финнов*. С этой группой близко соотносится также большое количество терминов на финском языке и названий общественных организаций ингерманландских финнов (иногда перед этим обозначением добавляется словосочетание "так называемых") на финском и русском языках, с транслитерацией и переводом или без (например, *Инкерикескус – Ингерманландский центр – Inkerikeskus*).

В целях самоидентификации на вербальном уровне происходит отделение себя от других категорий русских: жителей метрополии, обозначаемых как *те русские, кто живет в России, русские в России, россияне*; от временно приехавших в Финляндию граждан России, получающих уточняющее имя *русские в Финляндии* [= туристы], *русские* [= туристы из России], *туристы из России, гости с восточной стороны границы, русские гости*, а также от представителей русскоязычных жителей Финляндии, родившихся в Финляндии, обычно потомков эмигрантов и крестьян, – *коренные русские, исторические русские, настоящие русские люди* [в смысле не бывшие советскими].

Обобщение некоторых категорий, объединяющих людей по происхождению: *такие, как мы, наши собратья, выходцы из России, наш соплеменник, те, кто с нами "одной крови", наши соотечественники, народный художник России, теперь живет в Финляндии, читатели из стран бывшего СССР, российские переселенцы, пришельцы с "другой стороны" границы, бывшие россияне – ныне новые жители Финляндии, соотечественники, свои сограждане, мы* [= *из совка*], *выходцы из России, вчерашние россияне, иммигранты из бывшего Союза, земляки*.

Указание на состоявшиеся изменения в жизни: *реальность, в которой мы все с вами находимся, "мы не в чужом монастыре", мы в гостях, мы дома, жизнь на новом месте*.

Указание на общность языка и культуры: *русскоязычная община, русскоязычные жители Финляндии, русскоязычные переселенцы, русская община Финляндии, живущие в Финляндии русские, финские русские, мы, русские, проживающие в Финляндии, русские в Финляндии, русские переселенцы, русскоязычные иностранцы, финляндские русские, финская "русскость", жители Финляндии, говорящие на русском языке, русскоязычное население, русское население Финляндии, "русские" дети*.

Указание на то, что финляндские финны – другие: *коренное население, коренные жители, финское общество, финские граждане, жители страны; в этой стране* [= в Финляндии], *местные бизнесмены*.

Указание на время приезда: *вновь прибывшие, старожилы и эмигранты последней волны, недавно приехавшие в Финляндию русские дети из России, Эстонии и других регионов бывшего Советского Союза, недавно приехавшие в Финляндию русские, приехавшие в Финляндию сравнительно недавно, старые и новые эмигранты*.

Указание на то, что есть общего с другими русскоязычными эмигрантами в других странах: *соотечественники, живущие вне родины, русскоязычная / русская диаспора, русский Берлин, заграничные / иностранные русские журналисты, русские журналисты в эмиграции, импортно-русская журналистика, Россия и эмиграция теперь едины, пришельцы из некогда изгойского эмигрантского мира.*

Но время от времени такие понятия смешиваются и пересекаются, например, "старые", и "новые" русские составляют русскоязычную общину Финляндии, вступая в *русские (точнее, русскоязычные) объединения*, объединяясь в *русское* или *русскоязычное меньшинство / население*, кто-то из "новых" при этом может уже быть гражданином Финляндии, а кто-то из старых из принципа – нет. Финляндский бизнесмен может представлять российскую фирму и наоборот, может жить в России или Финляндии. Авторы определений часто хотят уточнить и углубить свои ассоциации, чтобы дать по возможности точное описание того, насколько сильны в каждом конкретном случае влияния языков и культур.

Таким образом, русскоязычная пресса Финляндии выполняет важные и с точки зрения диаспоры, и с точки зрения финляндских властей функции: она дает информацию, касающуюся особенностей жизни в принимающей стране, образцы интеграции, помогает освоиться с финским языком и терминологией, она адресована и тем, кто приезжает в Финляндию на время, и тем, кто возвращается на историческую родину, и супругам финнов, и русским эмигрантам, и "старым русским". Важная особенность русскоязычной прессы – учет потенциального российского читателя, которому дается полезная в туристическом, экономическом и просветительском плане информация. Языковые особенности русскоязычной прессы Финляндии связаны с попыткой самоопределиться, понять финнов, финляндскую историю и на этом фоне самих себя, снять стресс, отвести душу, войти в общество. Для активных представителей русскоязычного меньшинства – это рупор их деятельности, средство объединения, способ привлечения внимания властей. Языковыми средствами, обеспечивающими выполнение этих функций, являются особое употребление заимствований, калек, переводов, толкований, идентификационных прилагательных, языковая игра на стыке культур и понятий, использование шрифтовых возможностей, орфографии, цитат и ссылок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голубева-Монаткина Н.И. 1999 – Языковая культура русской эмиграции во Франции и Канаде. М., 1999.

Грановская Л.М. 1995 – Русский язык "в рассеянии" / Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.

Комарова И. 2000 – Русскоязычная пресса за рубежами России (По материалам Первого всемирного конгресса русской прессы. М., 1999) // Русский язык за рубежом. 2000. № 2.

Красильникова Е.В. 2001 – Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. М., 2001.

Кузнецов И.В., Зеленина Е.В. 1999 – Во имя России // Публицистика русского зарубежья / Сост. И.В. Кузнецов, Е.А. Зеленина. М., 1999.

Кюльмоя И. 2000 – Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии // Труды по русской и славянской филологии.V. Тарту, 2000.

Земская Е.А. 2001 – Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 2001.

Протасова Е.Ю. 1994 – Финско-русское двуязычие и русский язык: опыт Финляндии // Славяноведение. 1994. № 4.

Протасова Е.Ю. 1998 – Особенности русского языка у живущих в Финляндии // Русистика сегодня. 1998. № 3–4.

Протасова Е.Ю. 2000 – Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // ИАН СЛЯ. 2000. № 4.

Раев М.И. 1994 – Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994.
Рогачевский А. 2000 – Из наблюдений над устной речью русской диаспоры в Великобритании // Труды по русской и славянской филологии. V. Тарту, 2000.
Синочкина Б. 2000 – О некоторых новых тенденциях взаимодействия лексики русского и литовского языков // Русский + / Сост. Е.Ю. Протасова. Хельсинки, 2000.
Baschmakoff N., Leinonen M. 2001 – Russian life in Finland 1917–1939. Helsinki, 2001.
Harjula T., Leinonen M., Ovchinnikova O. 1993 – Kyyrölän perinnetta. Традиции Красного Села. Tampere, 1993.
Horn F. 1997 – Russians in Finland // Cultural minorities in Finland. An overview towards cultural policy. / Eds. J. Pentikäinen, M. Hiltunen. Helsinki, 1997.
Leisiö L. 2001 – Morphosyntactic convergence and integration in Finland Russian. Tampere, 2001.
Meng K. 2001 – Russlanddeutsche Sprachbiographien. Untersuchungen zur sprachlichen Intergation von Aussiedlerfamilien / Unter Mitarbeit von E. Protassova. Tübingen, 2001.
Schulgin K. 1993 – Miksi en puhu venäjää. Helsinki, 1993.
Suomela J. 2001 – Rajatakainen Venäjä. Helsinki, 2001.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2002

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2002 г. О.В. НИКИТИН

ИЗ ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ 1930–1960-х гг. (ПЕРЕПИСКА С.А. КОПОРСКОГО С КОЛЛЕГАМИ)

В истории отечественной филологии есть имена, не столь заметные, на первый взгляд, остающиеся до сих пор в тени: то ли в силу сложившейся традиции оценивать и принимать только тех, кто еще при жизни был увенчан академическими лаврами (и таких имен у нас, к счастью, немало), то ли по причине нашей "извечной" забывчивости или, скорее, нерадения за тех, для кого наука не была своего рода идеологической трибуной, что нередко случалось ранее, да и практикуется сейчас, но тем большим и весомым делом, "двигателем умов", что непременно является качеством особенной личности, одержимой благородной и, увы, многим непонятной теперь идеей *просвещения* людей и служения им... до конца, до последнего вздоха. Этим *человеческим* служением Науке и людям была озарена жизнь Сергея Алексеевича Копорского – одного из самых ярких, одаренных, самобытно мыслящих ученых из плеяды того многочисленного поколения филологов, которое пришло на смену старой академической науке в противоречивые 1920–1930-е годы, продолжая ее лучшие традиции, выдерживая ее ритм, осознавая, наконец, ту большую ответственность, которая выпала на долю ученых, родившихся на рубеже веков: В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Б.А. Ларина, П.С. Кузнецова, С.И. Ожегова, А.А. Реформатского, Б. Унбегауна, Р.О. Якобсона... И теперь, когда уже прошло достаточно много времени, но все же порой кажется, что совсем недавно мы слышали их, общались с ними, обсуждали научные проблемы, спорили, – новое поколение отечественных ученых пытается разобраться в перипетиях лингвистических исканий и сложных, нередко трагических судьбах филологической элиты нации, элиты, какой уж, кажется, не будет. Бросая ретроспективный взгляд на то, уже почти ушедшее поколение, ощущаешь не только вполне объяснимую гордость за нашу вечно гонимую науку, но и испытываешь непреодолимое чувство вины за то, что, может быть, нам не суждено было понять многих из них при жизни, спросить о чем-то, по-дружески посоветоваться. Чувство вины еще возникает и оттого, что время, так стремительно бегущее вперед, уносит от нас крупицы воспоминаний об этих людях, сохранившие живой, человеческий облик, по достоинству оценить который нам бывает не под силу. Вот и этот очерк, отнюдь не претендующий на полноту изложения идей С.А. Копорского, невольно "подпадает" под ту же тенденцию, но, смеем заметить, несет авторское мироощущение и миропонимание замыслов почтенного ученого, что не нарушило бы *его* "системы координат", и, как бы согласуясь с ней, будет действовать сообразно. И еще одно замечание. Мы делаем основной акцент на тех *новаторских* суждениях и подходах С.А. Копорского, которые нам кажутся перспективными для современной науки. Именно они, по нашему разумению, могут быть полезны нынешнему "законсервированному" и излишне "компьютеризированному" прагматичному поколению ученых, часто упускающих из виду главное, – то, что было основой российской науки в ее классические

времена, то, что с таким воодушевлением и немалым мужеством было воспринято и развито поколением С.А. Копорского, то, что и сейчас остается качеством Человека Науки, – *духовная целостность и преемственность ее традиций, память к ушедшим, глубокая вера и преданность той земле, на которой суждено было родиться и умереть.*

Сергей Алексеевич Копорский родился 19 июня 1899 года в деревне Ефремово Угличского уезда Ярославской губернии в семье священника. В 1911–1918 гг. он учился в Ярославском духовном училище и Ярославской духовной семинарии. После демобилизации из Красной Армии и окончания учебы на словесно-художественном отделении в Ярославском педагогическом институте С.А. Копорский работал учителем в средних учебных заведениях в Ярославле. С 1924 года он преподает в Ярославском, а с 1930-го – в Калининском педагогических институтах. В 1938 году ему присвоили ученую степень кандидата филологических наук без защиты диссертации.

Первые работы ученого появляются уже в 1920-е гг. Это – рецензии на хрестоматии для школ, учебно-педагогические сборники, а также редактирование трудов по краеведению. В одном из них, составленном под руководством С.А. Копорского и И.Г. Голанова, были приведены (студентами) дополнения к "Материалам для словаря родного языка в Ярославской губ." Е. Якушкина [Копорский 1926]. В те годы ученого живо интересовали языковые процессы, происходившие в близкой ему социальной среде – отсюда работы о воровском жаргоне школьников (они наряду с трудами А.М. Селищева, Е.Д. Поливанова и некоторых других явились предтечей современной социолингвистики), почерпнувшие колоритные образцы словотворчества детей, обозначившие их функциональную и смысловую нагрузку (см., напр. [Копорский 1927]).

Родная земля, казалось, питала его ищущий ум интересными и яркими идеями. С.А. Копорский, хороший знаток быта и культуры Русского Севера, плодотворно занимается исследованием говоров Ярославской области, немало путешествует в составе диалектологических экспедиций, ведет полевые заметки. Именно в ярославский период его жизни выходит первая книга ученого "О говоре севера Пошехонско-Володарского уезда Ярославской губернии (материалы и наблюдения)" [Копорский 1929а], показавшая при всей природной скромности С.А. Копорского незаурядные способности исследователя-систематизатора и внимательного наблюдателя разнообразных лингвистических фактов. Автор, следуя традициям своих предшественников (А.И. Соболевского, А.А. Шахматова, Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушакова) и учителей – А.М. Селищева и И.Г. Голанова, делает удачную попытку дать всестороннее описание говора: не только особенности фонетики, но и морфология, лексический состав, синтаксис кропотливо и с большим количеством примеров представлены в этой книге. Знакомясь с ней, мы обратили внимание и на то, что теперь кажется уже вполне обычным: синкретизм идей ученого позволил ему воссоздать *этнолингвистическую* картину говора, показать привычки и особенности жителей уезда, отметить своеобразие их быта и в целом народной культуры. Так, книга открывается очерком "Из истории и этнографии края", где подмечены многие любопытные детали. С.А. Копорский, в частности, пишет: "Жители отличаются от других ярославцев необыкновенным гостеприимством. Угостить прохожего – долг каждого. В праздник незнакомому можно идти в первый дом, и он будет гостем. Молодежь соседних деревень в любой дом заходит в гости и напивается больше хозяев. В деревнях чаще драки" [Копорский 1929а: 9].

Читая и другие диалектологические труды С.А. Копорского 1920-х годов, мы обратили внимание на одну особенность. Традиционные методы исторической лингвистики он использует по-своему, а наблюдательный ум и острый слух в этом оказывают ему немалую услугу. Потому каждый без исключения его труд не статичен. Самое интересное и полезное, что можно заметить при чтении работ, – изучение *интонации* говора, его особой певучести, выявление характерных возрастных особенностей носителей говора и, разумеется, тщательное описание не только собственно

фонетической стороны речи, а ее мелодики. «В речи женщин, детей, мужчин-доможилов, – пишет С.А. Копорский, – наблюдаются своеобразия в интонации. На слух они ярославцем устанавливаются и определяются, как "вологодские". Подразумеваются под этим термином все цокающие говоры. Передразнивая их, ярославец, кроме цоканья и ряда слов (цю'роцька), схватывает и эти особенности» [Там же: 38]. Эта сторона изучения говоров, осторожно разрабатываемая С.А. Копорским, до сих пор, как правило, обходится исследователями областных наречий, и опыт ученого здесь мог бы быть во многом полезен.

Следует сказать и о том, что, увлекшись изучением говоров и вообще *этнографической* стороной языка, С.А. Копорский имел весьма уважаемых и глубоких спутников в лице А.М. Селищева и И.Г. Голанова. Будучи студентом, он слушал их лекции, и в известном смысле можно сказать, что С.А. Копорскому повезло: в Ярославль из Москвы часто приезжали известные ученые для чтения курсов по языковедческим дисциплинам. Под их влиянием он успешно занимается в составе Московской диалектологической комиссии – одном из наиболее "жизненных" в научном отношении центров послереволюционной России (заметим, что И.Г. Голанов был в то время ученым секретарем комиссии)[1]. В эти же годы выходит еще один диалектологический труд – "Заметка о говоре с. Шельшедом Тутаевского района Ярославского округа" [Копорский 1929б].

С 1930 года С.А. Копорский начинает работать в Калининском педагогическом институте и на долгие годы свяжет свою жизнь с этим уголком России, богатым живыми традициями. Потому столь успешное "диалектологическое" начало получило глубокое и последовательное продолжение. Ученый немало путешествует по тверской земле: совершает этнологические экспедиции в отдаленные районы области, ведет активную преподавательскую и общественно-педагогическую деятельность. В 1934–1939 гг. он исполнял должность декана факультета русского языка и литературы, в 1933–1938 гг., 1942–1948 гг. возглавлял кафедру языкознания, а с 1950 по 1953 гг. – кафедру русского языка пединститута. В эти годы он публикует многочисленные заметки по диалектологии и некоторые объемные труды, ставшие классическими. Один из них следует отметить особо, ввиду его исключительной значимости, большой документальной точности, глубоких и оригинальных выводов и, наконец, самобытного авторского подхода, явившего нам языковой обиход и культуру пограничных тверских говоров. Этот труд назывался так: "Архаические говоры Осташковского района Калининской области" [Копорский 1945]. Приступив к работе, автор верно подметил, что в отечественном языкознании не имеется сколько-нибудь серьезных трудов, охвативших бы диалектологию, историю и этнографию архаических говоров такого интересного этнокультурного региона, как тверская земля. Уже одно это обстоятельство заслуживает внимания. Отчасти поэтому основу монографического исследования С.А. Копорского составили *личные* наблюдения во время экспедиционных поездок по деревням Калининской области. Они регулярно проводились им вместе со студентами факультета в 1930-е годы, но печатание рукописи было приостановлено из-за войны, и только по ее окончании она увидела свет. Из диалектных черт говора С.А. Копорский отмечает прежде всего *смешанный характер* осташковских говоров [Там же: 84]. По его мнению, именно этот факт "придает им большую архаичность" [Там же]. Но языковая архаика неоднородна по своему происхождению и бытованию. Автор обоснованно считает, что "состав архаизмов... в большинстве случаев не оправдывается существованием их в языке. Часть архаизмов могла бы быть без труда заменена словами общерусскими. Их архаичность

[1] На экземпляре своей первой монографии "О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда...", сохранившейся в библиотеке Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, помещена дарственная надпись: "Глубокоуважаемому Дмитрию Николаевичу Ушакову признательный автор". Вероятно, и контакты с председателем МДК Д.Н. Ушаковым были для С.А. Копорского во многом полезными.

в значительной степени проявляется в территориальной ограниченности" [там же]. Диалектные процессы рассматриваются ученым как часть общерусских языковых явлений, как составной элемент национального литературного языка. Именно "пограничье" с его многочисленными языковыми скрещениями представляет собой тот языковой "полигон", на котором, как на карте, развертываются события общеязыкового масштаба. "В пограничных зонах, – пишет С.А. Копорский, – ...интенсивнее языковые процессы, быстрее архаизация тех или иных языковых особенностей, ярче обнаруживается противопоставление *старого* новому. Процессы скрещения литературного языка с разговорным языком в его диалектическом многообразии порождают архаизмы, которые имеют экстерриториальный характер" [Там же].

Другой важной особенностью осташковских говоров ученый считает "отрыв Осташкова от культурных центров нового времени" [Там же: 85]. И действительно, Ржев, Торжок и другие древние города в XIX столетии были более "культурными" и прогрессивными в сравнении с Осташковом. Но такая отдаленность лишь способствовала сохранению местных диалектных особенностей и *задержала развитие языка.* Поэтому, по мнению С.А. Копорского, "в нем до сих пор сохраняются такие архаические черты, которые в течение XVII–XX вв. утрачены другими говорами" [Там же]. В целом же тверская земля подверглась сильному московскому, а значит, литературному влиянию, особенно в области фонетики. Осташковский район рассматривается ученым именно как *архаический* не только в силу культурных и географических предпосылок, но прежде всего по причине его языковой замкнутости в новое время. Приведем обширную, но весьма показательную цитату, заключающую эту часть наблюдений автора. В ней, как нам кажется, бóльшая литературность окружающих говоров, их "пропитанность" языковыми влияниями и наслоениями позднейшего периода дают еще один аргумент в пользу гипотезы С.А. Копорского. Итак, ученый заключает: «В то время, как скрещения севернорусского наречия с южнорусским придавали литературному языку наибольшую звуковую выразительность в формах, наибольшую стройность, а словарь очищался от излишних синонимов, от конкретной экспрессивности (в связи с развитием "вкуса"), в Осташковских говорах развивались своеобразные "гибриды", задерживающие его развитие – сближение с литературным языком. В создании русского литературного языка принимал участие весь русский народ, лучшие представители русской литературы, мастера слова. Русский язык пропитывался иноязычными влияниями, творчески перерабатывал их, становясь мировым языком. Осташковские говоры, как вообще народные говоры, развивались "стихийно", отражая те или иные этапы развития русской культуры в *ограниченных* (курсив наш. – *О.Н.*) территориальных формах. Но в них не все подлежит утрате. Как и вообще в разговорно-народном языке, в Осташковских говорах сохраняется много выразительных средств древних этапов развития русского языка, средств, утраченных другими русскими говорами. Поэтому Осташковские говоры в большей степени, чем другие, имеют право на переименование их а р х а и ч е с к и м и» [Там же: 88–89].

В 1950-е годы С.А. Копорский преподает в МОПИ имени Н.К. Крупской. В 1951 году ученый защитил в Институте языкознания докторскую диссертацию на тему: "Из истории развития лексики русской художественной литературы 60–70 годов 19-го века. (Словарный состав сочинений Н. Успенского, Слепцова и Решетникова)". Это был труд, еще задуманный ученым до войны. (В публикуемых ниже письмах В.В. Виноградов неоднократно "торопил" С.А. Копорского, справлялся, как идет работа, предлагал помощь в оппонировании). Но трагические обстоятельства особенно 1941–1942 гг., когда был практически уничтожен домашний архив С.А. Копорского в Калинине, отодвинули защиту на 10 лет. И все же в этой диссертации, и сейчас удивляющей исследователей не только своим объемом, но качеством проработанного и изученного материала, до сих пор находим немало актуальных идей. Задача автора, по его словам, состояла в том, чтобы "показать на конкретном

материале ⟨...⟩, как использовался (в сочинениях писателей-демократов. – *О.Н.*) общенародный язык, его стили, народные говоры и жаргоны в качестве одного из средств художественной литературы для выражения общественных и эстетических взглядов демократических направлений 60–70 гг." [Копорский 1951: 4]. Задача эта остается и поныне не решенной, особенно если иметь в виду середину XIX столетия: русский литературный язык этого периода недостаточно изучен (и памятники письменности, и тексты художественной литературы). Ученый в своей работе решает такие серьезные проблемы, как специфика жанра, типы речи писателей-демократов, роль "подтекстов" со значением психических состояний, своеобразие словарного состава: образность диалогической речи, оригинальность словотворчества (каламбуры и др.). Автор устраивает "смотр словам". Он пишет: "Речь идет о создании новых приемов пользования общенародным словарем, о расширении его в языке писателя" [Там же: 18–19]. Здесь он подробно анализирует имена собственные и нарицательные, прилагательные, глаголы, междометия, естественно-научную терминологию и диалектизмы. Особое внимание уделяется речевым характеристикам действующих лиц. Любопытны и другие фрагменты диссертации, где ученый смело подступает к некоторым сложным (не только в научном, но и в политическом смысле) вопросам. Так, он замечает: «Диалектизмы территориальных говоров представителями "нового учения о языке" считались принадлежностью "языка" крестьян, между тем они, правда, в неодинаковой степени, встречаются в речи помещиков, духовенства, мещан и крестьян» [Там же: 41]. Отличный знаток стилей речи в их народной обработке и национально-культурных особенностей языка разных социальных групп населения, С.А. Копорский отмечает у них такие признаки, как «галлицизмы у дворян, некоторые группы славянизмов и латинизмов у духовенства. В речи купцов, мещан и представителей кулацкой прослойки деревни – пишет он далее, – встречаются "галантерейные слова", часто являющиеся искажением слов литературного языка» [Там же]. В целом следует заметить, что в диссертации С.А. Копорского на широком литературно-лингвистическом и общекультурном фоне решались многие спорные проблемы. Автор (что существенно) говорил о пестроте языка того времени, который не следует воспринимать и оценивать однозначно, с позиции той или иной теории. Язык не есть механическое сплетение слов, только "информативный носитель", а духовная сущность, выразившая в своем ментальном составе разнородные явления быта, культуры, социальной жизни русского человека. Как ни вспомнить здесь полемику историков со структуралистами и меткие высказывания по этому поводу Б. Унбегауна в письме С.А. Копорскому от 10 сентября 1962 г.: «Я с Вами совершенно согласен насчет структурализма. Конечно, каждая серьезная работа должна быть "структуральна", но это отнюдь не значит, что она должна витать в стратосфере на телеологических крылышках. ⟨...⟩» (см. подробнее в публикации письма 20).

В эти же годы академик В.В. Виноградов пригласил С.А. Копорского в МГУ. С 1953 года он избирается профессором кафедры русского языка, становится заместителем заведующего этой кафедрой, а фактически ведет всю организационную деятельность (в отсутствие В.В. Виноградова). Ученый читает преимущественно курсы историко-лингвистического цикла, руководит аспирантами, отечественными и зарубежными соискателями. Многие из них впоследствии стали известными учеными (Г.П. Уханов, А.Н. Мирославская, Ю.И. Чайкина, Е.С. Отин и др.). В 1960–1961 гг. он являлся деканом факультета русского языка и литературы Университета повышения политических и научных знаний г. Москвы. В 1963–1965 гг. – член Высшей экспертно-аттестационной комиссии, в 1964 г. – заместитель председателя экспертной комиссии ВАК. В 1965–1967 гг. он входил в состав предметной Комиссии по русскому языку при Президиуме АН СССР и АПН СССР и в эти же годы – Ученого совета кафедры русского языка МГПИ им. В.И. Ленина. В 1963–1967 гг. С.А. Копорский – член редколлегии "Вестника МГУ", а в 1966–1967 гг. – журнала "Русская речь" (подробнее о С.А. Копорском см. [Кириллова, Туркина 1993: 71–75; Бельчиков 1999: 92–96]).

И позднее, когда с возрастом полевые исследования стали невозможны, и С.А. Копорский занялся изучением языка художественной литературы и ономастики, он все же вновь возвращался к увлекательному предмету интереса своей молодости – диалектологии. Кроме этого – неоднократно консультировал своих учеников и коллег по данному вопросу. Так, в статье "Об областной лексике" ученый вступает в полемику по поводу составления диалектных словарей в регионах. Отмечая ценность такой работы, С.А. Копорский указывает на "разнобой и отсутствие единства в заглавиях словарной статьи, в приемах грамматического и семантического толкования слов. Все это говорит, – по его мнению, – об отсутствии единых, устоявшихся требований в областной лексикографии, о недостаточной преемственности в данной науке" [Копорский 1961а: 47]. При составлении новых словарей ученый призывает обратиться к богатому опыту русской областной лексикографии – к трудам В.И. Даля, В.Н. Добровольского, А.В. Миртова и др. специалистов. Он, в частности полагает, что "в заголовке словарной статьи нужно отличать лишь те фонетические особенности, которые присущи только данному слову" [Там же: 48]. Справедливы замечания ученого относительно использования грамматических помет в словарях, характера отображения акцентуации и т.п. С.А. Копорский пишет: «Идеальным требованием для областных словарей было бы указание, какие производные от того или иного слова-основы в данном говоре употребительны. Так, в восточной группе северновеликорусского наречия на территории северной части Ярославской и северо-восточной части Калининской областей в 20-х гг. было распространено слово *баса́* – "красота, наряд" и производные от него: *ба́ся* – "картинка, приданое", *баско́й* – "красивый" (а может быть, и вообще хороший). Отсюда *Баско́й* – кличка собаки; *баска́я* – "нарядная", *ба́ско́* – "красиво, хорошо"; *баси́ть* – "форсить", *баси́ться* – "наряжаться, нарядиться" [Там же: 49] (см. также: [Копорский 1929: 84]).

Другим, не менее актуальным вопросом, получившим весьма успешное решение в трудах С.А. Копорского, была ономастика. Ученый не раз выступал по этой проблеме со статьями и рецензиями в научной печати дома и за рубежом. В одной из таких работ, "К истории личных имен в древнечешском и других славянских языках", им ставится задача "систематического знакомства с достижениями в этой области и особенно с развитием ономастики в славянских странах" [Копорский 1967: 67]. Анализируя книгу чешского исследователя Яна Свободы, С.А. Копорский говорит о таких, ставших теперь перспективными, проблемах, как семантическая классификация имен, возникновение и принадлежность сложных и простых имен, вопросы словообразования и т.д. Так, он замечает, что "в изучении сложных личных имен большее внимание необходимо было обратить на их специфику. Ведь не все они имели прототип в нарицательных, не все сводимы к ним" [Там же: 72]. В очерках по топонимии "Имена-ориентиры" С.А. Копорский, в частности, не без основания замечает: "Изучение семантики собственных имен в известной степени задерживается неправильным противопоставлением их именам нарицательным" [Копорский 1965: 109].

Во многом интересны наблюдения С.А. Копорского над спецификой функционирования лексики в текстах художественной литературы (об этом он говорит и В.В. Виноградову в публикуемых ниже письмах). Автор очень внимательно относится к проблеме стиля и многозначности слов, исследует вопросы стихотворного языка, метафорического переосмысления отдельных групп. Его интересуют здесь и вопросы "символического" использования частей речи как характерных особенностей того или иного текста. В работах С.А. Копорского этого цикла решаются и некоторые проблемы синтаксиса, который не выступает под пером автора чем-то обособленным, а вкупе с другими элементами анализа помогает понять структуру *целого* текста, его экспрессивные признаки и "логические формулировки". Почти всегда анализ текстов художественной литературы у С.А. Копорского имеет не только сугубо исследовательский, теоретический и даже экспериментальный характер, а и вспомогательно-педагогический. Это позволяет и сейчас успешно

использовать разработки ученого в данной области в школе и вузе. А его умение проникнуть в естество предмета, грамотно и методично объяснить функциональные особенности конкретного текста, его смыслообразующие детали до сих пор вызывает большой интерес у исследователей. Примечательна в этом смысле статья «К изучению языка и стиля стихотворения А.С. Пушкина "Кавказ"» [Копорский 1961б]. Вот один из фрагментов анализа: «Содержание стиотворения "Кавказ" заметно отражается и на синтаксическом строе. В стихотворении нет восклицательных (за исключением "Вотще!") и вопросительных предложений. Они бы внесли излишнюю эмоциональность, что нарушило бы интеллектуальный характер эмоций, которыми характеризуется произведение. В стихотворении нет и следов книжности, придаточных дополнительных, определительных, цели, в которых особенно заметно проявляется логизированность текста. В стихотворении только четыре сложноподчиненных предложения с союзным словом *где*. Они встречаются парами, что усиливает ритмичность и ослабляет логическую сторону подчинения» [Там же: 44].

Завершаем наш очерк публикацией неизвестных писем С.А. Копорского В.В. Виноградову из личного фонда (ф. 1602) академика в Архиве РАН и А.М. Селищеву (РГАЛИ) и посланий В.В. Виноградова, А.В. Исаченко, Я.Я. Свободы, Л. Чельберга и Б.О. Унбегауна С.А. Копорскому, любезно предоставленных нам Е.С. Копорской из домашнего архива. В них научное, творческое начало как бы уступает иной ипостаси – "человековедческой". В этих небольших "отрезках жизни", быть может, присутствует и то, что находилось "в ретуши" при жизни. Мы в какой-то мере, возможно, разочаруем читателя, если скажем, что здесь нет ярких метафор и больших лингвистических открытий – это *просто* письма. Но в них сохранилась частица того ушедшего поколения отечественных ученых, чьими идеями, многие из которых так и остались незавершенными, живет *современная* наука. И об этом надо помнить. Мне вспоминается здесь недавняя архивная находка – "*Campo Santo моей памяти. Образы усопших в моем сознании*" А.А. Золотарева – несколько исписанных прижимистым почерком тетрадей, где представлены "образы" современников, сохранившихся в памяти автора, – там есть и ученые (например, Д.Н. Ушаков), и писатели, и деятели искусства, и духовные особы, и просто близкие автору знакомые. И мне подумалось: жаль, что теперь никто не пишет подобных "тетрадей"... Запись на обложке одной из них гласит: "Бог есть Вечная Любовь и Вечная Память. Любовно работать для сохранения облика усопших – работа Господня" (РГАЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. № 15, л. 1).

При обработке писем мы унифицировали подачу их датировки (непосредственно перед текстом), устранили опечатки и погрешности в написании орфографии некоторых слов. Пунктуация дается в соответствии с современными нормами, авторские знаки, по возможности, сохранены. Названия научных изданий и трудов в ряде случаев выделяются курсивом. В письмах сделаны незначительные пропуски (обозначены в угловых скобках), не имеющие отношения к научной стороне описываемых событий. Если автор не указывает место написания и дату, определяем их предположительно по сопутствующим деталям текста, именам, упоминаемым статьям, книгам и проч. Наши вставки в таких случаях также помещаются в угловые скобки.

Сердечно благодарим доктора филологических наук Елену Сергеевну Копорскую за предоставленные для публикации материалы из ее домашнего архива и консультацию, за то доброе и доверительное отношение к автору, которое помогло нам ближе понять и осознать мир научных интересов и исканий Сергея Алексеевича Копорского. Мы признательны также заведующей Отделом русского и славянского языкознания журнала Галине Владимировне Строковой за поддержку и помощь, которую она оказывала нам на всех этапах подготовки этой работы.

1. В.В. Виноградов – С.А. Копорскому

⟨Москва⟩, **28 октября, ⟨1930-е гг.⟩**

Дорогой Сергей Алексеевич!

С сегодняшнего дня (28-го октября) жить мне, по-видимому, будет легче: студенты IV курса отправляются на педпрактику, в связи с этим у меня освобождаются целиком 2 дня в неделю. Это два месяца. Я много (но без сравнения с Вашими нормами: часов 14 в неделю) читал лекций и много работал над "Современным русским языком" для 2-го издания[2]. К 1-му февраля я должен эту работу закончить. Необходимо написать для Акад⟨емии⟩ Наук (с которой деньги я уже получаю ежемесячно) 4 листа "Синтаксиса русского языка"[3]. Есть и другие, более мелкие заказы. "Совр⟨еменный⟩ русск⟨ий⟩ язык" я и дополняю и изменяю. Стараюсь, кроме того, упростить. Если есть замечания у Вас и других калининцев, соберите и пришлите. А.Е. Бескровный из Краснодара прислал мне конспект синтаксиса совр⟨еменного⟩ русск⟨ого⟩ языка. Вологодск⟨ие⟩ и Ростовские (№ 2) Ученые записки получил. Если у Вас нет книги Эльсберга "Стиль Салтыкова-Щедрина"[4], напишите: я куплю и вышлю Вам. В. Unbegaun[5] мне с декабря понадобится. ⟨...⟩ С КВШК[6] происходят чудеса: до сих пор мне посылают повестки на Плотников пер. (где никогда не жил), очевидно, для того, чтобы я не попадал на заседания Экспертной комиссии (членом которой я будто бы назначен). ⟨...⟩ В Ленинград на доклад меня еще не вызывают. Вышел № 4 "Русского языка в школе"[7]. ⟨...⟩ Как работа Ваша? ⟨...⟩ У меня только сегодня был Ефимов (из Молотова), приготовляющий докторск⟨ую⟩ диссертацию о языке Салтыкова-Щедрина[8]. Тяга к чину доктора – сильная. Но Абакумова все еще держат в доцентах и доктором не признают. ⟨...⟩ Вы, наверное, знаете об учреждении Всесоюз⟨ной⟩ Диалектологич⟨еской⟩ Комиссии со Щербой во главе и с Филиным и Аванесовым в хвосте. Привет Лидии Ив⟨ановне⟩[9] и детям. Почему никто из Вас в Москву не ездит? Привет Калининск⟨ому⟩ пединст⟨итуту⟩ и кафедре русского языка. ⟨...⟩ Пишите и живите счастливо. Заканчивайте работу.

Ваш Викт. Виногра⟨дов⟩

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф.

2. В.В. Виноградов – С.А. Копорскому

⟨Москва, 1940 г.⟩

Я знаю, что я – свинья перед Вами. В чем и каюсь. Но ничего не поделаешь. И болен я был плевритом, и с делами не справляюсь. Надо было переделывать прог-

---

[2] 1-е издание см. [Виноградов 1938]. Подготовка 2-го издания была прервана войной, и материалы могли войти в позднейшие книги ученого, см. [Виноградов 1947; 1952].

[3] В эти годы В.В. Виноградов написал несколько работ по синтаксису, см. библиографию в кн. [Виноградов 1975: 547–550].

[4] Точное название книги см. [Эльсберг 1940].

[5] Очевидно, имеется в виду монография Б. Унбегауна о морфологии русского языка XVI в., см. [Unbegaun 1935].

[6] Очевидно, это мог быть Комитет по делам высшей школы.

[7] В этом номере опубликована одна из трех статей В.В. Виноградова "Основные этапы истории русского языка", см. [Виноградов 1940: 1–8].

[8] Позднее, в 1940-е–1950-е гг., А.И. Ефимов выпустил две крупные работы об этом писателе, ставшие основой его диссертации: "Из наблюдений над фразеологией Салтыкова-Щедрина" [Ефимов 1945] и "Язык сатиры Салтыкова-Щедрина" [Ефимов 1953].

[9] Жена С.А. Копорского.

раммы. По истории русского языка – разногласия. Приедет Якубинский. Я должен был ехать по тому же вопросу в Ленинград, но по нездоровью не поехал. Выработан новый план факультета языка и литературы. Хожу на заседания экспертной комиссии. Абакумова – провалили, а Лою – утвердили в звании профессора. Лоя уехал в Ригу. ⟨...⟩ Перерабатываю "Современный русский язык", пишу разные статьи. От жизни отстал, хотя и нередко болтаюсь среди людей. Читали ли "Общее языкознание[10] Мещанинова? Нет ли у Вас лишнего экземпляра "Основ общей психологии"[11] Рубинштейна? Как Ваша работа? Приближается ли к концу? Подавайте в МГПИ[12]. Там я – в роли консультанта. А Шапиро взят консультантом в Комитет по делам высшей школы (на место Аванесова, а то и – повыше). Все прочие отказались. Держится важно и введен членом в Экспертную комиссию. Говорит, что заканчивает диссертацию по синтаксису северновеликорусского наречия[13]. Не могу получить "Известий" Горьковского Пединститута. А там нужная мне статья Калинина[14] о видах русского глагола. Кстати, о Калинине: как у Вас с едой? Как дети? Лидия Ивановна? Всем – приветы. Хотелось бы повидать Вас всех. Но как это сделать? До середины марта я завяз в работу по уши. Кончаю редактировать "Русский язык" Крючкова, Земского и проч.[15] (1 и 2 вып.). ⟨...⟩ Вот как будто и все лингвистические новости. О жизни и говорить нечего. Кажется, закрывают жилкооперативы, в том числе и тот, куда мы вносили деньги. Следовательно, и тут неудача. Деньги вернут через годик – с вычетом организационных и ликвидационных расходов. Для чего же мы старались и лезли из кожи вон? Пожалуйста, пишите. И не будьте горды. Привет Вашему дому и кафедре русского языка.

Ваш Викт. Виноградов

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф.

3. В.В. Виноградов – С.А. Копорскому

⟨Москва⟩, 30 дек⟨абря⟩ 1940 г.

Дорогой Сергей Алексеевич!

Простите, что долго не писал. Был зверски занят. Готовил доклад для ИЯМ'а[16]. Ездил в Ленинград и читал доклад с большим успехом. Слушал доклад Обнорского об образовании формы 3 л. глаголов в настоящ⟨ем⟩-будущ⟨ем⟩ вр⟨емени⟩. Обременен неотложной работой над серией статей. Написал статью № 2 "Русск⟨ого⟩ яз⟨ыка⟩ в школе"[17]. Кстати: Вы получили талон на подписку? Я просил Д.Э. Розенталя устроить это Вам. Сейчас пишу статью "Смысловая структура слова"[18] для теоретич⟨еского⟩ сборника, издаваемого Инст⟨итутом⟩ русск⟨ой⟩ литерат⟨уры⟩ Ак⟨адемии⟩

---

[10] Полное название книги см. [Мещанинов, 1940].

[11] Точное название книги см. [Рубинштейн 1935].

[12] Речь идет о работе над докторской диссертацией. С.А. Копорский не успел ее закончить до войны, во время которой в Калинине были уничтожены все материалы. Защита состоялась в Москве в 1951 г., см. [Копорский 1951].

[13] Докторская диссертация Р.И. Аванесова называлась "Исследования в области русской диалектологии" и была защищена в 1948 г.

[14] А.И. Калинин – известный специалист по русской грамматике, позднее выпустил отдельную книгу "Морфология русского глагола" (Горький, 1957).

[15] См. [Крючков, Земский 1945; 1948].

[16] Институт языка и мышления АН СССР.

[17] См. [Виноградов 1941а: 12–19].

[18] Вероятно, статья вышла под другим названием, см. библиографию трудов В.В. Виноградова по этой проблематике в книгах [Виноградов 1975: 547–550; 1977: 301–304].

Наук. А впереди еще – 3 статьи и работа над "Современным русским языком". Спасибо Вам большое за присылку книг и за разные указания. Поздравляю Лидию Ивановну, Вас и детей с Новым Годом. Как течет жизнь Ваша? Улучшились ли внешние условия быта в Калинине? Пожалуйста, пишите чаще и держите меня в курсе всяких дел. Не лишайте и книжной помощи. Вышел том "Ученых записок Одесского Университета". Там статья Сам. Бернштейна о Ягиче. Как продвигается Ваша работа? Кончайте и отдавайте в МГПИ. Одним из рецензентов буду я. Хожу в экспертную комиссию ВАК'а и там буду тоже содействовать. ⟨...⟩ Аванесов решил делать карьеру по диалектологии (раскаивайтесь, что Вы изменили ей!), а пока что вместе с Сидоровым написал *Фонетику и морфологию*[19] для учителей. Теперь он дружит с Петросяном (директор ИЯП'а[20]) и Лебедевым-Полянским. ⟨...⟩ Винокур пишет докторскую диссертацию по истории литерат⟨урного⟩ языка (не отставайте!). Крючков читает доклады о дискуссии в "Учительск⟨ой⟩ газете". Объявлена война совместительству профессоров. Возможно, что и я пострадаю тут. ⟨...⟩ Вот все, что мог припомнить сразу. Желаю Вам и Вашей семье счастья и всяческого благополучия. ⟨...⟩

Ваш Викт. Виноградов

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф.

4. В.В. Виноградов – С.А. Копорскому

⟨Москва, начало 1941 г.⟩

Дорогой Сергей Алексеевич!

Простите, что не сразу отвечаю. Жизнь заела. Все работаю над "Совре⟨менным⟩ русск⟨им⟩ языком" для переиздания (срок – 15 мая). А тут пошли разные корректуры. Выйдет к 5-му мая книга: "Язык газеты" ⟨...⟩. Там моя статья: "Толковые словари русского языка"[21]. И "Стиль Пушкина", кажется, движется. Сборник Института тоже подписал к печати. ⟨...⟩ "Стиль Пушкина" (когда выйдет) я добуду для Вас. "Русский язык в школе" нуждается в статьях для № 4. Желательны статьи по анализу языка писателя или языка литературного произведения. Присылайте что-нибудь на мое имя. Я передам Розенталю или Бархударову. Вышла книга Селищева "Славянское языкознание". Я еще не имею. В этом году я адски занят. Лекций у меня немного – 5 часов в неделю (в среднем: одну неделю – 4, другую – 6). Но добавочных заседаний, комиссий и прочей "муры" – пропасть. Не успеваю работать для ИЯМ'а. В июне надо ехать в Ленинград с докладом. Сейчас читаю как рецензент рукопись книги Л.П. Якубинского – "История русского языка до XV в."[22]. Много интересного, но грамматика плоха. Не знаю, где достать Южно-Слов. филолог, т. XVII. Там – рецензия Белича на мой "Совр⟨еменный⟩ русск⟨ий⟩ язык". У Селищева нет. ⟨...⟩ Булаховский живет в Болшеве – под Москвой. ⟨...⟩ Послезавтра я должен представить в КВШК программу по истории русск⟨ого⟩ лит⟨ературного⟩ языка XVIII–XIX вв. У экспертной комиссии интересных дел нет. Не слышно ли у Вас о каких-нибудь новых книгах? Я почти не выхожу на улицу и никого не вижу. На следующий год меня приглашают

---

[19] Точное название книги см. [Аванесов, Сидоров 1945].

[20] Институт языка и письменности АН СССР.

[21] См. [Виноградов 1941б: 353–395].

[22] Книга вышла позднее под другим названием: "История древнерусского языка", см. [Якубинский 1953].

в МГПИ. Возьму полставки и буду Вашим официальным оппонентом. Переплетаю книгу (т.е. отдаю в переплетную мастерскую Союза писателей).

Как здоровье Ваших детей? И почему Лидия Ив⟨ановна⟩ или Вы не ездите в Москву? Видно, в Калинине сытно стало. Жилкооперативы закрываются, и я получаю назад свои деньги из Литфонда. Так и не удалось обзавестись своей квартирой. Мечтаю в следующем году не иметь больше одного места. Буду читать и писать. Что делать летом? А отдых необходим. Программа по истор⟨ии⟩ лит⟨ературного⟩ языка будет составлена по проблемам. Скорее кончайте книгу[23]. Учебник Крючкова, Земского и Светлаева сдан. Ищут критика. Что еще сказать? Сейчас – 5 часов утра. И голова пуста. Написал письмо Обнорскому, прошу немецких книг. Теперь строчу Вам, а Над⟨ежда⟩ Матв⟨еевна⟩ ворчит и велит гасить[24] электричество. Привет Лид⟨ии⟩ Ив⟨ановне⟩, детям от нас обоих. Пишите. Не зазнавайтесь! Я – Ваш должник (в размере не то 15, не то 20 рублей, – не больше ли). Привет, привет!

Ваш Викт. Виноградов

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф.

5. С.А. Копорский – А.М. Селищеву

⟨Калинин⟩, 12.IV.1942

Дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Матвеевич!

Бежал[25]. Жил 2 м⟨еся⟩ца в Р⟨осто⟩ве. Оставил там семью. Читал лекции по фольклору и проч. В Ярославле, а теперь вызвали в Кал⟨ини⟩н. Проездом через М⟨оскву⟩ был у Вас, но Вы – на даче. Хотелось повидать, поговорить, передать, что П.Я. Черных послал диссертацию в М⟨оскву⟩ ⟨...⟩ Вы будете рецензентом. Ну и т.д. Здесь сохранились мои материалы к диссертации, книги. Прочее (главное одежда, посуда) – погибло. Вслушиваюсь, всматриваюсь, впечатляюсь. Где Чичагов? Петерсон и проч. и проч. Нет Фалева.

Если подвернутся книги по лингвистике (Виноградова и под. ⟨...⟩), не забудьте меня, высылайте наложением платежа. Буду благодарен.

К сожалению, не смогу Вас отблагодарить ⟨...⟩ обещаниями приобрести ботинки и сообщениями о санаториях. Семья в Ростове.

Ваш С.К.

РГАЛИ, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. № 98, л. 1. Автограф.

6. С.А. Копорский – В.В. Виноградову

⟨Калинин⟩, 27.IV.1944.

Дорогой Виктор Владимирович!

Наконец-то приготовил для "Русской речи" статью, назвав ее громко и неумело "У истоков..."[26]. Если редакция придумает лучше, ознакомившись с ней, хорошо. Но я бы

[23] Книга по будущей докторской диссертации С.А. Копорского до сих пор не опубликована, ее материалы хранятся в архиве дочери ученого Е.С. Копорской.

[24] Впереди написано и зачеркнуто: тушить.

[25] С.А. Копорский одним из последних покинул Калининский пединститут, спасая студентов и имущество. Под натиском наступающего врага был вынужден пробираться лесами в Ростов.

[26] О какой статье идет речь, установить не удалось.

просил прежде прочитать Вас и решить, нужна ли она. Черновика у меня нет. Если она там будет годы лежать, то, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, мне ее взять для перепечатывания.

Есть статья "Высказывания Добр⟨олюбо⟩ва о языке"[27], но я поленился ее переписывать и переделывать, не веря в пригодность для сборника. Она такого же типа что и "Писарев..."[28]. Если бы, по Вашему мнению, она была пригодной, то я в неделю ее бы обработал.

Хотел приехать на семинар Л.В. Щербы, но так поздно извещают, что никак не мог успеть. Послал телеграмму. Будьте добры, скажите там, чтобы вызовы заготовляли, по крайней мере, за две недели.

Там Соболевский[29], бодрый, занят вопросами обеспечения семьи. Наши ветераны дряхлеют. Н.Д.Н.[30] болен, лекций не читает. Подозревают рак легких у Вершинского, историка.

Наступает огородная страда. Жена занята шитьем штанов сыну. Последний с сестрой охвачены весенними настроениями и (отчаянным? – *О.Н.*) желанием быть отличниками.

Поклон Надежде Матвеевне.

Все кланяются.

С. Копорск⟨ий⟩

Я уж забыл, писал ли, но в "Анекдотах др⟨евних⟩ пошехонцев", СПб., 1798, хорошо изображена идиома "писать мыслен": ⟨...⟩ *делал сальтра бальтра, или попросту плясал, писал MW. Отбивал головою часы* ⟨...⟩ (здесь и далее курсив наш. – *О.Н.*). Там же: *Микеха к обеду совсем исправился, или лучше, наклюкался как красная клюковка, около полудни они из Закуряева выступили в путь, так довольны и все радостны, что и гайки нема* ⟨...⟩. "Анекд⟨оты⟩, и вес⟨елые⟩ похожд⟨ения⟩ старых пошехонцев". СПб., 1863, ⟨с⟩. 156.

Архив РАН, ф. 1602, оп. 1, ед. хр. № 248, л. 6. Автограф.

7. С.А. Копорский – В.В. Виноградову

⟨Калинин⟩, 26.IX.⟨19⟩45

Дорогой Виктор Владимирович!

Начну к Вам с просьбы: директору нашего Института подсказали, что есть возможность произвести несколько человек в сан профессора. Выбор пал на меня. Не можете ли Вы дать мне для этой цели отзыв. Конечно, я злоупотребляю Вашим доверием, простите великодушно. Из многих работ, Вам известных, достойны хоть какого-то внимания следующие:

1. "Воровской жаргон в среде школьников" ("Вестн⟨ик⟩ просв⟨ещения⟩", 1927 г., № 1).

2. "О говоре севера Пошехоно-Володарского р. Ярославской губ⟨ернии⟩"[31]. Ярославль, 1929 г., стр. 208.

---

[27] Статья вышла под названием "Н.А. Добролюбов" (см. [Копорский 1946]).

[28] Статья вышла под названием "Высказывания Д.И. Писарева о языке" (см. [Копорский 1941]).

[29] Вероятно, имеется в виду С.И. Соболевский.

[30] Кому принадлежат инициалы, установить не удалось.

[31] Точное название статьи см. [Копорский 1929].

3. "К вопросу о происхождении орфографических ошибок". *Русский язык в школе*, 1930 г., № 4.

4. "Высказывания Д.И. Писарева о языке", *Русский язык в школе*, 1940, № 1.

Рукописи

1. Главы из диссертации: "К истории прозаического (?) языка середины XIX в." (рукопись объемистая, неудобочитаемая, "близится" завершение ее).

2. О языке торговцев вотчины Салтыкова-Щедрина (условный язык ⟨...⟩[32] маяков).

3. О говорах Осташковского района Калининской области – рукопись начатой печататься работы[33].

4. Высказывания Н.Г. Чернышевского о языке[34].

5. Высказывания Н.А. Добролюбова о языке[35].

6. Диалектологические заметки (рукопись сдана Рубену)[36].

7. У истоков научно-популярного языка (рукопись у Бархударова в столе)[37].

8. О говорах Калининской области (общая характеристика) – сдана Ягодинскому, обещает напечатать[38].

9. Диалектизмы в русской художественной литературе XIX в. Рукопись сдана Ягодинскому[39].

10. Русская диалектология в Калининском пединституте[40]. А всего написано до 20 статей.

За это время, после телефонных разговоров с Вами, был занят всячески ненужно-необходимыми делами (огороды, приемная комиссия...). Дважды проезжал через Москву в Погорельский р⟨айон⟩ нашей области: возил в диалек⟨тологическую⟩ экспедицию. Языковых наблюдений немного (⟨...⟩ границы Моск⟨овской⟩ и Смоленск⟨ой⟩ областей), но житейских наблюдений в районе ожесточенных боев (Шаховск⟨ой⟩ р⟨айон⟩ – Погорелое Городище ⟨...⟩[41]) – много.

Заезжал в М⟨оскву⟩ дважды и виделся в Институте с Поспеловым. Было пусто кругом. Бродил по магазинам, все книжным.

Получил письма от Малаховского, Борковского, Ягодинского. Свежим не веет. Все говорят о диалектологии, но беззвучно и мертво. Надеялся, что Ягодинский напечатает мой доклад, но печатание откладывается. Борковский рад, что Черных ушел в Вологду. Ягодинский рукоплещет и заманивает меня к себе перспективами чуть ли не академическими.

---

[32] Слово написано неразборчиво. Первая и вторая рукописи не значатся в библиографии опубликованных работ С.А. Копорского. Возможно, автор впоследствии изменил название статей или же передумал их издавать.

[33] Статья (по сути – монография) вышла под названием "Архаические говоры Осташковского района Калининской области" (см. [Копорский 1945]).

[34] Статья вышла под названием "Н.Г. Чернышевский и иностранные языки" (см. [Копорский 1955а]).

[35] См., прим. 27.

[36] По-видимому, статья вышла под названием "Цоканье в Калининской области" (см. [Копорский 1949]). Этот сборник редактировал в том числе и Р.И. Аванесов.

[37] По-видимому, рукопись вышла под названием "Из истории лексики русского литературного языка XVIII–XIX вв. (Изменения значения славянизмов)" (см. [Копорский 1955б]).

[38] О какой статье идет речь, установить не удалось.

[39] С.А. Копорский опубликовал немало статей о языке художественной литературы, но специально изучению диалектной лексики была посвящена статья "Диалектизмы в поэтическом языке Некрасова" (см. [Копорский 1947]).

[40] Статья вышла под названием "Русская диалектология за 30 лет" (см. [Копорский 1948]).

[41] Название населенного пункта написано неразборчиво.

Еще не пришел в себя от осенних работ и поэтому – перевожу Белича[42], читаю статьи, медицинские пособия (нач. XIX в.) с психологич⟨еской⟩ и ⟨...⟩[43] просторечной неустойчивой терминологией. Пишу отчеты в диалект⟨ологических⟩ поездках.

Нет ли человека, нуждающегося в деньгах, к⟨ото⟩рый бы с интересом и интересно прочитал спецкурс. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, Ожегов согласился бы на это. Порекомендуйте, пожалуйста.

М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, нужен, мой приезд в Москву для того, чтобы привезти работы? С этой просьбой хотел обратиться к Истриной и Ларину. Полезно будет? И согласится Истрина? Конечно, Обнорский уклонится, да?

Простите за беспокойство. Обращаться с такой просьбой к Вам мне трудно.

Поклон Надежде Матвеевне.

С. Копорский.

Архив РАН, 1602, оп. 1, ед. хр. № 248, лл. 4–5. Автограф.

8. А.В. Исаченко – С.А. Копорскому

Оломоуц, 8 февраля 1957 г.

Глубокоуважаемый товарищ Копорский!

Приношу Вам свою искреннюю благодарность за присылку своей статьи. Я еще не имел возможности с ней познакомиться, но тематика меня интересует и в плане литературном, и в плане чисто языковом.

К сожалению, не могу похвастаться чем-л⟨ибо⟩ равноценным: завален корректурами своего словаря и начинаю забывать, что такое самостоятельная научная работа.

Еще раз спасибо!

С совершенным почтением

А. Исаченко

*Из домашнего архива Е.С. Копорской. **Машинописный подлинник** с подписью автора.*

9. Я.Я. Свобода – С.А. Копорскому

Прага, 5.X.1958

Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич!

Примите выражение моей искренней благодарности за Ваши два письма и за две очень ценные публикации по интересующим меня темам. Ваши письма содержат много ценных для меня указаний и сведений. Большое вам спасибо!

Несколько дней тому назад я прислал по Вашему адресу 1 выпуск Словаря старославянского языка и Главные географические названия карловарского района. Я буду и впредь присылать оттиски статей и книги по топономастике и ономастике. Из академических изданий для Вас может быть имели бы цену следующие:

Четырехтомный труд А. Профоуса Mistni jména v Čechách, I–IV, 1947–1957.

L. Zgusta: Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. 1955.

---

[42] А.И. Белич – знаменитый сербский филолог. С.А. Копорский мог знать и переводить два труда ученого (см. [Белиh 1940; 1941]).

[43] Запись неразборчива.

Ввиду того, что эти книги уже не новые, они, может быть, уже в Вашем распоряжении. Но если это не так, тогда напишите, пожалуйста, об этом, и наш институт пришлет их.

Я стараюсь следить за славянской топономастической и ономастической новой литературой и составляю ее библиографию. Где и когда она будет печататься, это еще неизвестно. Я ограничил ее 1952–1957 гг. и буду продолжать. Если я хорошо понял слова проф. Горнунга на последнем заседании субсекции съезда славистов, то можно надеяться, что будет издаваться в Москве Бюллетень постоянной комиссии по топономастике и тогда можно было бы надеяться на опубликование моей библиографии. Но это, кажется, не так скоро будет.

Еще раз сердечное спасибо!

С глубоким почтением

Ян Ярославич Свобода

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Машинописный подлинник на бланке Чехословацкой Академии наук с подписью автора.

10. L. Kjellberg – С.А. Копорскому

Упсала, 1 сентября 1960 г.

Глубокоуважаемый профессор Копорский!

Разрешите мне выразить искреннюю благодарность за Вашу обширную рецензию[44], оттиск которой я получил вчера. Я очень рад, что моя диссертация привлекла внимание именно русского языковеда. Заниматься историей русского литературного языка – это рискованная попытка для нерусского, не знакомого с детства с русским языком. Ваша рецензия, мне кажется, является подтверждением того, на что я – вопреки многим сомнениям – надеялся: что моя работа – со своими очевидными недостатками – не напрасна. Для дальнейшей моей работы Ваши замечания будут очень ценны.

Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы позволили мне обращаться к Вам с вопросами, возникающими во время работы.

Одновременно с этим письмом я Вам пересылаю оттиск краткой статьи.

С искренним уважением
Lennart Kjellberg

Rundelsgr. 6 E
Uppsala

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф.

11. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому

Brasenose College,
Oxford

14 января 1959

Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич!

Сердечно благодарю Вас за пакет с пятью оттисками, который я получил вчера. Спасибо, что не забываете меня, и даже присылаете мне работы своих учеников. Все

[44] См. [Копорский 1960а: 125–130].

статьи интересны сами по себе, а кроме того позволяют мне быть более полным в моей хронике в *Revue des études slaves*.

Перед праздниками я получил предварительный экземпляр (т⟨ак⟩ наз⟨ываемый⟩ advance copy) моего издания Лудольфа[45]: выглядит очень прилично. Официально книга выйдет 19-го февраля, т⟨ак⟩ ч⟨то⟩ Вы ее получите, наверное, лишь в начале марта. Как всегда, задержка с переплетом, но зато он весьма доброкачественный.

Спасибо за новогодние пожелания.

С сердечным приветом,

Искренне Ваш

Борис Унбегаун

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф.

12. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому

Brasenose College,
Oxford

5 апреля 1959

Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич!

Большое Вам спасибо за Ваше письмо и за Ученые записки МГУ, вып. 128, которые я на днях получил[46]. Мне особенно приятно их иметь.

Я рад, что мое издание Лудольфа Вам понравилось. Оно действительно вышло удачным в типографском отношении. Здешняя университетская типография – лучшая в Англии.

С искренним уважением и благодарностью,

Ваш Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф.

13. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому

Brasenose College,
Oxford,

11 августа 1959

Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич!

Пишу Вам, чтобы сообщить, что будущий учебный год я буду в отсутствии: меня пригласили, как Visiting Professor'a, в Columbia University в Нью-Йорке. Я выезжаю

---

[45] См. [Unbegaun 1959].

[46] Б. Унбегауну могла быть особенно интересна статья А.М. Селищева "Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ", опубликованная в этом сборнике; см. [Селищев 1948: 128–152].

отсюда 8-го сентября и вернусь только в июне 1960 года. Мне было бы, конечно, очень жаль, если бы наша переписка прервалась, и я буду рад, если смогу Вам писать оттуда. Мне было бы также приятно, если бы я мог быть Вам чем-нибудь полезен там. Прилагаю свой заокеанский адрес.

С сердечным приветом и искренним уважением

Ваш Б. Унбегаун

См. на об⟨ороте⟩

P.S. Как Вы себя чувствуете теперь? Я надеюсь, что Вы совсем оправились от Ваших немощей, о которых Вы мне писали, и смогли хорошо отдохнуть на каникулах. Я знаю, как утомительна жизнь в больших городах.

Б.У.

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф.

14. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому

Нью ⟨-⟩Йорк, 8.12.1959

Глубокоуважаемого Сергея Алексеевича поздравляю с Новым Годом и желаю всякого благополучия, здоровья и плодотворной работы.

Жизнь в Нью-Йорке мне очень нравится, город интересный и живой, но, конечно, суетливый. Уровень жизни здесь чрезвычайно высокий, даже по сравнению с Англией, и невольно втягиваешься в это комфортабельное существование и привыкаешь к нему.

У меня два двухчасовых курса – история русского языка и сравнительная грамматика славянских языков, да еще два часа семинара, – по здешним условиям немного, да и читать приходится довольно элементарно: здешние студенты хуже подготовлены, чем в Оксфорде, но зато горят желанием учиться. Есть среди них два негра и одна негритянка, этого у меня еще не бывало. Вообще в Нью-Йорке каждый десятый учитель – негр, и это придает городу экзотический вид, а на улице слышны все языки. Стопроцентные американцы считают, что Нью-Йорк не Америка. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, они и правы, но тогда тем хуже для настоящей Америки. Я уже ездил по разным городам и читал гастролерские лекции. Люди всюду очень приятные, но города скучные.

Была тут делегация Московского университета, и я говорил с проректором проф. Вовченко и с еще двумя коллегами – юристом и химиком. Как будто налаживается обмен.

С сердечным приветом,

Искренне Ваш

Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф на новогодней открытке Season's Greetings.

15. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому

Brasenose College,
Oxford

21 November 1960

Дорогой Сергей Алексеевич!

Простите, что до сих пор не поблагодарил Вас за Ваши оба оттиска[47], которые уже давно пришли. Насчет "образа и слова" я с Вами вполне согласен. Я следил за полемикой в "Вопросах литературы", и она не произвела на меня вдохновляющего впечатления. Встречали ли Вы Чельберга? Я его хорошо знаю; он, по-моему, приятный человек. Конечно, следовало бы начать со словаря и синтаксиса, но такова уж сила привычки и долголетней традиции на Западе. Во всяком случае, Ваша рецензия[48] хорошо показывает все достоинства и недостатки книги.

К сожалению, ни одна из моих статей, которые сейчас печатаются, еще не вышла: одна – доклад на съезде Межд⟨ународной⟩ Федерации современных языков и литератур (Льеж, сентябрь–октябрь 1960) о проблемах в развитии славянских языков[49], другая в сборнике в честь проф. Паскаля[50] в Париже. Таким образом, я пока ничем не могу реваншироваться, как говорят немцы (мих реванширен). А для рецензий оттисков обыкновенно не полагается, хотя и есть исключения.

И вот, вместо того, чтобы самому прислать Вам что-нибудь, я хочу попросить у Вас одно издание, которое, вероятно, не попадет на Запад, т⟨ак⟩ ч⟨то⟩ я не смогу его купить в здешних книжных магазинах, как другие советские книги. Это: "Труды ученых филологического факультета Моск⟨овского⟩ унив⟨ерситета⟩ по славянскому языкознанию (библиографический указатель)", Москва изд. МУ, 1960, 356 стр. Вам, конечно, это издание известно, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ в нем есть и Ваша библиография. Я знаю, что тираж небольшой (1000 экз.), издание ротапринт, т⟨ак⟩ ч⟨то⟩ книга, наверное, уже стала редкостью, и я вполне пойму, если ее нельзя будет получить.

С самым сердечным приветом,

Ваш Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Авторизованная машинопись с подписью Б. Унбегауна.

16. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому[51]

⟨Montreal, 28.XII.1961⟩

Дорогого Сергея Алексеевича с семьей сердечно поздравляю с праздниками и желаю здоровья, благополучия и интересной работы в новом году. Праздники, как всегда, проводим в Монреале с дочерью и пятью внучатами. Морозы тут рождественские, но снега в этом году мало.

Ваш Борис Унбегаун и Елена У.

---

[47] В 1950–1960-е гг. С.А. Копорский много занимался изучением языка и стиля художественной литературы. Вероятно, один из оттисков, который он прислал Б. Унбегауну, был посвящен проходившей в те годы дискуссии о художественном мастерстве и языке искусства (см.: Вопросы литературы, 1958, № 6; 1959, №№ 8, 10, 11). С.А. Копорский посвятил этой проблеме специальный критический обзор, см. [Копорский 1960б: 37–54].

[48] См. его письмо к С.А. Копорскому и примечание там же ранее (письмо № 10 в нашей публикации).

[49] См. [Unbegaun 1961a: 135–146].

[50] См. [Unbegaun 1961б: 207–209].

[51] Дата и место написания этого письма даются по штемпелю отправления на конверте. Последние слова в подписи принадлежат жене Б. Унбегауна.

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф на новогодней рождественской открытке (на лицевой стороне изображение двух индейцев, держащих ребенка).

17. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому

⟨Рим⟩, 19.4.1962

Приветствую дорогого Сергея Алексеевича из Рима, вернее их трех Римов – античного, папского и современного. Макароны и кнанти поддерживают силы.

Ваш Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф на цветной открытке с изображением развалин древнего Рима.

18. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому

⟨Оксфорд⟩, 13 июня 1962

Дорогой Сергей Алексеевич!

Спасибо, что не забываете меня. "Принципы топонимики" и "Словник власних імен людей"[52] очень интересны и для меня полезны. Появилась моя статья в *Oxford Slavonic Papers*, т⟨ак⟩ ск⟨азать⟩ скрытая рецензия на книгу Б.А. Ларина[53]. Жду оттисков со дня на день и уже приготовил для Вас конверт, но типография, по-видимому, не торопится.

С сердечным приветом

Ваш Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф на открытке (на лицевой стороне изображения гербов колледжей Оксфорда).

19. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому

Brasenose College,
Oxford

16.8.1962

Дорогой Сергей Алексеевич,

Очень Вы меня порадовали, прислав "Славянский филологический сборник"[54] Башкирск⟨ого⟩ гос⟨ударственного⟩ университета. Такие издания сюда не доходят и купить их нельзя. В сборнике есть очень мне нужные статьи, а кроме того, я смогу включить их в мою хронику в *Revue des études slaves*. Большое Вам спасибо!

---

[52] См. [Принципы топонимики 1962; Левченко 1961].

[53] Б. Унбегаун имеет в виду издание: *Ларин Б.А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) / АН Литовской ССР, Ин-т литовского языка и литературы, Ленинградский гос. ун-т им. А.А. Жданова. Л., 1959. В 1960-е годы Б. Унбегаун опубликовал несколько работ, где не раз давал критическую и притом весьма высокую оценку научным заслугам Б.А. Ларина. Среди них: *Unbegaun B.O.* The language of Moscovite Russia in Oxford vocabularies // Oxford Slavonic papers, X, 1962, pp. 46–59; *Унбегаун Б.* Наблюдения англичанина над русским языком конца XVI в. // Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь проф. Б.А. Ларина. Л., 1963. С. 299–307. Здесь, по-видимому, Б. Унбегаун имеет в виду свою статью в OSP.

[54] См. [Слав. фил. сб. 1962].

Не знаю, писал ли я Вам уже, что в последнее время я погряз в разных "Сборниках в честь...". Я уж положил себе за правило не писать для коллег моложе 70 лет, но и таких оказывается достаточно, – по-видимому, славянская филология хорошо сохраняет своих служителей. В Вене готовится сборник в честь, или в память, 1100-летия деятельности Кирилла и Мефодия (863 г.) – это Вам не 70 лет, и я уже не мог отказаться, и состряпал статью о кирилло-мефодиевском наследии в России[55]. Статья Б.Н. Кипарисова[56] в приложенном Вами сборнике приблизительно на ту же тему, и я ее прочел с особым интересом, хотя и расхожусь с автором во взглядах. Но ведь расхождения и есть самое интересное, не правда ли?

Как Ваше здоровье? Удалось ли Вам отдохнуть во время летних каникул?

С сердечным приветом

Ваш Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф. Первый абзац и два предложения в конце письма (начиная со слов "Статья Б.Н. Кипарисова...") в подлиннике подчеркнуты.

20. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому

Brasenose College,
Oxford,

10.9.1962

Дорогой Сергей Алексеевич,

Большое Вам и сердечное спасибо за "Исследования по лексикологии и грамматике русского языка"[57]. Я очень рад, что наконец имею эту очень интересную книгу.

Я в свое время не откликнулся на статью А.Н. Мирославской[58] в Уфимском *Слав⟨янском⟩ филолог⟨ическом⟩ сборнике.* Статья чрезвычайно полезная тем, что вносит ясность в понятие "прозвища" в Московской Руси. Я уже давно занимаюсь собственными именами и поэтому вполне могу оценить подобные работы. М⟨ежду⟩ пр⟨очим⟩, меня просили прочесть доклад на VIII Междунар⟨одном⟩ ономастическом конгрессе (Амстердам, 27–31 августа 1963 г.), и я подумываю о теме "Традиция и фантазия в антропонимике Моск⟨овской⟩ Руси XVI века". Приходится считаться с тем, что могут быть слушатели, вообще незнакомые с русской антропономикой, и подобная тема их может заинтересовать. Но и независимо от этого, такой темой стоит заняться. Вероятно, и из СССР будут участники. Как хорошо было бы, если бы и Вы, Сергей Алексеевич, смогли приехать!

Спасибо за добрый отзыв на мою последнюю статью. Б.А. Ларин, по-видимому, не обиделся на нее[59] и даже прислал мне письмо с благодарностью. Я с Вами совершенно согласен насчет структурализма. Конечно, каждая серьезная работа должна быть "структуральна", но это отнюдь не значит, что она должна витать в стратосфере на телеологических крылышках. Кроме устранения "неугодных" фактов раздражает еще совершенно излишнее изобретение новой терминологии, отчего самые банальные

---

[55] См. [Unbegaun 1964: 470–482].

[56] См. [Кипарисов 1962: 61–92].

[57] См. [Исследования 1961].

[58] См. [Мирославская 1962].

[59] Б.О. Унбегаун имеет в виду критический отзыв на книгу: *Ларин Б.А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959, данный им в статье "The language of Moscovite Russia in Oxford vocabularies" (см. [Unbegaun 1962]).

вещи приобретают глубокомысленный вид. Особенно этим грешат американцы. Я все еще жду путного исследования по истории языка, написанного правоверным структурализмом, но история культурного языка – это, по-видимому, не описание бесписьменного эскимосского диалекта. По-моему, даже не стоит тревожить телеологизм XVIII в.; "апельсин разделен на дольки, чтобы было удобнее его есть" – вот к чему часто сводится телеологизм.

С самым сердечным приветом

Ваш Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е.С. Копорской. ***Автограф. Первые*** *два предложения второго абзаца в подлиннике подчеркнуты.*

21. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому

Brasenose College,
Oxford,

25 ноября 1962

Дорогой Сергей Алексеевич,

Я Вам чрезвычайно признателен за присылку Вашего оттиска о стилистике художественной литературы XIX века[60], оттиска Г.П. Уханова[61] и Ученых записок Оренбургского гос⟨ударственного⟩ пед⟨агогического⟩ инст⟨итута⟩[62]. Спасибо Вам за то, что Вы держите меня в курсе многих редких советских публикаций. Нет, *Ярославского областного словаря* Мельниченко[63] у меня нет, и если у Вас есть лишний экземпляр, буду Вам за него премного благодарен.

В Вашей статье Вы поднимаете важные вопросы, которые мне, по правде сказать, не приходили в голову или над которыми я не задумывался. Но самое интересное – это как раз находить проблемы там, где для других все "ясно".

Якобсон ⟨–⟩ человек увлекающийся и способный схватывать то, что носится в воздухе, но еще как-то не сформулировано. Правда, часто он дает просто новые формулировки общеизвестным фактам. Его увлечение фонологией и структурализмом привело, увы, к тому, что в США оказалась заброшенной история русского языка. Там же, где без нее нельзя было обойтись, ее старались "обойти" путем разных синхронических ухищрений, вроде "глоттохронологии" и под. Это, конечно, проще, чем засесть за тексты. М⟨ежду⟩ пр⟨очим⟩, в будапештских *Studia Slavica* есть интересная статья (VII, 4, стр. 295–346) И. Фодора[64] о глоттохронологии, где он убедительно показывает ее несостоятельность для славянских языков.

Я Вас соблазнял на ономастический съезд в Амстердаме, но сам туда, наверное, не поеду, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ меня пригласили на съезд Междунар⟨одной⟩ Федерации новых языков и литератур в Нью-Йорке[65], который состоится в то же самое время. Я решил поехать (на две недели), благо американцы оплачивают дорогу. Я вернусь около 4-го сентября, т⟨ак⟩ ч⟨то⟩ попаду на софийский съезд.

---

[60] См. [Копорский 1962].

[61] Г.П. Уханов (1918–1985) – ученик С.А. Копорского, специалист по синтаксису, заведовал кафедрой русского языка в Тверском государственном университете. Какую его работу имеет в виду С.А. Копорский, установить затруднительно.

[62] См. [Материалы 1962]. В сборнике опубликованы исследования по топонимике, которыми интересовались Б. Унбегаун и С.А. Копорский.

[63] См. [Мельниченко 1961].

[64] См. [Fodor 1961].

[65] Б. Унбегаун действительно посетил конгресс в Нью-Йорке и выступил там с кратким сообщением, см. [Unbegaun 1965a].

С самыми лучшими пожеланиями здоровья, дорогой Сергей Алексеевич, и с сердечным приветом.

Ваш Б. Унбегаун

P.S. Только что узнал о смерти С.П. Обнорского.

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф.

22. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому

⟨Палермо⟩, 2.4.1963

Сердечный привет дорогому Сергею Алексеевичу из Сицилии, куда меня занесла волна лекций по городам Италии (но в Палермо, увы, еще славистики нет).

Ваш Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф на цветной открытке с изображением кафедрального собора в Палермо.

23. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому

Цюрих, 29.12.1963

Дорогой Сергей Алексеевич!

Спасибо за открытку, которую я недавно получил здесь, где провожу праздники в семье дочери и где, в пятый раз, стал дедушкой. Искренне благодарю за протекцию относительно этимол⟨огического⟩ словаря Шанского[66]. Вероятно, выпуск ждет меня в Оксфорде. Я посмотрю, что у меня есть дублетов оттисков к Съезду в Софии и пришлю Вам. К сожалению, я многого сам не получил, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ приехал лишь накануне начала съезда, вечером, когда многое уже было разобрано. Как я Вам уже писал, я погряз в разных "Сборниках в честь..."; последняя статья была для Сборника Курыловича[67], о термине *podwojski / подвойский.*

Шлю Вам свои самые сердечные пожелания здоровья, всяческого благополучия и плодотворной работы в новом году.

Ваш Борис Унбегаун

Из домашнего архива Е.С. Копорской. Автограф.

24. Б. Унбегаун – С.А. Копорскому

Brasenose College,
Oxford

30.1.1964

Дорогой Сергей Алексеевич,

Третьего дня я послал Вам, заказной бандеролью, небольшой пакет следующего содержания:

---

[66] См. [ЭС 1963].
[67] См. [Unbegaun 1965б].

F. Cocron, La langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle (morphologie)[68].

I. Mahnken und K.-H. Pollok, Materialien zu einer Slawistischen Bibliographie[69].

3 оттиска (2 американских и один венгерский).

F. Cocron – австриец и книга – его докторская диссертация, которую он защищал десять лет тому назад в Сорбонне. Я был тогда в составе трех экзаменаторов, перед которыми происходила защита. Кроме того, конечно, он часто со мной советовался во время своей работы. К сожалению, он не пошел по академической линии. Сейчас он директор Австрийского института, в Париже, что отнимает у него все время и не дает уж никакой возможности заниматься наукой.

Я только что выскочил из очередной хроники *Revue des études slaves* (75 страниц машинописи!), т⟨ак⟩ ч⟨то⟩ чувствую себя сравнительно свободным. Но Вы знаете, что значит такая свобода для нашего брата: мы поскорее надеваем на себя цепи новой работы.

С самым сердечным приветом

Ваш Б. Унбегаун

P.S. Видели ли Вы (т.е., конечно, видели) *Историческую грамматику русского языка* Кузнецова и Борковского[70]? Очевидно, она станет стандартным учебником. На мой вкус она несколько консервативна и традиционна. Но это первая ист⟨орическая⟩ грамматика, где синтаксису отведено подобающее ему место. Не знаю только, зачем понадобилось авторам сообщать (стр. 12) обо мне не соответствующие действительности сведения[71].

Б.У.

Из домашнего архива ***Е.С.*** *Копорской. Автограф.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. 1945 – Очерк грамматики русского языка. М., 1945.

Белић А.И. 1940 – Граматика српскохрватског језика, за I разряд средњих школа. Београд, 1940.

Белић А.И. 1941 – О језичкој природи и језичком развитку: Лингвистичка испитиваньа. – Београд, 1941 (Српска Краљевска Акад. Посебна изд. Књ. 134. Филос. и филолошки списи; Књ. 35).

Бельчиков Ю.А. 1999 – Сергей Алексеевич Копорский (к 100-летию со дня рождения) // РЯШ. 1999, № 3.

Борковский В.И., Кузнецов П.С. 1963 – Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Виноградов В.В. 1938 – Современный русский язык: Пособие для лит.-лингв. фак-тов высш. учебн. заведений. Вып. 1–2. М., 1938.

Виноградов В.В. 1940 – Основные этапы истории русского языка [статья вторая] // РЯШ. 1940. № 4.

Виноградов В.В. 1941а – Из истории русской лексики: 1) *небосклон*; 2) *вдохновить*; 3) *подвергать свою жизнь*; 4) *точить балы* (балясы, лясы) // РЯШ. 1941. № 2.

---

[68] Указанная книга была выпущена Институтом славянских исследований в Париже в 1962 г. (Bibliothèque russe de l'Inst. des études slaves. T. 33).

[69] Полные выходные данные книги см. [Mahnken, Pollok 1963].

[70] См. [Борковский, Кузнецов 1963].

[71] Авторы книги действительно указали неверные сведения: "Б. Унбегаун, русский по происхождению, но еще с дореволюционного времени учившийся и постоянно живший во Франции..." (см. [Борковский, Кузнецов 1963: 12]). Возможно, данная погрешность была связана с вынужденной необходимостью: упоминать в трудах "русских изгнанников" было тогда небезопасно; по этой причине, например, издание могло не выйти в свет.

Виноградов В.В. 1941б – Толковые словари русского языка // Язык газеты. М.; Л., 1941.
Виноградов В.В. 1947 – Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1947.
Виноградов В.В. 1952 – Современный русский язык. Морфология (Курс лекций). М., 1952.
Виноградов В.В. 1975 – Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
Виноградов В.В. 1977 – Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
Исследования 1961 – Исследования по лексикологии и грамматике русского языка / Отв. ред. В.И. Борковский и С.И. Котков. М., 1961.
Ефимов А.И. 1945 – Из наблюдений над фразеологией Салтыкова-Щедрина. Молотов, 1945.
Ефимов А.И. 1953 – Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953.
Кипарисов Г.С. 1962 – Старославянский язык и его отношение к восточнославянским литературным языкам на главнейших этапах их развития // Славянский филологический сборник... Уфа, 1962.
Кириллова Т.Е., Туркина Р.В. 1993 – С.А. Копорский – основатель тверской школы диалектологов // Тверь лингвистическая: Историко-краеведческий сборник. Тверь. 1993.
Копорский С.А. 1926 – (Ред.): Дополнения к "Материалам для словаря родного языка в Ярославской губ." Е. Якушкина. Коллективная работа студентов лит.-лингвистич. отд-ния Ярославск. пед. ин-та. Труды Яросл. пед. ин-та, 1926. Т. I. Вып. 2 (совместно с И.Г. Голановым).
Копорский С.А. 1927 – Воровской жаргон в среде школьников (По материалам обследования ярославских школ) // Вестник просвещения. 1927. № 1.
Копорский С.А. 1929а – О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии (материалы и наблюдения) // Труды Ярославского пед. ин-та. Т. 2. Вып. 3. Ярославль, 1929.
Копорский С.А. 1929б – Заметка о говоре с. Шельшедом Тутаевского района Ярославского округа // Ярославский край. Сб. 2 / Под ред. С.А. Копорского, С.С. Дмитриева, М.Г. Кадека. Ярославль, 1929.
Копорский С.А. 1941 – Высказывания Д.И. Писарева о языке // РЯШ. 1941. № 1.
Копорский С.А. 1945 – Архаические говоры Осташковского района Калининской области // Уч. зап. Калининского пед. ин-та. Т. 10. Вып. 3, 1945 (на обл. 1946).
Копорский С.А. 1946 – Н.А. Добролюбов // РЯШ. 1946. № 2.
Копорский С.А. 1947 – Диалектизмы в поэтическом языке Некрасова // Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та. Т. 15. Вып. 1. Калинин, 1947.
Копорский С.А. 1948 – Русская диалектология за 30 лет // Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та. Т. 15. Вып. 2. Калинин, 1948.
Копорский С.А. 1949 – Цоканье в Калининской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 3 / Под ред. Р.И. Аванесова, С.П. Обнорского, Ф.П. Филина. М.; Л., 1949.
Копорский С.А. 1951 – Из истории развития лексики русской художественной литературы 60–70 годов 19-го века. (Словарный состав сочинений Н. Успенского, Слепцова и Решетникова). АДД. Калинин, 1951.
Копорский С.А. 1955а – Н.Г. Чернышевский и иностранные языки // Иностранный язык в школе. 1955. № 3.
Копорский С.А. 1955б – Из истории лексики русского литературного языка XVIII–XIX вв. (Изменения значения славянизмов) // РЯШ. 1955. № 3.
Копорский С.А. 1960а – ВЯ. 1960. № 3. – [Рец.] L. Kjellberg. La langue de Gedeon Krinovskij prédicateur russe du XVIII siècle, I. Uppsala; Wiesbaden. 1957.
Копорский С.А. 1960б – О языке художественной литературы (По поводу дискуссии на тему "Слово и образ") // Вестник МГУ: Филология. 1960. № 2.
Копорский С.А. 1961а – Об областной лексике (В связи с публикацией материалов для областных словарей в "Ученых записках" педагогических институтов и университетов) // Вестник Московского университета. 1961. № 5.
Копорский С.А. 1961б – К изучению языка и стиля стихотворения. А.С. Пушкина "Кавказ" // РЯШ. 1961. № 1.
Копорский С.А. 1962 – О стилистике художественной литературы (В связи с межвузовской конференцией по стилистике художественной литературы) // Вестник МГУ: Серия VII, филология, журналистика. 1962. № 4.
Копорский С.А. 1965 – Очерки по топонимии. 1. Имена-ориентиры // Onomastica. Rocz. X. Zes. 1–2, 1965.

Копорский С.А. 1967 – К истории личных имен в древнечешском и других славянских языках (Jan Svoboda. Staročeská osobní jména a nuše přjmení Praha, 1964.) // Вестник МГУ: Филология. 1967. № 3.

Крючков С.Е., Земский А.И. и др. 1945 – Грамматика русского языка: Учебник для пед. училищ. М., 1945.

Крючков С.Е., Земский А.И. и др. 1948 – Грамматика русского языка: Учебник для пед. училищ / Под ред. акад. В.В. Виноградова. Изд. 2-е., переработ. М., 1948.

Левченко С.П. 1961 – Словник власних імен людей (українсько-російський і російсько-український). Вид. 2-е., випр. і доп. Киев, 1961.

Материалы 1962 – Материалы и исследования по русскому языку / Под ред. Н.Я. Лойфмана // Уч. зап. Оренбургского гос. пед. ин-та. Вып. 15. Оренбург, 1962.

Мельниченко Г.Г. 1961 – Краткий ярославский областной словарь. Т. 1. Ярославль, 1961.

Мещанинов И.И. 1940 – Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940.

Мирославская А.Н. 1962 – Еще раз о древнерусских именах и прозвищах // Славянский филологический сборник: Посвящается V Международному съезду славистов // Уч. зап. Башкирского гос. ун-та. Вып. 9: Сер. филол. наук. № 3(7). Уфа, 1962.

Принципы топонимики 1962 – Принципы топонимики. Материалы к совещанию. М., 1962.

Рубинштейн С.Л. 1935 – Основы психологии: Пособие для высш⟨их⟩ пед⟨агогических⟩ учеб⟨ных⟩ заведений. М., 1935.

Селищев А.М. 1948 – Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Уч. зап. МГУ. Вып. 128. Труды кафедры русского языка. Кн. 1 / Под ред. акад. В.В. Виноградова. М., 1948.

Слав. фил. сб. 1962 – Славянский филологический сборник: Посвящается V Международному съезду славистов // Уч. зап. Башкирского гос. ун-та. Вып. 9: Серия филол. наук. № 3 (7). Уфа, 1962.

Эльсберг Я.Е. 1940 – Стиль Щедрина. М., 1940.

ЭС 1963 – Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. Т. 1. В. 1 [А]. М., 1963.

Якубинский Л.П. 1953 – История древнерусского языка / С предисл. и под ред. акад. В.В. Виноградова. М., 1953.

Fodor I. 1961 – The validity of glottochronology on the basis of the Slavonic languages // Studia Slavica. T. VII. Fasc. 4. Budapest, 1961.

Mahnken I., Pollok K.-H. 1963 – Materialien zu einer Slawistischen bibliographie. Arbeiten der in Österreich, der Schweiz und der Bundesrepublik Deutschland tätigen Slawisten (1945–1963). München, 1963.

Unbegaun B. 1935 – La langue russe au XVIème siècle (1500–1550). I. La flexion des noms. Paris, 1935.

Unbegaun B. 1959 – Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russia / Ed. by B.O. Unbegaun. Oxford, 1959.

Unbegaun B. 1961a – La formation des langues littéraires slaves: problèmes et état des questions // Langue et littérature: Actes du VIIIe Congrès de la Fédération Internationale des langues et littératures modernes. Paris, 1961. (Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège. Fasc. CLXI).

Unbegaun B. 1961б – Les contemporains d'Avvakum en présence des fossiles // RÉSL, V XXXVIII. P., 1961.

Unbegaun B.O. 1962 – The language of Moscovite Russia in Oxford vocabularies // Oxford Slavonic papers. 1962. Vol. X.

Unbegaun B. 1964 – L'Héritage Cyrillo-Méthodien en Russie // Cyrillo-Methodiana. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863–1963. Im Auftrage der Görres-Gesellschaft herausgegeben von M. Hellmann, R. Olesch, B. Stasiewski, F. Zagiba. [Wien], 1964.

Unbegaun B.O. 1965a – Remarks on professor M. Markovitch's Paper // Literary history and literary criticism. Acta of the ninth Congress of the International Federation for modern languages and literatures (25–31 August, 1963) / Ed. by L. Edel. N. Y., 1965.

Unbegaun B.O. 1965б – La fausse evidence étymologique: polonais *podwojski* russe *podvojskij* // Simbolae linguisticae in honorem Georgii Kurylowicz / Polska Akademia Nauk. Oddzial w Krakowe, Prace Komisji jezykoznawstwa. Nr 5. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1965.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2002

© 2002 г. Г.Ф. БЛАГОВА

ИСТОРИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКО-ТЮРКСКИХ ЛИТЕРАТУР И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В ТРУДАХ А.Н. САМОЙЛОВИЧА ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА[1]

К 1918–1919 годам А.Н. Самойлович был вполне сложившимся разносторонним крупным ученым: как языковед он по материалам собственных полевых исследований еще в 1903 году сделал первое лингвистическое описание одного из туркменских говоров[2], а позднее, в 1912 и 1913 гг. исследовал диалектные особенности туркмен (трухмен) Ставрополья, написал первую грамматику крымско-татарского языка, прежде малоизученного, и "Руководство для практического изучения османско-турецкого языка" (см. [Самойлович 2002 : 8]); много и плодотворно занимался изучением фольклора и этнографии тюркских народов [Абрамзон 1978], и особенно – источниковедением (например, много его статей посвящено актовым источникам Джучиева улуса, см. [Усманов 1978] и прочим письменным памятникам древности).

Вместе с тем ближайшей своей специальностью А.Н. Самойлович считал историю среднеазиатско-тюркских литератур и историю литературных языков – для него, востоковеда традиционно широкого профиля, история литературного языка по самой сути своей неотделима от истории литературы. И в научной, и в педагогической деятельности он чуть ли не со студенческой скамьи готовил себя к тому, чтобы с честью выполнить завет своего учителя П.М. Мелиоранского: «Издание даже только наиболее важных древних турецких текстов и составление хотя бы к некоторым из них глоссариев, конкорданций и пр. – работа огромная, требующая многих научно-подготовленных и аккуратных работников. Да позволено мне будет в заключение

---

[1] Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 01-04-00161а. Доклад на эту тему сделан на 16-м традиционном заседании памяти акад. А.Н. Кононова, проведенном кафедрой тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета 26 октября 2001 г. и посвященном 95-летию со дня рождения. В своем тексте мы используем общепринятую ныне этнолингвистическую терминологию ("тюркский", "среднеазиатско-тюркский", "тюркология"); в цитатах из работ Самойловича оставляем его написания ("турецкий", "среднеазиатско-турецкий", "туркология", "Неваи").

[2] См. "Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта. (Грамматика, тексты, словарь)", шесть общих тетрадей (РНБ. Ф. 671. Д. 129). Полевая работа продолжалась: "⟨...⟩ иду дальше в глубь текинских аулов. ⟨...⟩ что же касается моих лингвистических занятий, то пока еще прислушиваюсь к текинской и вообще туркменской речи, благо имею возможность в здешнем ауле наблюдать кроме теке еще эрсаринцев и саларов из Керки ⟨...⟩. Для меня уже вполне теперь ясно, что, во-первых, существует вопреки уверениям А.А. Семенова (рецензия на туркменскую грамматику Агабекова) **особое туркменское** наречие; во-вторых, вопреки уверениям Вамбери существует разница между говорами различных туркменских племен (не только в лексикологии, но и грамматике) ⟨...⟩. Просмотрел вместе с текинцами ⟨...⟩ туркменские названия предметов этнографической коллекции, собранной Дудиным, и немалое количество соделанных им промахов лишний раз подчеркнуло истину, что этнограф должен быть знаком с языком изучаемого им народа" (из письма Самойловича В.В. Бартольду от 1.IX.1906 г.: ПФ АРАН, Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Даже отдельные фрагменты одного письма позволяют оценить роль ученого в становлении и развитии туркменского языкознания и диалектологии (ср. [Азимов, Чарыяров 1973 : 75]).

пожелать их побольше нашей плохо возделанной ниве, которая, как и всякая "целина", принесет после обработки несомненно особенно обильные плоды» [Мелиоранский 1900 : 144].

Будучи в мировом масштабе признанным знатоком средневековых рукописей, Самойлович, где он ни бывал – на Востоке или в Западной Европе, повсюду разыскивал манускрипты и привозил в Петербург (Петроград) или их оригиналы или фотографические копии, а порой терпеливо и тщательно переписывал их сам[3] (например, "Мубеййин").

Добытые им рукописные тексты А.Н. Самойлович тщательнейшим образом аналитически обрабатывал и всесторонне исследовал; полученные при этом новейшие результаты он непременно вводил в семинарские курсы, приобщая тем самым студентов к своим изысканиям (см. об этом ниже). Одновременно тексты подготовлялись к изданию в виде книг или статей. Самойлович, можно сказать, был в первой половине XX в. единственным из отечественных тюркологов, кто, став истинным продолжателем востоковедных традиций в этой области, с такой интенсивностью занимался эдиционно-исследовательской, текстологической деятельностью[4].

Своими изданиями туркменской исторической поэмы XIX в. "Книга рассказов о битвах текинцев" [Абду-с-Саттар казы 1914][5] и текстов "Собрание стихотворений императора Бабура" [Самойлович 1917а], а также ранней своей работой по осуществлению посмертного издания своего учителя П.М. Мелиоранского "Шейбани-наме" Мухаммеда Салиха[6], он фактически заложил теоретические основы научного анализа средневековых тюркских текстов, разработал эдиционно-исследовательскую методику их обработки (см. [Благова 2000]). При этом Самойлович опирался прежде всего на различение текстов стихотворных и прозаических. Он считал необходимым даже "различать прозаическое правописание от стихотворного", имея в виду, что при квантитативном стихосложении "поэты искусственно производят в потребных случаях долгие и краткие слоги, то обозначая гласный на письме, то пропуская, а иногда

---

[3] Вот как он писал об этом В.А. Гордлевскому 29.VIII.1913: "А я май провел в Крыму на курсах, июнь и июль в Западной Европе: Будапешт, Вена, Париж, Берлин. И там и здесь насобирал занятных материалов, о коих будете постепенно узнавать из opus'ов..." (цит. по [Баскаков 1973: 88]). Сообщая В.В. Бартольду о предстоящей командировке в Туркестан с "основным поручением от Комиссариата иностранных дел: ознакомиться с современным положением Средней Азии и представить объективное описание", Самойлович в письме от 22.I.1921, из Москвы подчеркивает особо: «Одновременно имею в виду и научную работу: 1) занятие в бухарских и хивинских библиотеках и архивах; 2) собирание печатной литературы; 3) диалектические (т.е. диалектологические. – *Г.Б.*) наблюдения особенно для установления отличий между узбекским наречием и "сартскими" говорами; 4) этнографические наблюдения и сбор фольклорных материалов» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

[4] Из западноевропейских тюркологов в этой связи можно было бы назвать, к примеру, его старшего современника Г. Вамбери. Но при этом следует принять во внимание слова Самойловича из письма к Гордлевскому от 29.III.1911: «Не могу собраться окончательно отделать рецензии: ⟨...⟩ 3) на "Юсуф и Ахмед" Вамбери (ну, и издание, и примечание!)» (цит. по [Баскаков 1973: 87]).

[5] Современные ученые рассматривают эту книгу как "образцовое всестороннее филологическое исследование произведения туркменской художественной литературы" [Азимов, Чарыяров 1973 : 74], и с этим нельзя не согласиться. Самойлович же в письмах к Гордлевскому корил себя за "столь неряшливо прокорректированную книгу" (7.X.1915); из рассказов его о защите этой книги в качестве магистерской диссертации: "Всыпали здорово и поделом. Не побрезговали и опечатками" (20.I.1915), цит. по [Баскаков 1973: 87].

[6] См. [Мелиоранский 1908]. Самойлович довел до конца начатое его учителем печатание "Шейбани-наме", исправляя при этом несомненные описки (что отмечено в соответствующих сносках); продолжил "указатель собственных имен", разбив его на три части "I – указатель имен географических; II – указатель имен племенных и названий людей по местностям, предкам и начальникам; III – указатель личных имен"; снабдил издание подробнейшим Предисловием «О поэме "Шейбани-наме" и об ее авторе Мухаммеде Салихе» [Мелиоранский 1908: I–XV].

и прямо искажая слова..." [Абду-с-Саттар казы 1914: 012]. Ученый подробно исследует поэтические вольности в метре поэтического текста и классифицирует их на определенные группы в зависимости от того, проявляются ли они в орфографии, синтаксисе или лексике текста [Абду-с-Саттар казы 1914: 026–066]; большое внимание уделяется также рифме, как правильной, так и неправильной [Там же: 067–078].

Принятая им система издания текста подразумевала учет "погрешностей стихотворного текста против метра и рифмы", причем все это осуществлялось Самойловичем в условиях отсутствия в медиевистике не только научных работ по среднеазиатско-тюркской просодии и риторике, но и исследований по среднеазиатско-тюркской орфографии и грамматике.

Творческий подход к подготовке средневековых текстов к изданию позволил Самойловичу сформулировать четыре принципиальных условия, без выполнения которых не может быть осуществлен ни научный перевод, ни адекватное, подлинно научное комментирование литературного памятника – как правило, при отсутствии его критического текста. Эти условия суть: 1) знание языка памятника во всех деталях и тонкостях; 2) предварительная серьезная текстологическая работа над имеющимися списками; 3) использование фундаментальных словарей, как например "Опыт словаря тюркских наречий" В.В. Радлова, чагатайских словарей, грамматических и других пособий также и по тем тюркским языкам, которые изучены более чагатайского; 4) широкое и всестороннее знакомство с литературой – исторической, историко-географической, этнографической (восточной, европейской, российской) [Самойлович 1994: 76–84].

Ставя перед собой цель "внести свою лепту в подготовку материалов как по исторической грамматике литературного среднеазиатско-тюркского языка с его подразделениями, так и истории среднеазиатско-тюркской литературы" (эти два направления исследования для него были неразрывно связаны) [Абду-с-Саттар казы 1914: XIX], Самойлович видел программные задачи, определяющие осуществление этой цели, в следующем: «1) в опубликовании и переводе неизданных памятников и во всестороннем обследовании их; 2) в детальном обследовании уже изданных и переведенных памятников; 3) в составлении, на основании накопившегося материала, предварительных сводных работ историко-литературного, грамматического и словарного характера, в виде "Опытов"» [Абду-с-Саттар казы 1914: XIV].

Во исполнение своего плана А.Н. Самойлович после издания ч. I – Текстов "Собрания стихотворений императора Бабура"[7] с 1917 г. по март 1919 г. работал над критикой текста этих стихотворений (включая цитаты из них в "Бабур-наме", в чагатайских словарях, равно как и стихотворения, не вошедшие в изданные им сборники – Парижский и Рампурский) и занимался переводом изданных стихотворений (см. подробней [Благова 1997]). Сохранилась огромная папка объемом в 612 листов (РНБ. Ф. 671. Д. 82), автограф чернилами и карандашом. Названа папка в соответствии с ее составом: "Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем".

В результате проведенного нами постраничного обследования Д. 82 определены состав и структура как этой единицы хранения, так и собственно труда Самойловича. Прежде всего из состава труда были вычленены многочисленные листы, чужеродные по отношению к работе Самойловича над переводами стихотворений Бабура. Затем был отделен пласт черновых переводов, выполненных по большей части карандашом, и соответственно пласт перебеленных переводов, написанных чернилами. Особый пласт составили листы, на каждом из которых рукою Самойловича написан текст стихотворения; эти листы, видимо, были переписаны ученым еще при подготовке к изданию части I – Тексты, а затем вторично использовались в целях перевода.

---

[7] О всестороннем изучении им замечательных Записок "Великого Могола" – "Бабур-наме" – на протяжении почти двух десятилетий см. [Благова 1993].

Бóльшая часть "Собрания стихотворений Бабура" оказалась переведенной набело; с привлечением же черновиков удалось составить почти полный корпус переводов стихотворений этого собрания. Переводы предварены обширной вводной частью ("Предисловием"), посвященной атрибуции цитат из стихотворений Бабура, а также критике текста в связи с раздельным рассмотрением цитаций двух видов: во-первых, тех, в которых стихотворения, частями или полностью, введены автором в его прозаическое сочинение "Бабур-наме, и, во-вторых, тех, которые обнаружены в чагатайских словарях ("Санглях", "Абушка", чагатайско-османский словарь Шейха Сулеймана Бухарского, "восточнотюркский" словарь Паве де Куртейля). Имея в виду, что приведенное выше название Д. 82 не является авторским (скорее всего, оно дано архивариусом), следует уточнить заглавие содержащегося в Д. 82 труда: труд Самойловича должен именоваться "Переводы стихотворений императора Бабура".

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что часть II – Переводы "Собрания стихотворений императора Бабура" – была закончена А.Н. Самойловичем в авторском исполнении. А это свидетельствует о принципиально важном факте научной биографии и исследовательской деятельности А.Н. Самойловича: в своей эдиционно-исследовательской практике он неотступно следовал разработанной им программе ("опубликование и перевод неизданных памятников и всестороннее обследование их"). На этом факте приходится акцентировать внимание потому, что учет его позволяет кардинально изменить оценку того "типа ученых", к которому якобы принадлежал Самойлович. Дело в том, что достаточно широкое распространение получило мнение, согласно которому "А.Н. Самойлович принадлежал к тому типу ученых, которые по преимуществу пишут произведения малых форм – статьи небольшого объема, но, взятые в совокупности, они охватывают самые разнообразные области тюркологии ⟨...⟩" [Ашнин 1978а: 13]. К тому же до последнего времени бытовало представление о том, что после публикаций 1973 г. (журнал "Советская тюркология") и 1978 г. ("Тюркологический сборник 1974") содержательно архивы Самойловича в основном исчерпаны. Ср., однако, его сообщения о своем "обширном архиве... законченных и незаконченных работ-рукописей" [Самойлович 2002: Прим. к с. 7], а в письме к В.А. Гордлевскому от 31.X.1931 г. – о том, что работы его "за последнее время... выходят все реже и реже" (цит. по [Баскаков 1973: 91]).

Всестороннему обследованию "Собрания стихотворений императора Бабура", видимо, должна была быть посвящена третья часть этого издания, во всяком случае он предполагал составить "словарь, тесно связанный с текстом", ибо "для чтения чагатайской поэзии существующие словари мало разработаны. Первая задача исследователя поэзии – дать материал для словаря" (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. I и Л. 7).

Но ситуация в стране резко менялась; возможно, в предчувствии кардинальных перемен и в своей жизни А.Н. Самойлович торопился выполнить задуманное им. Мысль его обращается к большому труду с емким, но несколько аморфным названием "Турецкие этюды" (РНБ. Ф. 671. Д. 100), который он составлял из своих историко-лингвистических статей (написанных в разное время), видимо, попутно с работой над "Собранием стихотворений императора Бабура". Об этом свидетельствует, во-первых, архивная датировка этой огромной рукописи в 839 листов: 1917–1918 гг.; во-вторых, датировочная запись ("январь 1918 г.") на л. 172 большой его статьи «К какой из турецких литератур относить роман XIII века "Иосиф и Зулейха"?», которая также включена в состав "Турецких этюдов".

План "Турецких этюдов" их автором был неоднократно подвергнут изменениям. Так, в середине рукописи находится такой вариант плана: «I. Из истории турецких литератур: 1) Четверостишия-туйуги Неваи. 2) "Иосиф и Зулейха" Алия. 3) Боз-йигит. 4) Старотурецкий тефсир на Коран»[8]. II раздел вычеркнут полностью, сбоку

[8] Пункты 1 и 3 из этого плана Самойловичем были опубликованы как самостоятельные статьи. Статья о тефсире осталась неопубликованной. Впоследствии тема тефсиров стала предметом исследований А.К. Боровкова [Боровков 1949; 1963].

приписано карандашом: "напечатано" (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 411). Вместе с тем на листах 116–163 расположено, видимо, продолжение этого плана: «III – Среднеазиатско-турецкие поэты, цитируемые в двух словарях "Абушка" и в словаре Шейха Сулеймана ⟨Бухарского⟩»[9]. Еще один план представлен в виде зачеркнутого "Оглавления": «I. Среднеазиатско-турецкая литература мусульманского периода и ее отношение к другим турецким литературам[10]. II. Старотурецкий "тафсир" Азиатского музея. III. Об одном термине крымско-татарских ярлыков. IV. Басма – байса. V. Старотурецкие предсказания на 12 лет звериного цикла. VI. Дополнение к вопросу о челеби» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 6).

Чем более погружался Самойлович в работу над "Собранием стихотворений императора Бабура" (а, может быть, на реалиях действительности убеждался, что его Переводы вряд ли будут опубликованы в России), тем заметнее сближался план "Турецких этюдов" с темой "Произведения Бабура и его современников". В этом проявился пересмотр взглядов ученого на его "Турецкие этюды": теперь это для него своего рода "сводная работа историко-литературного, грамматического и словарного характера". Приведем новый план "Турецких этюдов" ("Оглавление")[11], где, как можно видеть, произведения Бабура, их анализ, историко-литературоведческий и лингвистический, занимают главное место, и последующий фрагмент Предисловия, в котором объяснено, как складывалась книга.

«Предисловие. § 1. Связь настоящей работы с предыдущей: "Книга рассказов о битвах текинцев". § 2. План, приемы и цель настоящей работы.

Введение. I. О среднеазиатско-турецкой литературе мусульманской эпохи. § 1. Литература предмета. § 2. Установление периодов. § 3. Вопрос о племенных литературах.

II. Средний, или чагатайский, период. § 1. Неваи. § 2. Лутфи. § 3. Хусейни. § 4. Второстепенные писатели. § 5. Общая характеристика поэзии среднего периода.

III. Император Бабур как писатель. § 1. Биографическая справка. § 2. Мемуары Бабура. § 3. Религиозный трактат "Мубеййин". § 4. Мистический трактат "Рисалэ-и Валидие". § 5. Мелкие стихотворения. § 6. ⟨Название параграфа отсутствует⟩.

Главная часть. Язык стихотворных произведений Бабура, вошедших в настоящее издание.

[Предисловие] Эта книжка составилась из статей, написанных мною за 1917 и 1918 годы в связи с изданием, переводом и исследованием "Собрания стихотворений императора Бабура". Неисчерпаемые богатства материалов по туркологии, большею частию не изданные и не обследованные, в особенности рукописные сокровища Петроградских книгохранилищ по востоковедению: Публичной библиотеки, Азиатского Музея, Учебного отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел и Петроградского университета, невольно отвлекли меня от первоначально намеченной цели, осуществление которой в изложенном свете пришлось отложить, и в результате появились "Турецкие этюды" (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. I, Л. 1–2).

Далее Самойлович подчеркивает, что его Этюды имеют «ближайшее отношение к истории среднеазиатско-турецкого литературного языка, которым я наиболее занимаюсь ⟨...⟩.

---

[9] О лексикографической традиции в словарях чагатайского языка писал позднее А.К. Боровков [Боровков 1960].

[10] Следует обратить внимание на достаточно полное соответствие названий литературоведческого раздела I (Ф. 671. Д. 100. Л. 6) и лингвистического раздела "VII. О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам" (Ф. 671. Д. 100. Л. 846–852; см. нашу публикацию текста: [Самойлович 1997]). Остальные разделы (II–VI) зачеркнутого "Оглавления" так или иначе использованы и напечатаны Самойловичем.

[11] Это "Оглавление" (а по сути новый вариант плана "Турецких этюдов") впервые было опубликовано [Дмитриева 1978: 296], а затем, в составе других фрагментов из "Турецких этюдов" – [Благова 1999: 51–58].

"Турецкие этюды" вплотную примыкают к некоторым работам современных и старых отечественных тюркологов, в частности – к трудам моего учителя П.М. Мелиоранского» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 4–5).

В этой обобщающей рукописной работе, главной частью которой должно было стать описание языка стихотворений Бабура, Самойлович стремился к выполнению двух важнейших своих исследовательских принципов. Во-первых, это принцип возможно более полного охвата материала; в соответствии с этим принципом он предпринял попытку "дать сводку данным о литературных трудах индийского императора и набросать в кратких чертах их общую характеристику" (Д. 100. Л. 27–28). Во-вторых, это принцип анализа литературного наследия писателя в широком историко-литературном контексте. В "Турецких этюдах" эта цель должна была достигаться, как явствует из "Оглавления", посредством общего обзора "среднеазиатско-турецкой литературы мусульманской эпохи" и периодизации этой литературы, с одной стороны, а с другой – посредством экскурсов-очерков творчества современников Бабура, особенно старших – Навои, Лютфи, Хусейни, а также второстепенных писателей. Более того: А.Н. Самойлович предполагал представить в этой части своей работы "сравнительное рассмотрение стихотворных произведений главнейших авторов среднего периода" (Д. 100. Л. 28).

В "Турецких этюдах" много внимания А.Н. Самойлович уделил "установлению периодов мусульманской эпохи среднеазиатско-турецкой литературы", начало чему положил его учитель П.М. Мелиоранский (Д. 100. Л. 11–14). Для периодизации истории как среднеазиатско-тюркских литератур, так и истории соответствующих литературных языков плодотворна мысль А.Н. Самойловича о размытости границ между отдельными периодами и существовании между ними своего рода "переходных зон" (Д. 100. Л. 14).

Как можно видеть из вышеизложенного, замысел создания "Турецких этюдов" по новому варианту плана был фундаментален. Для осуществления этого замысла требовалось много времени, много целеустремленного, напряженного труда. Рукопись "Турецких этюдов" в том виде, в каком она дошла до нас, содержит проспект (как мы назвали бы теперь) программных Предисловия и Введения, а также великое множество материала и всякого рода заготовок (выписок и набросков; переписанных Самойловичем от руки стихотворений различных чагатайских писателей).

Нельзя не признать, что в "Турецких этюдах" в довольно четкой конспективной форме излагается литературоведческая часть работы. Что же касается лингвистической части, то она представлена здесь чисто заявочно (см. выше). По рассказу Ф.Д. Ашнина, в 60-е годы существовала лингвистическая картотека Самойловича; заманчиво было бы предположить, что она могла содержать языковой материал для лингвистической характеристики стихотворений Бабура. Судьба картотеки, ее нынешнее местонахождение в настоящее время неизвестны.

Для осуществления перспективных замыслов А.Н. Самойловича в области истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков в последующие два десятилетия у него уже не было ни времени, ни возможностей вести длительный, непрерывный текстологический анализ сложнейших средневековых арабографичных рукописей, требующих кропотливого и тщательнейшего изучения, невероятно трудоемкой работы.

Н.К. Дмитриев в зачеркнутом фрагменте автографа статьи "Восточная филология в Московском университете" писал: "[Крайне суровая жизненная реальность того времени была самым жестоким врагом нового московского востоковедения. Никакой личный героизм не мог поддержать того, что не находило себе социальной опоры и потому] Новое востоковедное здание должно было перестроиться в соответствии с новыми потребностями страны" [Дмитриев 2001: 156, примеч. 3].

В 20-е годы государственный масштаб задач языкового строительства, развернувшегося в стране, надолго отодвинул на задний план лингвоисторическую проблематику, значительно потеснил личные научные планы А.Н. Самойловича и затормо-

зил их осуществление. И все же в этих условиях он нашел в себе внутренние силы "вписаться" в тюркологию послеоктябрьского периода. По складу своего характера он не мог остаться в стороне от дела, живого и нужного для страны, для тюркских народов. Ученый принимал активное участие в обсуждении и решении проблем латинизации алфавита для тюркских языков, уделяя особое внимание разработке теоретических основ новой письменности, с одной стороны, и координации работ по созданию тюркских национальных письменностей в связи с генетическим родством тюркских языков, с другой. Он занимался также проблемами становления и развития младописьменных литературных языков; глубоко вникая в эти процессы, он рецензировал даже вновь написанные на этих языках буквари; в поле его внимания были и вопросы орфографии, терминологии.

Самойлович был привлечен и к дипломатической работе. В письме к В.В. Бартольду (22.I.1921) он писал, что ухватился "за возможность живой деятельности в Малой Азии, но в результате ⟨...⟩ застрял в Москве" (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Такая "возможность живой деятельности" предоставилась ученому в Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республиках, куда он был командирован Наркоминделом РСФСР с марта 1921 по январь 1922 г. [Ашнин 1978а: 12].

После избрания его в 1922 г. ректором Петроградского института живых восточных языков Самойлович много занимается научно-педагогической и научно-организационной деятельностью, которая осознается им как жизненно необходимая – без нее невозможно реализовать свои научно-творческие планы. В письме В.В. Бартольду он делился своими соображениями на этот счет: "... теперь, ознакомившись ближе с запросами к нам на местах, я начал чувствовать, что мы – ленинградцы – должны поспешить с пополнением наших турковедческих сил, ибо наличным силам не справиться одним с той массой работы, которая возлагается советской эпохой на советского турковеда, действующего в научном центре страны" (20.VIII.1927: ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

Как видим, А.Н. Самойлович искал логику в тех обстоятельствах, которые отвлекали его от любимой им научно-исследовательской работы, от создания глубоко продуманной большой книги – "Турецкие этюды", уже давно начатой написанием. Он не жаловался на "невозможность отдаться серьезной научной работе", на "нелепые условия, заставившие нас всех делать все и только между прочим свое дело, тоже" [И.И. Толстой 1996: 166, 181][12].

Работы прибавилось, когда в феврале 1925 г. А.Н. Самойлович был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в январе 1929 г. – действительным членом АН СССР и почти одновременно стал академиком-секретарем ее Отделения гуманитарных наук. С введением Устава 1930 г. он в марте 1930 г. был избран академиком-секретарем Отделения общественных наук и оставался на этом посту до марта 1933 г. С начала 1934 г. и до самой смерти А.Н. Самойлович – директор ИВ АН СССР, где одновременно заведует сектором литературы [Ашнин 1978а: 12–13]; как директор он, разумеется, обязан был к "красным датам" писать о советском востоковедении ленинской эпохи [Самойлович 1934: 793–794]; о роли политического руководства СССР в развитии отечественного востоковедения (его здравая позиция при обсуждении последнего вопроса отмечена современным исследователем [Тамазишвили 2000: 96]).

Мера повседневной занятости ярко показана в публикуемом ниже его письме к Н.И. Ашмарину от 18.IV.1930 г. (см. Приложение). Только в канун 1932 г. у А.Н. Самойловича появились основания надеяться на то, что и для него "предвидится сокра-

---

[12] В этом отношении весьма показательна копия "срочного заявления" проф. А.Н. Самойловича ректору I Петроградского университета (РНБ. Ф. 671. Д. 3). Речь в нем идет об исполнении Самойловичем трудовой повинности на Кожовской набережной против завода "Вулкан" 20 и 22 сентября 1919 г. и выражается настоятельная просьба, "чтобы завтра в 7 часов утра меня снова не тревожили несвоевременными приглашениями на работу, которую я уже выполнил".

щение организационной деятельности и усиление снова работы научно-исследовательской" (письмо В.А. Гордлевскому от 31.XII.1931; цит. по [Баскаков 1973: 92]). Но и это было иллюзией.

Пока же – при наличии "обширного архива своих законченных и незаконченных работ-рукописей" [Самойлович 2002: 7; см. также Самойлович 1928б: 6] – он печатал в различных изданиях заготовки к своим "Турецким этюдам", о чем можно было бы сказать его же словами: "Продолжаю тискать там и сям всякую мелочь, а крупного ничего выпустить не могу, и это меня очень удручает..." (письмо В.А. Гордлевскому от 22.X.1912; цит. по [Баскаков 1973: 90]). Теперь эти публикации предварялись безрадостными констатациями, вроде нижеследующих: «В марте 1917 года мною были сделаны выписки из трактата по просодии Мир Али Шира Невайи "Мизāну-ль авзāн"...» [Самойлович 1926в: 105] или: "Продолжая использование архива незаконченных или неизданных моих работ..." [Самойлович 1927а: 257].

И тем не менее, начиная с 1924 г., среди публикаций Самойловича мощным потоком выделяются те самые неизданные его заготовки, которые в свое время подготовлялись для "Турецких этюдов". О широте и глубине проводимого исследования может свидетельствовать уже один беглый обзор этих его статей: ведь за каждой из них стоит детальное, кропотливое изучение ученого-текстолога, тонкого знатока средневековых тюркских рукописей.

Здесь и поправки к изданию и переводу "Кутадгу билиг" [Самойлович 1924; 1928а], и целый ряд публикаций, посвященных поэтам чагатайского периода. В ряду последних следует назвать, прежде всего, исследование "Чагатайский поэт XV века Атаи́". По "единственной доселе изданной рукописи стихотворений поэта Атаи́", содержащей 269 газелей, напечатано выборочно 17 газелей, "интересных или в отношении метра, или по своим рифмам, или, наконец, по содержанию" [Самойлович 1927а: 265]; в соответствии с эдиционно-исследовательским планом, разработанным уже в его монографии о "Книге рассказов о битвах текинцев" [Абду-с-Саттар 1914], приводится подробное описание рукописи, сведения о ее авторе, стиховедческий анализ, заметки о языке произведений Атаи́ и словарик употребляемых там слов (в каждой словарной статье учтены все известные ученому данные) [Самойлович 1927а: 257–274].

Чаще, к сожалению, удавалось опубликовать небольшие сообщения: краткий комментарий и текст, его перевод. Таковы статьи о туюгах Лютфи[13] [Самойлович 1926а] и туюгах чагатайца Эмири [Самойлович 1926б][14], а также о хивинских туюгах XIX в. [Самойлович 1927б]. Некоторые произведения были обнародованы в отдельных фрагментах: трактат по просодии Навои[15] [Самойлович 1926в], "Теашшук-наме" тимурида Сиди-Ахмеда [Самойлович 1927в], "Родословное древо Туркменское" Абуль-гази хана [Самойлович 1927г].

Видимо, в 20-е годы Самойлович приступил к изучению "Мухаббат-наме" Хорезми (см. позднейшее издание [Наджип 1961]; некоторые исследовательские результаты им использованы в [Самойлович 1928б]). Предполагал он также написать статью о ленинградской рукописи "Огуз-наме" (см. об этом [Самойлович 1927д]; другие исследователи "Огуз-наме" – Риза-Нур, П. Пельо, В. Банг, Э.Н. Наджип, А.М. Щербак), см. [Ашнин 1978а: 20]. Этим планам ученого не довелось сбыться.

В концептуальной статье "К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка" [Самойлович 1928б] ученый, помимо изучаемого им в тот период "Мухаббат-наме" Хорезми, обобщил также языковой материал романа "Хосрев и Ширин" Кутба,

---

[13] В "Турецких этюдах" имеется небольшой подраздел, в котором содержатся различные выписки о Лютфи и его поэзии (Ф. 671. Д. 100. Л. 111–115).

[14] Прежде была напечатана статья о туюгах Алишера Навои [Самойлович 1917б].

[15] В архиве ученого (РНБ. Ф. 671) числится Д. 88 "Выписки стихов из произведений Навои – без даты, 571 карточка". Существование такого массива материала, естественно, не может не менять наших представлений о характере работы Самойловича над наследием великого поэта.

к подготовке издания копии которого он приступил еще в 1913 г.[16], "Кысса-и Юсуф"[17]. На основании анализа этих и многих других памятников А.Н. Самойлович предложил «признавать *единый среднеазиатско-турецкий (а не "чагатайский" или "восточнотурецкий") литературный язык исламской эпохи"* и установить внутри этого языка *несколько периодов* его развития в зависимости от культурных очагов и этнических и иных условий каждого из этих очагов, разных для разных периодов» [Самойлович 1928б: 21][18]. На Западе идеи А.Н. Самойловича были подхвачены, например, К. Броккельманом, причем "оригинальность" авторского освоения концепции Самойловича сказалась в заглавии труда немецкого ученого: "Восточнотюркская грамматика исламского литературного языка Средней Азии" [Brockelmann 1954].

31.XII.1931 г. Самойлович пишет Гордлевскому о своих "работах, которые за последнее время выходят... все реже и реже" (цит. по [Баскаков 1973: 91]; в этом отношении представляет интерес официальное письмо Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, адресованное акад. А.Н. Самойловичу и извещающее "о невозможности издания фольклорных сборников" (17.V.1934: РНБ. Ф. 671. Д. 39).

Научная и педагогическая деятельность проф. А.Н. Самойловича с самого начала неразрывно связаны между собой: свои исследовательские интересы и пристрастия, результаты обследования средневековых рукописей, в том числе и новонайденных, Самойлович активно внедрял в преподавательские планы и программы своих лекций, в семинарские занятия со студентами. Но если в научной работе в послеоктябрьский период ему приходилось поневоле ограничивать свои лингвоисторические и текстологические исследования рамками в основном ранее освоенного материала, то в преподавании он полностью сохранял прежние позиции, как это ясно показывает привлечение архивных материалов его педагогической деятельности и изучение его архивного наследия в целом (т.е. включая всякие заметки, выписки, отчеты, в основном, из разряда "II. Материалы служебной и общественной деятельности": РНБ. Ф. 671, особенно дела 66–76 и др.; эпистолярное наследие, поскольку в письмах сообщалось о его поездках в тюркоязычные республики и о лекциях, которые он там читал). Став в 1922 г. ректором Петроградского института живых восточных языков, он сообщал С.Е. Малову очень оптимистично: "Питерские востоковеды работают вовсю и на поприще науки, и на поприще преподавания" (24.XII.1922: ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 223).

Проф. А.Н. Самойлович продолжал читать все те курсы лекций и вести все те семинарские занятия, которые он вел с самого начала преподавательской деятельности – после смерти своего учителя П.М. Мелиоранского, сначала в качестве приват-доцента (в этой должности он утвержден 1 июля 1907 г.).

Разумеется, не обходилось и без разумных поновлений – изменялось (иногда – в соответствии с изменениями в этнолингвистической терминологии, иногда – в связи с новыми веяниями в тюркологии) название курса; содержание его приспособлялось к профилю учебного заведения, в котором читались лекции. Так, еще от П.М. Мелиоранского Самойлович унаследовал курс, который учитель называл "Введение

---

[16] Черновой автограф его доклада, сделанного 3 октября 1913 г. на заседании Восточного отделения Имп. Русского археологического общества, сохранился вместе с приложением – "Хосрой и Ширин. Перевод. Текст" (РНБ. Ф. 671. Д. 142. Л. 1–19, 20–37, 38–261; чернилами). Поздние исследователи этого памятника – Э.Н.Наджип и польский тюрколог А. Зайончковский.

[17] «...я пользуюсь своей ненапечатанной статьей "К какой из турецких литератур относится роман XIII в. "Иосиф и Зулейха"?"» [Самойлович 1928б: 6]. О лингвистических аспектах этой статьи Самойловича, выполненной по тому же плану, что и статья о газелях Атай, см. [Благова 2000: 84–93].

[18] Культурологическая идея единства среднеазиатско-турецкого литературного языка была заложена Самойловичем еще в Предисловие к "Турецким этюдам" [РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 2–3].

в изучение турецких наречий"[19], а он – "Введение в изучение турецких племен и наречий"[20] и позднее – "Введение в изучение турецких народов и языков" (РНБ. Ф. 671. Д. 69. № 1), а потом – "Введение в туркологию" (1923 г.). Во всяком случае еще в 1918–1919 учебном году Самойлович читал курс "Введение в изучение турецких народов и языков" и в Петроградском университете, и в Лазаревском Переднеазиатском институте на этнологическом, историко-филологическом факультете, причем в лекциях для студентов последнего института явно учитывалась их языковая специализация: лекции 1–2 назывались "Турецкий мир и Передняя Азия", а курс лекций включал в себя разделы: "I. Туранская теория и Переднеазиатский Восток; II. Турецкие элементы в современной Передней Азии. III. Переднеазиатское влияние на древний турецкий мир" (Ф. 671. Д. 69).

Годами складывался курс "Письменность и литература древних турецких народов", он, несомненно, создавался при опоре на многочисленные семинары, которые проводил Самойлович по рунике, истории средневековой литературы и истории литературы языков тюркских народов (см. об этом ниже). Курс "Письменность и литература древних турецких народов" числится как "Курс I" среди "Программ лекций по тюркологии, прочитанных А.Н. Самойловичем в Петроградском университете и Лазаревском институте в 1918–1919 учебном году". Этот курс имеет тематическую разбивку по количеству лекций по каждой теме: "1) Историко-культурный обзор древних турецких народов (до образования Монгольской империи) – 12 лекций; 2) Орхоно-енисейская письменность: алфавит, литературные памятники, чтение и толкование отрывков – 5 лекций; 3) Уйгурская письменность: алфавит, литературные памятники, чтение и толкование отрывков – 10 лекций" (РНБ. Ф. 671. Д. 69. № 2). Как можно видеть из сравнения этого плана с планом и содержанием раздела VII архивной работы А.Н. Самойловича "Турецкие этюды", курс лекций должен был содержать разбор тех самых первых двух периодов истории среднеазиатско-тюркской литературы, которые только намечены в разделе VII, и становится понятным, почему в этом разделе он не останавливается на этих периодах (см. [Самойлович 1997: 165–166]).

Как курс II в этих "Программах лекций" значится новый курс лекций "Основы общетурецкой сравнительной грамматики. Фонетика и морфология: 1) Обзор расселения турецких народов и племен от древнейших времен и поныне – 1 лекция; 2) Основные фонетические (звуковые) особенности главнейших турецких языков – 2 лекции; 3) Основные морфологические (грамматические) особенности главнейших турецких языков – 2 лекции; 4) Классификация турецких языков и наречий – 1 лекция". О том, насколько этот курс был тесно связан с научной работой Самойловича, могут свидетельствовать два факта: во-первых, в 1922 г. был издана его статья "Некоторые дополнения к классификации тюркских языков" [Самойлович 1922]; во-вторых, в письме к В.В. Бартольду от 4.VII 1925 г. он сообщал о своем замысле: "После составления трех грамматик: крымско-татарской, узбекской (собираюсь печатать) и османской мечтаю сосредоточиться на работе по сравнительной грамматике турецких языков..."[21] (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Как работу, призванную теоретически

---

[19] Сохранился писанный им студенческий конспект лекций Мелиоранского именно под таким названием (РНБ. Ф. 671. Д. 135). Авторское сжатое изложение этого курса см. [Мелиоранский 1902].

[20] См. лекции этого курса в записи студента А. Быкова (II курс), где название "Введение *в изучение турецких племен и наречий*" написано на л. 1 (РНБ. Ф. 671. Д. 73, датировано: 7.X.1917). В сообщение о том, что Самойловичу пришлось читать "лекции по введению *в тюрко-татарские языки*" [Ашнин 1978а: 10] (курсив наш. – *Г.Б.*), вкралась неточность; это подтверждается также использованием не свойственной ученому этнолингвистической терминологии.

[21] Крымско-татарская грамматика: [Самойлович 1916а], османская грамматика: [Самойлович 2002]. О своей ненапечатанной узбекской грамматике ученый писал в 1925 г.: «кое в чем исправленное по сравнению с крымско-татарской грамматикой рукописное "Пособие для изучения узбекских наречий" (1919 г.)» [Самойлович 2002: 8]. См. также [Ашнин 1978а: 16].

подготовить переход к созданию сравнительной грамматики, можно рассматривать единицу хранения 121 (РНБ. Ф. 671) – "Система турецкой грамматики. Опыт установления грамматических категорий" (материалы и выписки). Кроме того, в составе архивной рукописи "Грамматика чагатайского языка" (РНБ. Ф. 671. Д. 131; без даты) содержится "Часть II. Общие основы грамматики турецких языков" (в ее составе имеются заметки по проблеме "Учение о грамматических формах. Морфология").

В качестве курса III в "Программах лекций" стоит курс "Основы грамматики языка поволжских татар в историческом освещении" (на другом листке дан вариант "Основы исторической грамматики языка поволжских татар: 1) Учение о звуках (фонетика). Вопросы правописания. – 3 лекции; 2) Учение о формах (морфология) – 3 лекции; 3) Учение о сочетании форм (синтаксис) – 1 лекция; 4) Лингвистический анализ отрывков народной речи и произведений разных авторов (зачеркнуто: Литературного языка] – 3 лекции".

А.Н. Самойлович систематически вел ряд семинаров по чтению и грамматическому, лексикологическому разбору текстов средневековой тюркской литературы. Начиная с 1906 г., долгие годы он читает со студентами и разбирает замечательные "Записки" султана Захир эд-Дина Бабура; сохранившиеся связки сделанных им при этом выписок представлены тремя единицами хранения – РНБ. Ф. 671. Д. 74 и Д. 85; ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 1. Д. 16. С. 1908–1909 учебного года студенты на его семинаре учатся постигать рунические орхонские памятники. 1915–1916 учебным годом датированы сохранившиеся в архиве С.Е. Малова (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 2. Д. 49) записи лекций Самойловича с чтением и разбором текста "Кутадгу билиг"; об этих его лекциях в 1926–1927 учебном году пишет в своем отчете о занятиях в ЛГУ (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 279) тюрколог Э.А. Шмидт (сын арабиста А.Э. Шмидта (1871–1939), учителя Самойловича). Подобные же лекции по этому караханидско-уйгурскому литературному памятнику читались в 1928 г. во время пребывания Самойловича в Казани. В отчете Э.А. Шмидта упоминается также о семинаре Самойловича по чтению и разбору поэмы Кутба "Хосрев-у Ширин" (по фотографической копии с Парижской рукописи) (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 279); имеются архивные сведения и о семинаре по чтению, переводу и разбору рукописи романа Али "Юсуф и Зулейха" (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 2. № 41).

На этих семинарах профессором "обкатывались" новые методические подходы к научному анализу средневекового текста – как поэтического, так и прозаического.

Для успешного проведения таких семинаров с чтением и разбором средневековых текстов студентам остро не хватало соответствующих пособий. А между тем, например, для занятий османско-турецким языком со студентами еще в 1915 г. А.Н. Самойлович, как он сообщал в письме В.А. Гордлевскому от 7.X.1915 г., готовил "к литографированному изданию практическую грамматику современного османского языка для Практической академии. Вслед за ⟨османской⟩ газетной хрестоматией отлитографирован сборник ⟨османских⟩ документов" (цит. по [Баскаков 1973: 89]; см. там же письмо от 4.IV.1916 г.). В этот же период ученый выпускает в свет пособие для Курсов окраинных туземных языков для чинов судебного ведомства под названием "Современные среднеазиатско-турецкие документы из Ташкента" (отпечатано в электропаровой типографии О.А. Порцева) [Самойлович 1916б].

Можно предположить, что мысль о создании хрестоматии из поэтических образцов авторов чагатайского периода не была чужда А.Н. Самойловичу еще в период работы его над "Турецкими этюдами" по новому плану: уже тогда он располагал отобранными и прокомментированными (а в ряде случаев – и переведенными) текстами поэтов не только чагатайского периода, но также и более ранних, и более поздних периодов; к тому же он имел опыт литографированных изданий учебных пособий и хрестоматий. В Хрестоматии по истории среднеазиатско-турецкой литературы особенно нуждался Самойлович-педагог, стремившийся взрастить не только историков литературы, но в равной мере также и историков литературных языков (для него обе

эти специальности были нерасторжимы) с тем, чтобы общими усилиями выполнить заветы П.М. Мелиоранского [Мелиоранский 1900: 144].

Однако прямого высказывания Самойловича о задуманной им Хрестоматии по истории среднеазиатско-тюркской литературы найти нам не удавалось, оставались только предположения; см. [Благова 2002]. В настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что это предположение подтверждено документально – именно об этой Хрестоматии идет речь в первом из двух публикуемых ниже в качестве приложения писем Самойловича к Ашмарину – от 5.II.1925 г.

К тому же в огромной папке с рукописью переводов стихотворений Бабура при работе по определению ее состава и структуры мне удалось обнаружить листок из ученической тетради с планом Хрестоматии, где указаны не только тематические разделы, но и раскладка по листажу. Тематический охват материала беспримерен[22] и грандиозен: от "Кутадгу билиг" (XI в.) до поэзии начала XX в. Приведем этот план Хрестоматии: «1/2 л. XI в. ⟨"Кутадгу билиг"⟩ Юсуф Хас-хаджиб.

1 л. ⟨зачеркнуто "1/2 л."⟩ XII–XIII вв. Ахмед Ясеви, Хаким Ата. XIV в. Рабгузи.

5 л.[23] XV в. Атаи, Лютфи, Неваи, Хусейн Байкара.

2 л.[24] XIV в. Бабур, Мухаммед Салих.

1 л. XVII–XVIII вв.[25]

1/2 л. XIX в. Кокандские поэты. 1 л. Хивинские поэты. 1 л. Туркменские поэты. 1 л. Восточнотуркестанские поэты. 1 л. Западнотуркестанские поэты.

1 л. XX в. Новая поэзия» [РНБ. Ф. 671. Д. 82. Л. 121 (461)]. Итого: Хрестоматия была рассчитана на 15 авт. листов.

Как можно видеть, разделы плана Хрестоматии "XV в." и "XVI в." (Бабур) совпадают с соответствующими разделами "Турецких этюдов", и именно этим разделам отводился самый большой листаж в Хрестоматии.

Об увлеченности Самойловича идеей Хрестоматии свидетельствует и его письмо к В.В. Бартольду от 25.XI.1924 г., где в связи с открытием рукописи "Кутадгу билиг" в арабской транскрипции он выражает желание ознакомиться с рукописью "и использовать в моей работе, которую продолжаю" (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219); ср. в публикуемом ниже его письме к Н.И. Ашмарину от 5.II.1925 г. о том же: «Хрестоматию продолжаю подготовлять: сижу над "Кутадгу билиг"».

Документальные данные о замысле этой Хрестоматии важны для нас, в первую очередь, потому, что свидетельствуют о сознательно планировавшемся Самойловичем прорыве – сквозь вечную занятость научно-организаторской деятельностью, необходимостью откликаться публикациями на злободневные темы (последние в письмах к Ашмарину он назвал "своими новыми шалостями") – к оформлению, опубликованию любыми способами труда всей его жизни. Он вполне сознавал, насколько необходимо вовремя ввести в научный оборот весь массив этого труда полностью: ведь Хрестоматия призвана была представить накопленный им обширный материал по истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков в упорядоченном, систематизированном и обобщенном виде.

В Хрестоматии, как это видно из ее плана, должны были быть сосредоточены, в основном, поэтические произведения. По убеждению же А.Н. Самойловича, "первая задача исслед.⟨ователя⟩ поэзии – дать материал для словаря", и не просто словаря, а "словаря, тесно связанного с текстом" (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. 7, I). Исходя из этой необходимости, ученый задумал также составление чагатайского словаря – в дополнение к планировавшейся им "Грамматике чагатайского языка" (РНБ. Ф. 671.

---

[22] Первым опытом хрестоматии средневековой тюркской литературы в России может быть назван труд [Березин 1857].

[23] Сначала было написано, вероятно, 2 л., поверх которого – 3 л., впоследствии исправлено на 5 л. (Прим. *Г.Б.*).

[24] Сначала было написано 1 л., затем исправлено на 2 л. (Прим. *Г.Б.*).

[25] После каждой из римских цифр – XVII в., XVIII в. – оставлено место для последующего вписывания соответствующих имен поэтов (Прим. *Г.Б.*).

Д. 131). Во всяком случае, его ученик и последователь К.К. Юдахин в письме к Самойловичу (без даты, с пометкой адресата "отв⟨ечено⟩ IX. 1935 г."), сообщая о предстоящей своей поездке в Среднюю Азию, писал: "Этой поездкой мне хотелось бы воспользоваться и для беседы с узбекскими работниками по вопросу о их участии в работах по проектируемому Вами чагатайскому словарю" (Ф. 671. Д. 332). В силу неблагоприятно складывавшихся исторических и политических обстоятельств работа над чагатайским словарем и "Грамматикой чагатайского языка" была прекращена; среди архивных материалов не сохранилось тех, которые могли бы относиться к чагатайскому словарю[26].

В условиях тоталитаризма запрет, наложенный идеологами Узбекской ССР на термин "чагатайский" в связи с "антисоветской" деятельностью кружка узбекской интеллигенции "Чагатай гурунги", неминуемо проник в отечественную тюркологию в целом. Центральная фигура "Турецких этюдов" – император Бабур, завоеватель Хиндустана, наряду с принцем Мухаммедом Салихом и султаном Хусейном Байкара в Хрестоматии – с позиций теории обострения классовой борьбы в те годы – не могли не вызывать отрицательного к себе отношения. Словом, "Окружили невидимым тыном / крепко слаженной слежки своей..." (А. Ахматова). Тем самым судьба и "Грамматики чагатайского языка", и чагатайского словаря, и "Турецких этюдов", и Хрестоматии была предрешена: одни остались в архиве незаконченных рукописных работ, другие – в виде упоминаний в архивных бумагах.

Как видим, план Самойловича, чрезвычайно важный и ценный как в научном, так и в методическом и педагогическом отношении, остался нереализованным. Осуществление этого плана вовремя, несомненно, вывело бы историческое тюркское языкознание (как и историческое литературоведение) на принципиально новый уровень.

Невостребованными до сего времени оказались важные теоретические обобщения, содержащиеся как в опубликованных, так и в неопубликованных трудах А.Н. Самойловича. Таковы, во-первых, разработанные им принципы "всестороннего обследования памятников" истории тюркской литературы с охватом грамматики и лексики их языка[27]; во-вторых, принципы, применение которых – при максимальном использовании достижений современной тюркской лексикографии (и особенно исторической лексикографии) – обеспечивает адекватность перевода средневековых памятников; в-третьих, плодотворная идея о размытости границ между отдельными периодами истории литературы, соответственно – периодами истории литературного языка, о существовании между этими периодами переходных зон.

Объективная оценка всей суммы того, что сделано ученым в области изучения истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков, – дело будущего. Пока же ясно одно: труды А.Н. Самойловича в этой области знания в обобщенном и систематизированном виде полностью и своевременно не были введены в научный и научно-педагогический оборот, чем объективно было замедлено развитие лингвоисторической отрасли отечественной (да и мировой) тюркской филологии в XX веке.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В заключение как приложение публикуются два письма академика А.Н. Самойловича к члену-корреспонденту АН СССР Н.И. Ашмарину. Помимо документирующего значения (факт работы по созданию Хрестоматии), письма эти представляют

---

[26] Только в письме Юдахина имеется упоминание о том, что "⟨Э.А.⟩ Шмидт работу по словарю начал. Осенью надеется часть карточек представить" (18.VI.[1928]: РНБ. Ф. 671. Д. 332).

[27] Особенно подробно о лингвистических аспектах его исследований см. "Черновые материалы к работам о творчестве Бабура. Чернилами и карандашом. 85 л. Без даты" (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. I и л. 7).

интерес для понимания той ситуации и обстановки, в которой жили и трудились эти выдающиеся ученые в ранний послеоктябрьский период, уяснения их взаимоотношений, а также для конкретной детализации даже тех биографических вех каждого из них, которые нашли отражение в энциклопедических изданиях.

Тюрколог широкого профиля и основоположник чувашского языкознания и фольклористики Николай Иванович Ашмарин (см. о нем [Федотов 1995]) широко известен как составитель словаря чувашского языка приблизительно в 50 тысяч слов, богато иллюстрированных диалектным, фольклорным материалом [Ашмарин 1928–1950]. Самойлович в письме к В.В. Бартольду от 20.XI.1923 г. из Баку так отозвался о нем: "На днях сюда переселился Н.И. Ашмарин со своим чувашским словарем, единственный, по моему крайнему разумению, специалист по чувашелогии во всей России, но жизнь сильно потрепала этого достойнейшего и скромнейшего человека, и он пока нуждается прежде всего в отдыхе..." (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Самойлович в письме назвал этот словарь "драгоценным". Неизданными остались собранные им материалы устного народного творчества чувашей – около 30 томов, посмертно опубликовано лишь "Введение в курс чувашской народной словесности" [Ашмарин 1982]. Для научной биографии ученого небезынтересно излагаемое в письме свидетельство о том, как резко изменилось мнение А.Е. Крымского о Ашмарине (которого он знавал в молодости) после ознакомления с трудами этого последнего.

В Чебоксарах в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (Ф. IV. Д. 151. Инв. № 273), как любезно сообщила нам Л.С. Левитская, хранятся шесть писем А.Н. Самойловича к Н.И. Ашмарину (там же имеются письма к Ашмарину от Б. Мункачи и К. Грёнбека). Самое раннее из них – от 6.V.1916 г.; самое позднее – от 18.IV.1930 г. В письме от 27.IX.1916 г. Самойлович сообщил Н.И. Ашмарину, что у себя на квартире В.В. Радлов выступил с сообщением о чувашском языке (главным образом, по материалам Ашмарина[28]); присутствовали В.В. Бартольд, А.Д. Руднев, П.А. Фалев, С.Е. Малов, Б.Я. Владимирцов, Валидов Ахмед Зеки и А.Н. Самойлович.

Публикуемые 2 письма А.Н. Самойловича к Н.И. Ашмарину по нашей просьбе и по собственному выбору любезно ксерокопировал для нас доктор филологических наук Атнер Петрович Хузангай, за что приносим ему искреннюю признательность.

Первое из публикуемых писем (от 5.II.1925) относится к бакинскому периоду жизни Н.И. Ашмарина, который родился, вырос и всю свою жизнь (за исключением этого периода и лет учебы в Лазаревском институте восточных языков в Москве) прожил в Поволжье. Бакинскому периоду предшествовала работа в Симбирске, куда ученый в поисках лучшей доли для своего многодетного семейства (семеро детей) отправился, видимо, в 1918 г. См. свидетельство С.Е. Малова в письме к Самойловичу от 17 (4).VII.1918 г. из Казани: "Н.И. Ашмарин надумал зиму провести в Симбирске, куда его сманил Чувашский институт народного образования, пообещав всяких благ. По последним письмам (к Катанову) Ашмарин теперь готов опять приехать в Казань на прежние места, так как в Симбирске продовольственное положение нисколько не лучше Казанского" (РНБ. Ф. 671. Д. 221)[29]. В этом институте он читал курс чувашского языка.

1923–1926 годами датируется жизнедеятельность Ашмарина в Баку (работает заведующим кафедрой тюркологии на восточном факультете Азербайджанского

---

[28] В том числе, видимо, были использованы первые два выпуска его "Словаря чувашского языка", изданные в Казани в 1910–1912 гг.

[29] Приведем из письма С.Е. Малова к Самойловичу от 30.VIII.1922 г. еще одну цитату, ярко характеризующую нравственную атмосферу казанского жития этих ученых: "Нам всем троим – людям одной специальности (Катанову, Ашмарину и мне), никогда не было тесно в Казани, жили мы все согласно и дружно, и тем тяжелее мне приходится чувствовать здесь свое одиночество" ⟨Н.Ф. Катанов, первый ученый, языковед и этнограф из хакасов, известный исследователь тюркских языков – умер; Н.И. Ашмарин – уехал в Симбирск⟩ (РНБ. Ф. 671. Д. 221).

университета). В эти годы он занимается общетюркологической проблематикой, развертывает исследовательскую работу по азербайджанской диалектологии – ему принадлежит "Программа и инструкция по сбору диалектного материала", а также монографическое описание нухинских говоров [Ашмарин 1926]. В 1925 г. он получает звание доктора филологии. В эти же годы Ашмарин выступает с инициативой составления словаря тюркских народных говоров Азербайджана (см. об этом в первом письме Самойловича); в результате реализации поставленной задачи в 1930 г. и 1931 г. вышли в свет первые два выпуска I тома этого словаря. По мнению М.Ш. Ширалиева, своими трудами, среди которых особое место занимает уникальное монографическое исследование "Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи", Н.И. Ашмарин положил "начало подлинно научному изучению богатейших диалектов и говоров азербайджанского языка" [Ширалиев 1970: 76].

Второе письмо (от 18.IV.1930) относится к последнему, казанскому периоду жизни Ашмарина, когда он часто выезжал в Чебоксары по вопросам печатания очередных выпусков своего словаря. В этих вопросах ему неизменно помогал Н.А. Резюков, являвшийся редактором некоторых выпусков; после смерти составителя (в 1933 г.) он подготовил к печати выпуски 8–14. Похоронен Н.И. Ашмарин на Арском кладбище в Казани.

Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность Лии Сергеевне Левитской, чувашеведу и тюркологу-компаративисту: предлагаемая публикация писем, собственно, инициирована ею; ею же сообщены сведения о малоизвестных обстоятельствах жизни Ашмарина, многие из которых ей довелось услышать от В.Г. Егорова; ею предоставлена мне основная литература о жизни и научном творчестве ученого. Фактически Л.С. Левитская может быть признана моим соавтором в публикации писем и составлении комментариев, которые касаются Н.И. Ашмарина.

А.Н. Самойлович – Н.И. Ашмарину

5.II.1925 Ленинград

Глубокоуважаемый Николай Иванович. Отвечаю на Ваше письмо и теперь же знаю, что долго, вероятно, придется мне ждать от Вас следующей вести. Писали бы чаще! Сношения с Вашим университетом меня сильно нервируют[30]: Ваши коллеги почему-то забывают, что о получении служебных документов необходимо уведомлять, и я до сих пор не знал бы, если бы Вы не сделали приписку к Вашему письму, что отзыв мой о Вас[31] получен. Что касается Вашего вопроса о том, приеду ли

[30] См. письмо Самойловича академику В.В. Бартольду от 25.XI.1924 г., являющееся ответом на сообщение последнего о том, в какой обстановке пришлось ему начать читать лекции в Азербайджанском университете: "Вы являетесь прежде всего гостем университета, гостем своих русских коллег, нашедших убежище в Баку, и их я в первую голову виню в том возмутительном приеме, который Вы встретили в Азербайджане. Ректор университета размазня, хотя и хороший человек... Университет и меня встретил так же, как и Вас. Заметив, что автономная профессура ни на что не способна, кроме самопорки, я в 1923 г. повернулся к ней спиной и имел далее дело с Наркомпросом ⟨...⟩. Сконфужен отчаянно, что мои хлопоты не увенчались успехом. При свидании с Пепиновым или Кулиевым поставил им на вид, что Наркомпрос не сможет далее рассчитывать на помощь ленинградцев, если отношение к ним университета не изменится. Можно подумать, что университет против своей воли приглашает настоящих востоковедов и затем делает все, чтобы отвадить их от поездок в Баку ⟨...⟩" (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

[31] Судя по тому, как Самойлович напоминает, что "о получении *служебных документов* необходимо уведомлять" (курсив наш. – *Г.Б.*), здесь, скорее всего, речь идет об официальном отзыве Самойловича о научно-педагогической деятельности Н.И. Ашмарина в связи с предстоявшим присуждением ему "Звания доктора филологии". Это звание было ему присвоено в период, когда он преподавал в Баку на восточном факультете Азербайджанского университета (1923–1926). С учетом этого письма датировка названного присуждения ученого звания должна

я читать весной, то ответ очень простой: Университет меня не пригласил, и это, думаю, должно было быть известно. Приглашение Наркомпроса ввиду этого я мог бы использовать ⟨слово нрзб.⟩ для чтения в каком-нибудь ином учебном заведении Азербайджанской республики, но несмотря на данное мною Кулиеву обещание, весной приехать не смогу, ибо до начала апреля занят здесь, в Ленинграде, и меня не пустят. Возможно, что в апреле перееду на месяц в Казань, куда меня приглашает тамошний Пед. институт. Ряд обстоятельств заставляет меня воздерживаться от посещения во избежание неприятных встреч и столкновений.

Хрестоматию продолжаю подготовлять: сижу над "Кутадгу билиг". Одновременно с письмом Вам отправлю письмо ⟨фамилия адресата нрзб.⟩ по поводу этой самой хрестоматии и сошлюсь на Ваше заявление о существующей потребности в подобном пособии.

Рамстедта[32] у меня нет, скажу Поппе[33], может быть, он пришлет его Вам. Сдал в печать краткую учебную грамматику османского языка[34]; по напечатании пришлю Вам и заранее прошу строжайшего отзыва.

Н.Я. Марр был в Симбирске у чувашей и сделал о поездке интереснейший доклад об этих басках Восточной Европы. Я сочувствую изучению турецких языков в яфетическом освещении[35], но моя статья "От туранизма к яфетидизму" пишется крайне медленно[36]. Скоро пришлю Вам несколько оттисков своих новых шалостей.

Как подвигается Ваш Азербайджанский словарь[37] и каково вообще положение тюркологии в Обществе обследования и изучения Азербайджана?[38] Напишите.

быть ограничена 1925–1926 годами. Заметим вместе с тем, что к этому же времени относится написание и опубликование другого "отзыва" – рецензии Самойловича на работу Ашмарина "Подражания в языках Среднего Поволжья" [Самойлович 1926г].

[32] Из числа работ Г.Й. Рамстедта первой половины 20-х годов Ашмарин, видимо, имел в виду ту, которая непосредственно касалась его специальности, см. [Ramstedt 1922].

[33] Н.Н. Поппе был учеником А.Н. Самойловича, а в 1920–1921 учебном году – его единственным слушателем в Петроградском университете (см. об этом в письме Самойловича к В.В. Бартольду от 22.I.1921 г.: ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Не исключено, что именно поэтому А.Н. Самойлович был одним из тех немногих востоковедов советской России, о ком Поппе хорошо отзывался, см. [Алпатов 2001].

[34] См. [Самойлович 2002].

[35] Возможно, в этом "сочувствии" яфетической теории, наряду с лингвистическими факторами, сказался и такой экстралингвистический, как давняя симпатия А.Н. Самойловича к Н.Я. Марру. Ведь декан факультета Н.Я. Марр в числе других академиков вступился за него в 1915 г. на открытом заседании редколлегии ЗВО РАО [Протокол 1916 с. IX–XI], когда В.Д. Смирнов потребовал опубликовать его "резко отрицательный отзыв" на монографию Самойловича о туркменской исторической поэме XIX в. [Абду-с-Саттар, 1914]. В ПФ АРАН в описи фонда 800 (Н.Я. Марр) под № В-821 значатся семь писем А.Н. Самойловича (11 л.) – цифры эти зачеркнуты, запись на полях: "см. акт от 10.II.1939", т.е. почти через год после расстрела Александра Николаевича последовало распоряжение об изъятии его писем к Н.Я. Марру. Уцелела только одна его открытка, адресованная Н.Я. Марру.

[36] Судя по "Списку трудов А.Н. Самойловича...", составленному Ф.Д. Ашниным [Ашнин 1978б: 275–288], статья под таким заглавием не была опубликована Самойловичем; возможно, материалы для нее были каким-то образом использованы в его статье "Тюркология и новое учение о языке" [Самойлович 1935]? Н.И. Ашмарин, по свидетельству современников, весьма неодобрительно относился к деятельности Н.Я. Марра как "основателя яфетидизма".

[37] В бакинский период, когда Ашмарин много и плодотворно занимался азербайджанской диалектологией, он, видимо, предполагал также работать над составлением словаря азербайджанского ("азербайджанско-турецкого" – в письме от 9.III.1924 г.) языка, о чем было известно Самойловичу. Однако этому замыслу не суждено было реализоваться из-за кратковременности (3 года) пребывания Н.И. Ашмарина в Азербайджане.

[38] В письме к В.В. Бартольду из Баку от 30.X.1923 г. Самойлович сообщал: «Общество по исследованию Азербайджана утверждено давно, но собирается приступать к работе в "возрожденном" виде на этих днях. Этнография, история и археология входят, оказывается, в его программу. Вопрос об этом параллелизме был затронут в упомянутом заседании Археологического комитета, в коем присутствовали и представители названного Общества. Я высказался

Привели ли Вы в исполнение решение отдать Ваши чувашские словарные материалы для незамедлительного ⟨?начало слова нрзб.⟩ издания? Приведите!

2 февраля было годовое заседание Российской Академии наук, и я оказался среди лиц, избранных в члены-корреспонденты по отзыву академика В.В. Бартольда[39]. Это избрание полезно для меня в том смысле, что обязывает к серьезной работе; сознаю, что только крайне снисходительное отношение к моим трудам могло доставить мне это звание.

Привет Вам и Вашей семье. Ваш А. Самойлович.

18.IV.1930 Ленинград

Глубокоуважаемый Николай Иванович. Только сегодня отвечаю на Ваше любезное письмо от 27 февраля. Готовясь к отъезду в Алма-Ату на IV пленум ВЦК Нового алфавита, приводил в порядок два своих письменных стола, на коих "отрыл" несколько своих незаконченных работ и более десятка писем, остававшихся без ответа, в том числе и Ваше. На Ваше письмо отвечаю в первую голову, прошу простить мою медлительность или, вернее, халатность. Так много всяких забот по многочисленным служебным обязанностям, что трудно ⟨слово нрзб.⟩ собраться с мыслями для писанья писем в течение учебного года, и только прекращая работу для выездных предприятий, можно ⟨слово нрзб.⟩ урвать несколько часов для приведения в некоторый порядок запущенных дел.

Благодарю Вас очень за выпуски Вашего драгоценного словаря. О нем у меня была речь с Крымским, когда некоторое время тому назад я виделся с ним в Киеве. Крымский печатает труд по истории тюркологии на украинском и французском языках, в котором, конечно, касается и Вас[40]. Он при этом вспомнил мой спор с ним в Баку во время Туркологического съезда[41], когда Вы стояли на кафедре и делали свой доклад. Крымский тогда хвастался тем, что в свое время основательно, будто бы, предпочел Гордлевского Вам в вопросе об оставлении при Лазаревском институте[42]. Теперь,

---

против дробления сил, и большинство оказалось того же мнения. Едва ли, однако, Общество сдастся по этому вопросу, и, вероятно, сама жизнь же похерит наметившийся параллелизм. Победит тот, кто прежде всего будет богат средствами. В обсуждении этого вопроса, по-видимому, мне еще раз придется принять участие уже в заседании не Комитета, а Общества или его организаторов» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Через год в письме от 25.XI.1924 г. Самойлович пишет Бартольду, что в Баку "во второй ⟨раз⟩ я был гостем Общества обследования Азербайджана и встретил, как Вам рассказывал, совершенно иной прием" ⟨нежели в университете⟩ (Ф. 68. Оп. 2. Д. 219), см. об этом выше.

[39] То, что Самойлович написал об избрании его членом-корр. АН СССР, позволяет внести коррективы в опубликованные ранее сведения. Итак, Самойлович был избран членом-корр. АН СССР 2 февраля 1925 г., а не "в 1924 г.", как было напечатано прежде [Ашнин 1978а: 12].

[40] См. [Кримський 1972–1974].

[41] I Всесоюзный тюркологический съезд, одним из инициаторов и организаторов которого был А.Н. Самойлович, состоялся 26 февраля – 5 марта 1926 г. в г. Баку.

[42] Н.И. Ашмарин (1870–1933), потомок ярославских крепостных, сын купца 2-й гильдии, из-за торговых дел отца вращаясь в чувашской среде г. Курмыша, где жила их семья, в 13 лет овладел чувашским языком настолько, что мог свободно изъясняться на этом языке. Слушая лекции по турецкому языку в Лазаревском институте восточных языков (ЛИВЯ), не мог не подметить его сходства с чувашским и со студенческой скамьи стал собирать материал по этому мало изученному тогда языку [Егоров 1948]. После окончания ЛИВЯ (1894 г.) в 1895–1899 гг. преподавал в Казани в крещено-татарской школе и инородческой учительской семинарии.

В.А. Гордлевский (1876–1956) окончил ЛИВЯ в 1899 г., затем учился на историко-филологическом факультете Московского университета, по окончании которого был командирован в Турцию, где собирал материалы по турецкому языку и фольклору. После двух лет пребывания в Турции и Сирии занимался в Париже – в Коллеж де Франс и в Сорбонне. С 1907 г. преподавал турецкий язык и литературу в ЛИВЯ.

в Киеве, после подробного изучения Ваших творений он признал мою правоту.

На Западе по туркологии делается мало. Банг выпустил две тетради манихейских текстов[43]. Пришлю Вам, ибо он присылает мне по нескольку экземпляров.

В Харькове в "Східном Світі" печатается по-украински[44] новая редакция моей классификации турецких языков, которую я докладывал на Украинском съезде востоковедов в ноябре 1929 г. Когда выйдет, тоже вышлю. Посылаю и сейчас то немногое, что у меня имеется в отдельных оттисках, из последних моих работ.

Выезжаю 25 апреля, должен вернуться 5 июня. Буду, кроме Алма-Аты, в Ашхабаде и Самарканде.

Привет от нас обоих Вашей супруге и потомству. Отец, который очень Вами интересуется, тоже Вас приветствует[45].

Искренне Вас почитающий А. Самойлович.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абду-с-Саттар казы. 1914 – Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века / Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А.Н. Самойлович. СПб., 1914 (Изд. фак-та вост. языков. СПб. ун-та. № 34).

Абрамзон С.М. 1978 – А.Н. Самойлович – этнограф // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.

Азимов П., Чарыяров Б. 1973 – А.Н. Самойлович и туркменское языкознание // СТ. 1973. № 5.

Алпатов В.М. 2001 – Переписка Н.Н. Поппе с советскими востоковедами // ИАН ОЛЯ. 2001. № 5.

Ашмарин Н.И. 1901 – Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880–1895 годы // Изд. под ред. А.Е. Крымского. М., 1901.

Ашмарин Н.И. 1926 – Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи: 1–3. Баку, 1926 (Труды Об-ва обследования и изучения Азербайджана. Вып. 6).

А.Е. Крымский (1871–1942) окончил ЛИВЯ в 1892 г. и историко-филологический факультет Московского университета в 1896 г. После двухлетней командировки в Сирию и Ливан с 1898 г. по 1918 г. преподавал в ЛИВЯ (профессором которого стал в 1900 г.) на кафедре арабской словесности и истории мусульманского Востока, в разные периоды вел также занятия по персидской или тюркской словесности [Кононов 1989: 30, 76, 137]. Возможно, что, так сказать, "усредненное" впечатление от Н.И. Ашмарина сложилось у Крымского еще в начале XX в., когда он выступил редактором одной из ранних работ последнего [Ашмарин 1901]. Наверное, способствовал этому и внешний облик ученого, немногословного и даже молчаливого, сильно худощавого, всегда словно утомленного жизнью и чем-то удрученного. Характерно, что из всех своих сверстников по ЛИВЯ В.И. Гордлевский дожил до 80-летия и счел своим долгом почтить память Н.И. Ашмарина [Гордлевский 1956].

[43] См. [Bang 1929; 1930].

[44] Видимо, А.Н. Самойлович свободно писал и изъяснялся на украинском языке; во всяком случае, в личном листке по учету кадров в графе "национальность" его рукой проставлено: "украйнец" (РНБ. Ф. 671. Д. 1). См. также другую его статью в журнале "Східний світ" [Самойлович 1929]. Что же касается упоминаемой в письме статьи, содержащей "новую редакцию" его классификации тюркских языков, то в Списке трудов А.Н. Самойловича [Ашнин 1978б] таковая не числится. См. более раннюю редакцию названной классификации в [Самойлович 1922].

[45] Отца А.Н. Самойловича, Н.Я. Самойловича, в свое время служившего в Нижнем Новгороде директором классической гимназии, Ашмарин интересовал, прежде всего, как выпускник этой гимназии. Кроме того, его привлекала и необычность биографии Н.И. Ашмарина: внук крепостного из Ярославской губернии (правда, оттуда тот прибыл в г. Ядрин уже офеней и открыл там свою торговлю), сын купца II гильдии, Ашмарин, в жилах которого текла и чувашская кровь (чувашкой была мать, по версии Н.А. Резюкова, его ученика и соратника, а по другой версии – бабушка [Гордлевский 1956]), читавший научную литературу, по свидетельству сына – В.Н. Ашмарина, на 25 языках, начинал свою педагогическую деятельность в Казани в крещено-татарской школе и инородческой учительской семинарии, а через 30 лет – в 1929 г. – был избран членом-корр. АН СССР.

Ашмарин Н.И. 1928–1950 – Словарь чувашского языка. Вып. 1–17. Казань; Чебоксары, 1928–1950.

Ашмарин Н.И. 1982 – Введение в курс чувашской народной словесности // Сб. Чувашской фольклор. Специфика жанров. Чебоксары, 1982.

Ашнин Ф.Д. 1978а – Александр Николаевич Самойлович 1880–1938 // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.

Ашнин Ф.Д. 1978б – Список трудов А.Н. Самойловича (с указанием рецензий на них) и литература о нем / Сост. Ф.Д. Ашнин // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.

Баскаков Н.А. 1973 – А.Н. Самойлович в письмах к В.А. Гордлевскому // СТ. 1973. № 5.

Березин И.Н. 1857 – Турецкая хрестоматия. Т. 1. Казань, 1857.

Благова Г.Ф. 1993 – Из истории тюркской текстологии. А.Н. Самойлович – исследователь "Бабур-наме". М., 1993.

Благова Г.Ф. 1997 – Академик А.Н. Самойлович и изучение литературного наследия Захир эд-Дина Мухаммеда Бабура / Подг. к изд.: Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем // Восток. 1987. № 6.

Благова Г.Ф. 1999 – Академик А.Н. Самойлович и его *Турецкие этюды* (Из архива незаконченных работ-рукописей) // RO. T. LII. Z. 1. 1999.

Благова Г.Ф. 2000 – Эдиционно-исследовательская методика в трудах академика А.Н. Самойловича // RO. T. LIII. Z.1.2000.

Благова Г.Ф. 2002 – О нереализованных научных планах А.Н. Самойловича // Востоковедение в Петербурге. [Вып]. 10. СПб., (в печати).

Боровков А.К. 1949 – Очерки по истории узбекского языка. 2. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского "тефсира" XIV–XV вв. // Сов. востоковедение. Т. 6. Л., 1949.

Боровков А.К. 1960 – Лексикографическая традиция в словарях чагатайского языка // Лексикографический сборник. Вып. VI. М., 1960.

Боровков А.К. 1963 – Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII вв. М., 1963.

Гордлевский В.А. 1956 – Памяти Н.И. Ашмарина // Уч. зап. НИИ языка, лит-ры, истории, экономики при СовМин'е ЧувашАССР. Вып. 14, 1956.

Дмитриев Н.К. 2001 – Восточная филология в Московском университете // Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения. М., 2001.

Дмитриева Л.В. 1978 – Материалы к описанию рукописного наследия А.Н. Самойловича // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.

Егоров В.Г. 1948 – Н.И. Ашмарин как исследователь чувашского языка. К 75-летию со дня рождения. Чебоксары, 1948.

Кононов 1989 – Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Изд. 2-е / Перераб., подг. А.Н. Кононов. М., 1989.

Кримський А.Ю. 1972–1974 – Твори в п'яти томах. I–V. Київ, 1972–1974.

Мелиоранский П.М. 1900 – Памятник в честь Кюль Тегина // Зап. Вост. отд. Русск. археолог. об-ва. 1900. Т. 12.

Мелиоранский П.М. 1902 – Турецкие наречия и литературы // Энциклопедический словарь / Изд. А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXXIV. СПб., 1902.

Мелиоранский П.М. 1908 – Мухаммед Салих. Шейбани-наме. Джагатайский текст / Посмертное издание П.М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием А.Н. Самойловича. СПб., 1908 (Изд. фак-та вост. языков СПб. ун-та. № 27).

Наджип Э.Н. 1961 – Хорезми. Мухаббат-наме / Изд. текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н. Наджипа. М., 1961.

Протокол 1916 – Протокол заседания Восточного отделения Имп. Русского археологического общества // Зап. Вост. отд. Имп. Русск. Археолог. об-ва. 1916, т. XXIII.

Самойлович А.Н. 1916а – Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916.

Самойлович А.Н. 1916б – Современные среднеазиатско-турецкие документы из Ташкента. Вып. 1. – Текст / Собрал А. Самойлович. Ташкент, 1916.

Самойлович А.Н. 1917а – Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. I. – Текст. Пг., 1917 (Изд. фак-та вост. языков Пг. ун-та. № 44).

Самойлович А.Н. 1917б – Четверостишия-туйуги Неваи // Мусульманский мир. Вып. 1. Пг., 1917.

Самойлович А.Н. 1922 – Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922 (Петрогр. ин-т живых восточных языков. 4).
Самойлович А.Н. 1924 – Из поправок к изданию и переводу "Кутадгу билиг" // Докл. АН. Сер. В. 1924, окт.-дек.
Самойлович А.Н. 1926а – Чагатайские туюги Лютфи // Докл. АН. Сер. В. 1926, май–июнь.
Самойлович А.Н. 1926б – Из туюгов чагатайца Эмири // Докл. АН. Сер. В. 1926, май–июнь.
Самойлович А.Н. 1926в – Извлечения из трактата по просодии Мир Али Шира Невайи "Мизāну-ль авзāн" // Восточный сборник. Л., 1926.
Самойлович А.Н. 1926г – Рец. на: Н.И. Ашмарин. Подражания в языках Поволжья (отт. из "Изв. Азерб. гос. ун-та им. В.И. Ленина", 1926).
Самойлович А.Н. 1927а – Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэт XV. Атаи́ // Зап. Коллегии востоковедов. Т. 2. Вып. 2. Л., 1927.
Самойлович А.Н. 1927б – Хивинские туюги XIX века // Докл. АН. Сер. В. 1927. № 2.
Самойлович А.Н. 1927в – Отрывок из "Теашшук-наме" с игрою рифмующих слов // Докл. АН. Сер. В. 1927. № 2.
Самойлович А.Н. 1927г – Один из списков "Родословного древа Туркменского" Абуль-гази-хана // Докл. АН. Сер. В. 1927. № 2.
Самойлович А.Н. 1927д – Из истории туркменской литературы // Туркменская искра. Ашхабад. 18 февр. 1927. № 40.
Самойлович А.Н. 1928а – Дополнение к предложенным Радловым и Томсеном переводам одного стиха Кутадгубилиг // Докл. АН. Сер. В. 1928. № 2.
Самойлович А.Н. 1928б – К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Сб. Мир-Али-Шир. Л., 1928.
Самойлович А.Н. 1929 – Про грамоту Османа II нащадкам іудейки Кіри // "Східний Світ". Харків. 1929. № 3 (9).
Самойлович А.Н. 1934 – Советское востоковедение ленинской эпохи // Памяти В.И. Ленина. Сб. статей к 10-летию со дня смерти. 1924–1934. М.; Л., 1934.
Самойлович А.Н. 1935 – Туркология и новое учение о языке // Сб. Академия наук СССР академику Н.Я. Марру. XLV. М.; Л., 1935.
Самойлович А.Н. 1994 – Новый перевод Записок Бабура // ИАН ОЛЯ. 1994. № 1.
Самойлович А.Н. 1997 – VII. О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам / Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Г.Ф. Благовой // ВЯ. 1997. № 2.
Самойлович А.Н. 2002 – Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка / Репринтн. изд. 1925 г. с дополнением и исправлениями. Под наблюдением и с предисловием Г.Ф. Благовой и Д.М. Насилова. М., 2002.
Тамазишвили А.О. 2000 – Ссылаясь на Сталина... (К проблеме мифологизации роли политического руководства СССР в развитии отечественного востоковедения) // Восток. 2000. № 6.
Толстой И.И. 1996 – Письма // С.В. Меликова, И.И. Толстой. "Любовь, купленная страданиями...". Роман в письмах // журн. "Звезда". СПб., 1996. № 9.
Усманов М.А. 1978 – А.Н. Самойлович и изучение актовых источников Джучиева улуса // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.
Федотов М.Р. 1995 – Н.И. Ашмарин: Краткий очерк жизни и деятельности. Чебоксары, 1995.
Ширалиев М.Ш. 1970 – Н.И. Ашмарин и развитие азербайджанской диалектологии (К 100-летию со дня рождения)// СТ. 1970. № 6.
Bang W. 1929 – Bang W. und Gabain A., von. Türkische Turfan-Texte II. Manichaica // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosoph-hist. Kl. (далее – SPAW). Berlin, 1929. Bd. XXII.
Bang W. 1930 – Bang W. und Gabain A., von. Türkische Turfan-Texte III. – Der groß Hymnus auf Mani // SPAW. Berlin, 1930. Bd. XXIII.
Brockelmann C. 1954 – Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden. 1954.
Ramstedt G.J. 1922 – Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen // JSFOu. T. XXXVIII. Fasc. 1. Helsinki, 1922.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2002

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2002 г. В.Ю. МИХАЛЬЧЕНКО, Т.Б. КРЮЧКОВА

СОЦИОЛИНГВИСТИКА В РОССИИ

Социолингвистика – одно из наиболее бурно развивающихся направлений современного языкознания. Причем, если интерес к социолингвистической проблематике в США впервые возник в середине 60-х годов XX в., а в западноевропейских странах даже несколько позже[1], то в российском языкознании некоторые проблемы взаимоотношения языка и общества исследовались уже в 1920-е годы. Довольно интенсивно их разработка продолжалась в 1930-х годах. Следует отметить, что труды Н.М. Каринского, Б.А. Ларина, А.М. Селищева, Р.О. Шор, Г.О. Винокура и других языковедов, которые уже в первое десятилетие после революции, произошедшей в России в 1917 г., обратили свои взоры к некоторым проблемам взаимоотношения языка и общества, были созданы не на пустом месте. В формировании научных взглядов этих ученых, бесспорно, большую роль сыграли идеи историзма языкового развития, его неразрывной связи с историей народа, восходящие к работам русского языковеда Ф.И. Буслаева и получившие дальнейшее развитие у Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и И.А. Бодуэна де Куртене. Определенное влияние на них оказала и французская социологическая школа. Работы ее представителей широко дискутировались в России. И, наконец, совершенно особую роль в становлении социолингвистических исследований этого периода в России сыграла книга французского марксиста П. Лафарга "Язык и революция" (1894 г., русский перевод 1930 г.), в которой предпринята попытка исследовать социальные варианты французского языка периода Великой французской революции. В качестве своеобразного научного парадокса можно отметить, что эта, безусловно, новаторская для своего времени работа, хотя и носящая определенный налет вульгарного социологизма, практически не привлекла внимания современников во Франции (по сути впервые она была проанализирована в книге Ж.-Б. Марселлези и Б. Гардена [Marcellesi, Gardin 1974]). В России же она вызвала среди языковедов большой резонанс, о чем свидетельствует сам факт перевода брошюры на русский язык. По всей вероятности объясняется это марксистской ориентацией работы. Марксизм, как известно, являлся в этот период господствующей социологической теорией в России. Большое внимание в советской науке уделялось разработке марксистской теории языкознания. Не удивительно, что работа П. Ла-

[1] Исключение здесь составляет Франция, где лингвистический интерес к социальной природе языка сформировался в начале XX в., найдя свое наиболее четкое выражение в трудах таких представителей французской социологической школы, как А. Мейс, Ш. Балли, Ж. Вандриес. Однако все эти работы, безусловно, соответствовали общему уровню развития лингвистики и социологии того времени, что определяло их теоретические концепции, проблематику, терминологию. И их вряд ли можно назвать социолингвистическими в нынешнем понимании этого слова (в то время, кстати сказать, не существовало и самого термина "социолингвистика").

фарга оказалась востребованной, и ее влияние совершенно явно прослеживается в исследованиях по истории французского языка [Державин 1927; Сергиевский 1927; Будагов 1940] и более опосредованно в трудах других российских языковедов рассматриваемого периода.

Однако было бы неверно оценивать эти работы только как продолжение традиций русского дореволюционного и французского языкознания. Во многом они носили новаторский характер. Это относится как к общетеоретическим соображениям относительно специфики социальной природы языка, так и к конкретным исследованиям, проводимым в рамках направления, именуемого "социальной диалектологией".

Особая заслуга в формировании теоретического фундамента исследований взаимоотношения языка и общества, бесспорно, принадлежит Е.Д. Поливанову, который еще в 1929 г. писал: "Для того, чтобы языкознание было адекватно своему объекту изучения, оно должно быть наукой социологической". Он составил четкую программу социологического подхода к языку, которая включала в себя: 1) определение языка как социально-исторического факта; 2) описание языков и диалектов с социологической точки зрения; 3) оценочный анализ данного языка как орудия общения; 4) изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями; 5) оценочный анализ языка (и отдельных его сторон) как средства борьбы за существование; 6) создание общей типологической схемы эволюции языка в связи с историей культуры; 7) прикладные вопросы социальной лингвистики: языковую политику [Поливанов 1929].

Программа, сформулированная Е.Д. Поливановым, нашла свое воплощение в ряде теоретических работ и конкретных исследований как самого автора, так и других российских языковедов уже в первый период развития советского языкознания. В этой связи, по-видимому, как по времени публикации, так и по важности затронутых вопросов нужно назвать статьи Б.А. Ларина, вышедшие с 1926 по 1930 гг., в которых впервые в отечественном языкознании была выдвинута проблема изучения языка города как особого явления, отличающегося как от литературного языка, так и от деревенских диалектов. Причем проблема эта рассматривалась как стоящая "на очереди работ по социальной лингвистике" (словосочетание "социальная лингвистика" здесь, по всей вероятности, было употреблено впервые в мировом языкознании) [Ларин 1928]. Впоследствии под его руководством было проведено масштабное исследование этого явления, которое показало, что "городской фольклор, неканонизированные виды письменного языка, разговорная речь разных групп населения – оказывают непрестанное и огромное воздействие на нормализуемый литературный язык, на высшие его формы" [Ларин 1977: 176]. Большое внимание этой проблеме уделял и Н.М. Каринский [Каринский 1927].

Уже в это время советские языковеды обратили внимание на явление, которое гораздо позже было названо "диглоссией" (термин Ч. Фергюсона [Ferguson 1959]), Б.А. Ларин же именовал его "двудиалектностью". Он указывал, что многие горожане наряду с литературным языком владеют различными видами городского просторечия. Более детально эта идея реализована в одной из работ Е.Д. Поливанова, в которой он пишет, что в конкретных ситуациях общения в силу владения несколькими языками (имеется в виду то, что сейчас называют формами существования языка. – *В.М., Т.К.*) и способности использовать их в определенных коммуникативных актах индивид является потенциальным участником коммуникации с представителями различных социальных групп [Поливанов 1929]. В этом высказывании явно просматривается набросок теории ролей, которая, как известно, была приложена к языковому материалу американскими социолингвистами лишь в 1960-х годах.

Говоря о теоретических концепциях советского языкознания 1920-х–1930-х годов, необходимо также остановиться на положении о гетерогенности языка, обусловленной социальной неоднородностью коллектива его носителей. По этому поводу А.М. Селищев писал: "В основе региональной и социальной вариативности языка лежит тот факт, что население данной политической общности представляет собой

сложную социальную совокупность различных общественных групп. Поскольку в пределах каждой группы существуют различные маркированные в языковом отношении подгруппы, объединяемые по возрастному, половому и другим признакам, язык группы распадается на несколько языков подгрупп. Степень расхождения между ними находится в зависимости от внеязыковых ситуаций. Например, в периоды социальных катаклизмов язык молодежных групп может в гораздо большей степени отражать общественные перемены" [Селищев 1928: 11]. Еще более четко тремя годами позже это положение было сформулировано известным русским языковедом Л.В. Щербой, который охарактеризовал язык как систему, сложность структуры которой соответствует сложности структуры данного общества. Любая социальная дифференциация в пределах той или иной группы влечет за собой дифференциацию речевой деятельности и тем самым дифференциацию языкового материала [Щерба 1931].

Интересно отметить, что осознание этой идеи в американском языкознании произошло лишь в 60-х годах XX в. Вспомним в этой связи высказывание У. Брайта, который писал в 1966 г., что американские социолингвисты "отмежевались от одной лингвистической традиции... от подхода к языкам как совершенно единообразным, гомогенным или монолитным по своей структуре" [Bright 1966].

Еще одной очень продуктивной концепцией, выдвинутой советскими языковедами в 1920-е годы, является положение о том, что языковая вариативность не ограничивается дифференциацией языка, отражающей социальную неоднородность языкового коллектива, она может быть обусловлена также разнообразием ситуаций общения. Эта проблема была детально обсуждена в работе Л.П. Якубинского [Якубинский 1923].

Одно из центральных мест в трудах основоположников советской социолингвистики занимала разработка понятия "национальный язык". Впервые эта проблема была поставлена Л.П. Якубинским, который связывал образование национальных языков с образованием нации и национального государства в эпоху подымающегося капитализма [Иванов, Якубинский 1937]. Наиболее полное и разностороннее освещение вопрос о специфике формирования национального языка в разных социальных условиях и проблемы социальной дифференциации языка получили в книге В.М. Жирмунского "Национальный язык и социальные диалекты" [Жирмунский 1936].

В.М. Жирмунский выделял две основные формы существования языка: 1) национальный литературный язык, носителем которого, по его мнению, является господствующий класс – буржуазия и 2) территориально раздробленные диалекты, носителями которых являются подчиненные общественные классы – крестьянство, городская мелкая буржуазия, а позднее, пролетариат. Между этими двумя полярными формами находятся промежуточные образования, которые он называл "мещанскими говорами" (позднее он предпочитал термин "полудиалект"). Носителем этих говоров является мелкая буржуазия.

В.М. Жирмунский представлял совокупность форм существования языка в виде пирамиды, основание которой образуют крестьянские говоры, в мещанских говорах пирамида сужается, в разговорном языке господствующего класса, более или менее унифицированном в соответствии с письменной нормой, она сужается насколько это возможно на данной стадии развития языка, и, наконец, вершина пирамиды – это унифицированная письменная норма национального языка [Жирмунский 1936: 96]. Большое внимание в обсуждаемой работе было уделено также исследованию социальной базы различных форм существования языка, взаимосвязи и взаимодействия этих форм. Следует отметить, что проблема взаимодействия литературного языка и образований "низшего ранга" находилась в этот период в центре внимания многих советских языковедов. Классическим образцом такого рода исследований может служить работа Н.М. Каринского, посвященная сопоставительному анализу говора одной и той же деревни в 1903 и 1932 гг. Автор показал, что для современного диалекта

контакты с языком города имеют гораздо большее значение, чем связи с соседними диалектами [Каринский 1936].

Кроме теоретических разработок в области социальной диалектологии, которые в нынешней терминологии можно было бы отнести к общетеоретическим проблемам социальной лингвистики, первое поколение советских языковедов внесло большой вклад как в разработку теоретических принципов, так и в осуществление конкретных мероприятий языкового строительства.

Как известно, Российская империя была многонациональным государством. Кроме русских лишь немногие проживавшие в ней народы имели более или менее развитые литературные языки. Подавляющее же большинство языков, распространенных на территории страны, не имело сложившейся нормы, а многие из них вообще письменности. Большевики, пришедшие к власти в 1917 г., провозгласили языковую политику, в основу которой был положен принцип равноправного и свободного развития всех языков, и приняли ряд конкретных мер, направленных на осуществление этой политики. Большинство советских языковедов полностью разделяло такую политику и активно включилось в работу по так называемому "языковому строительству". Среди них следует прежде всего назвать Е.Д. Поливанова, Н.Ф. Яковлева, Л.И. Жиркова, Д.В. Бубриха, Н.Н. Поппе, Н.К. Дмитриева, А.М. Сухотина, К.К. Юдахина. Эти ученые провели огромную работу по созданию алфавитов и орфографий для ранее бесписьменных языков. К середине 1930-х годов около 70 таких языков получили письменность.

Кроме прикладных проблем ученым приходилось решать и общие вопросы, которые, кстати сказать, не потеряли своей актуальности и в настоящее время, а именно: в какой степени целесообразно развивать общественные функции того или иного языка. Конечно, в рассматриваемый период этот вопрос звучал не так общо и не в этих терминах. Языковеды старались прежде всего решить, для каких языков следует создавать письменность, а для каких нет, а также до какого уровня целесообразно организовывать образование на родном языке. Особая заслуга принадлежит здесь Н.Ф. Яковлеву, который настойчиво искал компромисс между господствовавшими тогда представлениями о необходимости предоставить возможность всем народам получить образование на родном языке и трезвым пониманием того, что это не всегда реально в организационном плане (главным образом ввиду немногочисленности носителей отдельных языков) и необходимо самим народам (знание только родного языка малочисленного народа существенно ограничивает социальные возможности его представителей) [Алпатов 2000; Исаев 1979].

Завершая анализ работ первого поколения советских языковедов, занимавшихся проблемами взаимоотношения языка и общества, необходимо подчеркнуть, что их труды при всей их новизне и теоретической значимости, безусловно, были ограничены уровнем развития общественных наук в целом, характерным для этого периода. Лингвисты стремились создать новое марксистское языкознание, при этом сам по себе марксизм зачастую понимался достаточно упрощенно. Это в свою очередь приводило порой к установлению чересчур прямолинейной зависимости между теми или иными языковыми и социальными явлениями. Это достаточно явно прослеживается в цитированной выше работе В.М. Жирмунского, где он проводит прямые корреляции между формами существования языка и социальными классами. Еще более эксплицитно мысль о классовом характере языка звучит у Е.Д. Поливанова, который указывал, что после революции происходит смена классового субстрата, и "на пути к бесклассовому своему характеру, русский литературный язык становится классовым уже не той группы лиц, которая была носительницей этого языка до революции, а более широких и социально разнообразных слоев населения Союза" [Поливанов 1927: 227]. Ср. также его высказывание: "Можно выставить также такую точку зрения, которая будет определять язык среднего обывателя 1913 г. и, с другой стороны, язык современного комсомольца – не как два разных диалекта, а как два разных языка" [Поливанов 1928: 167].

Идеологически детерминированы были не только общетеоретические построения, но и конкретная практическая деятельность в области языкового строительства. Особенно наглядно это проявилось при решении вопроса о графической основе языков [Алпатов 2000].

Возвращаясь к общетеоретическим трудам Е.Д. Поливанова, В.М. Жирмунского и других языковедов, изучавших в 1920-е–1930-е годы проблемы, которые мы теперь называем социолингвистическими, отметим, что несмотря на иногда слишком прямолинейное коррелирование языковых и социальных явлений им все-таки не был присущ вульгарный социологизм в прямом смысле этого слова, последний нашел свое яркое и концентрированное отражение в трудах такого известного языковеда этого же периода, как Н.Я. Марр[2]. Этот ученый и его единомышленники находились в явной оппозиции к языковедам, о которых мы писали выше. Согласно Марру, "язык – такая же надстроечная общественная ценность, как художества и вообще искусства" [Марр 1934: 107]. По его мнению, развитие языков и переход с одной стадии на другую обусловлены социальными причинами. Аморфное, агглютинативное, флективное состояния "отражают каждое особый социальный строй" [Марр 1934: 49]. Ученик Н.Я. Марра А.А. Холодович развил эту идею своего учителя и давал такие соответствия: первобытный коммунизм – аморфные языки, родовое общество – агглютинирующие языки, классовое общество в целом – флективные языки, феодальная формация – поместный говор, капиталистическая формация – национальный язык, переходный период от капитализма к коммунизму – борьба в языке национальной формы и пролетарского классового содержания, бесклассовое общество – международный язык, возможно, вновь аморфный по строю [Холодович 1930: 187].

Несмотря на всю абсурдность некоторых идей Н.Я. Марра и его окружения, эти языковеды сумели занять господствующее положение в советском языкознании прежде всего потому, что они широко использовали расхожие стереотипы официальной советской идеологии того времени, и это обеспечило им официальную поддержку партийно-государственного аппарата. Официальное признание марризма продолжалось вплоть до 1950 г., когда в ходе известной "дискуссии о Марре" это учение было подвергнуто острой как научной, так и идеологической критике и быстро прекратило свое существование.

Следует отметить, что марризм никогда не рассматривался историками советского языкознания в связи с исследованием проблемы взаимоотношения языка и общества. Тем не менее он существенно затормозил развитие советской социолингвистики, причем не столько в 1920–1930 годы, сколько в последующий после разгрома марризма период. В конце 1930-х годов интерес к социолингвистической проблематике угас, с одной стороны, под влиянием общеполитических тенденций (имеется в виду сворачивание деятельности по развитию национальных языков и культур и усиление тенденций интернационализации советского общества, что, по мнению политиков того периода, связывалось с усилением роли русского языка и русской культуры), с другой, – ввиду гибели в результате сталинских репрессий многих языковедов, занимавшихся теорией и практикой языкового строительства, проблемами социальной диалектологии и другими вопросами взаимосвязи языка и общества. В более же поздний период, когда в других странах мира, прежде всего США начала активно разрабатываться социолингвистическая проблематика, в Советском Союзе всякая постановка вопроса о социальной детерминированности тех или иных фактов языка вызывала ассоциации отнюдь не с работами Поливанова или Якубинского, а с безапелляционными и безграмотными заявлениями Марра, что обусловливало весьма скептическое отношение многих ученых к социолингвистической проблематике.

---

[2] Размеры статьи не позволяют нам подробно остановиться на трудах Н.Я. Марра и той сложной роли, которую он сыграл в свое время в развитии советского языкознания. Интересующихся мы отсылаем к содержательной книге В.М. Алпатова [Алпатов 1991].

Несмотря на иногда настороженное, а иногда и явно негативное отношение научной общественности, в начале 1960-х годов исследования в области социальной лингвистики постепенно активизируются. Создаются специальные научно-исследовательские подразделения, непосредственной задачей которых становится изучение различных аспектов взаимоотношения языка и общества. Это прежде всего сектор социолингвистики Института языкознания АН СССР, социолингвистические исследования проводятся также в секторе современного русского языка и секторе культуры речи Института русского языка АН СССР, Институте востоковедения АН СССР, Институте русского языка им. А.С. Пушкина, Саратовском университете, Новосибирском институте философии, филологии и истории Сибирского отделения АН СССР и других научных учреждениях страны.

В АН СССР в 1962 г. был создан Научный совет по комплексной проблеме "Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций", в задачи которого входила координация социолингвистических исследований в стране.

Новое поколение социолингвистов ориентировалось на последние достижения языкознания и социологии, однако при этом во многом опиралось и на труды советских языковедов, созданные в 1920-е–1930-е годы. Несколько позже, в конце 1960-х – начале 1970-х годов начинается активное освоение и работ американских социолингвистов, которые были введены в научный оборот во многом благодаря публикациям А.Д. Швейцера, например, его книги [Швейцер 1971].

В 1960-е годы основные усилия ученых были сосредоточены не столько на развитии общей теории социолингвистики, сколько на исследовании отдельных конкретных проблем взаимоотношения языка и общества, и в некотором смысле этот период аналогичен 1920-м–1930-м годам. Среди этих проблем следует в первую очередь указать на изучение социально обусловленных изменений в русском языке, произошедших после Октябрьской революции [Панов 1962; РСРЯ 1963; РРЯ 1967], вопросы взаимодействия и развития языков народов СССР [Аврорин 1967; Белодед 1969; Дешериев 1966; Дешериев, Протченко 1968], а также такую традиционную тему, как изучение некодифицированных форм речи – жаргонов, арго, разговорной речи [Алексеев 1965; Бондалетов 1965; Лаптева 1966; НСДЯ 1969; Сиротинина 1969]. Но в этот момент появляются и некоторые работы общетеоретического характера [Жирмунский 1969; Филин 1966].

Наиболее значимыми работами, появившимися в этот период, являются четырехтомный труд "Русский язык и советское общество" (1968 г., отв. ред. М.В. Панов) и пятитомное издание "Языки народов СССР" (1966–1968, отв. ред. В.В. Виноградов). Четырехтомник "Русский язык и советское общество" был посвящен изучению развития русского языка XX в. в тесной связи со следующими социальными факторами: изменение круга носителей языка, распространение просвещения, территориальное перемещение народных масс, создание новой государственности, по-новому влияющей на некоторые сферы языка, развитие науки и др. [РЯСО I: 34–35]. По мнению Е.А. Земской и Л.П. Крысина, во многом именно теоретические идеи, сформулированные в этой работе, заложили основу Московской школы функциональной социолингвистики, основными сферами деятельности которой в этот период было массовое социолингвистическое обследование носителей русского литературного языка, а также изучение особенностей устной формы литературного языка [Земская, Крысин 1998: 1–3][3].

В коллективной работе "Языки народов СССР" были по единой схеме описаны 127 языков коренных народов СССР, причем, что особенно ценно, каждый очерк содержал не только краткую характеристику основных структурных параметров языка, но

[3] Мы не останавливаемся на характеристике работ, созданных в результате этих исследований, поскольку это уже сделано в брошюре Е.А.Земской и Л.П. Крысина [Земская, Крысин 1998].

и данные об особенностях его функционирования, а также о его носителях, т.е. социолингвистическую и этнолингвистическую информацию.

В 1970-х годах проблематика социолингвистических исследований существенно расширяется, на первый план выдвигаются такие общетеоретические проблемы, как предмет социолингвистики, ее отношение к другим дисциплинам, методы исследований. Наряду с этим продолжается интенсивное изучение функционального развития языков народов СССР. Кроме того внимание социолингвистов привлекает изучение проблем языковой политики, анализ конкретных языковых ситуаций в различных регионах мира, особенности социлингвистических подсистем, стандартизация и кодификация языка, изучение лингвистических вариантов языка, социолингвистический аспект функциональной стилистики, социальный аспект межличностной коммуникации, взаимодействие языка и некоторых сфер социальной жизни (культуры, массовой коммуникации, идеологии и т.п.). На некоторых из этих проблем мы остановимся более подробно.

Общетеоретические проблемы социальной лингвистики. Во второй половине 1970-х годов почти одновременно появляются три монографии, посвященные теории социолингвистики. Это работы [Никольский 1976; Дешериев 1977; Швейцер 1977]. Несколько позже выходит коллективная монография [ТПСЛ 1981]. В этих работах достаточно полно характеризуются основные черты социальной лингвистики, позволяющие квалифицировать ее как самостоятельную научную дисциплину.

Определяя статус социолингвистики, большинство языковедов сходится в том, что она формируется как единая дисциплина на стыке различных наук [Дешериев 1977; Звегинцев 1976; Никольский 1976; Швейцер 1977]. Такое понимание этой дисциплины во многом обусловливает дефиницию ее предмета и выбор методов исследования. Одним из наиболее полных определений предмета социолингвистики представляется то, которое дает Ю.Д. Дешериев, считающий, что предметом социолингвистики является изучение общих и в особенности социально обусловленных закономерностей функционирования, развития и взаимодействия языков. Иными словами, социологический аспект изучения языков охватывает всю совокупность проблем, связанных с характеристикой всех языковых явлений, обусловленных развитием общества, с его воздействием на взаимодействие языков в целом и на взаимодействие языковых элементов в функционировании каждого конкретного языка [Dešeriev 1973]. А.Д. Швейцер, принимая это определение в целом, считает необходимым подчеркнуть, что "в область социолингвистических исследований входит как изучение влияния социальных факторов на функциональное использование языка в процессе речевой коммуникации, так и анализ воздействия этих факторов на саму структуру языка, их отражения в языковой структуре. При этом исследуются не только отношения между языком и объективными социальными факторами, такими, как различные элементы социальной структуры, но и отражение в языке и в речевой деятельности субъективных социальных факторов, таких, как социальные установки и социальные ценности" [Швейцер 1977: 69].

Л.Б. Никольский указывает, что к предметной области социолингвистики относятся и проблемы, связанные с той ролью, которую язык играет в жизни общества. Таким образом, предмет социолингвистики как единой пограничной дисциплины подвергается дифференциации в зависимости от типа связи между языком и обществом (язык как отражение социума и язык как социальный фактор) [Никольский 1981: 138–141][4].

Поскольку социолингвистика – сравнительно новая яызковедческая дисциплина, ее понятийный аппарат нельзя считать окончательно сформировавшимся. По мнению

[4] В тот период в советском языкознании существовало и более узкое понимание социолингвистики. Так, например, В.А. Аврорин считал, что единственным специфическим объектом изучения языка в рамках социолингвистики может быть "функционирование языков и характерные для этнических коллективов языковые ситуации" [Аврорин 1974: 10]. Он вообще возражал против выделения социолингвистики в самостоятельную научную дисциплину.

Ю.Д. Дешериева [Дешериев 1977: 298–302], при разработке этой проблемы необходимо проводить разграничение общего и отраслевого понятийного аппарата социолингвистики. Понятийный аппарат социолингвистики включает в себя: 1) понятия, давно существующие в языкознании, но получившие социолингвистическое осмысление (например, с социолингвистической точки зрения слово – это социально отработанный звук или звуковой комплекс, имеющий лексическое и грамматическое значение, представляющее собой социализованное отношение); 2) социолингвистические понятия, созданные в прошлом и укоренившиеся в науке о языке (например, социальная дифференциация языка, языковая политика); 3) понятия, заимствованные из других областей знания (например, интерференция); 4) новые понятия, употребляемые в социолингвистической литературе (например, диглоссия); 5) новые понятия, еще не получившие широкого распространения (например, социализованные и несоциализованные отношения, социалема, лингвема, социолингвема)[5].

Если общий понятийный аппарат социолингвистики описывает систему базисных, ключевых понятий этой дисциплины, то отраслевой понятийный аппарат дает представление о содержании понятий и их взаимосвязях в различных разделах социолингвистики, например, понятийный аппарат билингвизма, понятийный аппарат речевого ваимодействия внутри малых социальных групп и т.д. Принципы создания такого рода отраслевого понятийного аппарата хорошо продемонстрированы А.Д. Швейцером на примере понятий социально обусловленной вариативности языка. В качестве ключевых понятий рассматриваются такие, как языковой коллектив, речевой коллектив, языковая общность, речевая общность, социально-коммуникативная система, социально-коммуникативная подсистема, стратификационная переменная, стратификационно-ситуативная переменная, комплекс ценностей, статус, роль, социальная установка, ценностные ориентации. Между этими социолингвистическими и социологическими понятиями устанавливаются системные связи разного уровня [Швейцер 1976: 31–40; 1977: 72].

Большое внимание советские лингвисты во второй половине 1970-х годов уделяли отношению социолингвистики к другим лингвистическим и нелингвистическим дисциплинам, поскольку анализ таких отношений "дает возможность точнее определить предметную область ее теории и ее концептуальную основу" [Швейцер 1977: 86]. Так же как и первое поколение советских языковедов, изучавших взаимоотношение языковых и социальных явлений, генерация социолингвистов этого периода постоянно подчеркивала тесную связь социолингвистики с философией, которая дает ей методологию, и социологией, без опоры на которую невозможно построение социолингвистической теории. Причем для советской социолингвистической школы, как, впрочем, и для всего обществоведения этого периода была характерна однозначная ориентация на марксистскую социологию, опирающуюся на учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина.

По мнению советских языковедов, существуют тесные контакты социолингвистики с этнографией, историей, литературоведением и некоторыми другими общественными науками. Чрезвычайный интерес представляет взаимоотношение социолингвистики с семиотикой и особенно таким ее аспектом, как прагматика [Дешериев, 1977; Швейцер 1977].

Естественно, социолингвистика связана и с различными лингвистическими дисциплинами, в первую очередь лексикологией и стилистикой, поскольку различия в уровне функционального развития языков особенно наглядно проявляются в различиях в степени развития их лексико-семантических и стилистических систем [Швейцер

[5] Данные термины были введены Ю.Д. Дешериевым в его книге "Социальная лингвистика". Несмотря на теоретический интерес, который они, безусловно, представляют, за прошедшие со времени выхода книги 25 лет их статус практически не изменился, они не вошли в широкий научный обиход. За исключением самого создателя этих терминов их активно употреблял, пожалуй, лишь В.К. Журавлев [Журавлев 1982].

1977: 100–113]. Определенные взаимоотношения выявляются также между социолингвистикой и лингвистикой текста [Бондаренко, Крючкова 1981].

Вопрос о методах исследования играет важную роль при становлении любой научной дисциплины. В социолингвистических исследованиях используются общелингвистические, социологические и собственно социолингвистические методы. Наиболее хорошо в научной литературе проанализированы особенности использования различных процедур конкретных социологических исследований для сбора социолингвистического материала. А.Д. Швейцер рассматривает следующие методы сбора социолингвистических данных: наблюдение, опрос информантов (интервьюирование и анкетирование) [Швейцер 1977: 157–165]. Сюда следует добавить также изучение документов. Являясь одним из методов сбора первичной социологической информации в социологии, он часто используется и в социолингвистических исследованиях (подробнее об этом см. [Крючкова 1981]). В некоторых социолингвистических работах такие документы, как материалы переписей населения, статистические сборники и т.п., выступают в качестве одного из главных источников информации [Дешериев 1976].

Для обработки данных, полученных методами, общими для социолингвистики и социологии, чаще всего используются разновидности корреляционного анализа, причем спектр их достаточно широк: от самых элементарных – составления сопоставительных таблиц до весьма изощренных, включающих в себя использование сложного математического аппарата.

Очень распространено в социолингвистике изучение персонифицированных текстов, т.е. тестов (письменных или устных), социальные характеристики авторов которых известны. Такие тексты подвергаются различным процедурам лингвистического анализа, в результате чего выявляются их структурные параметры. После этого устанавливаются корреляции между этими параметрами и социальными характеристиками авторов. Примером такого исследования может служить работа [PPP 1973], где в качестве персонифицированных текстов были использованы записи разговорной речи. Широкое применение этот метод находит при изучении билингвизма. Здесь имеет место как анализ магнитофонных записей, с помощью которого можно изучать язык и речь билингвов на всех уровнях – от фонетического до стилистического, так и рассмотрение письменных материалов: сочинений школьников, заявлений, объяснительных записок и т.п. [Баскаков 1976; Михальченко 1976].

Методы, общие для социологии и социолингвистики, обычно используются при анализе таких явлений, как социальная дифференциация языка, билингвизм, ситуативно обусловленное речевое поведение и т.п., и служат для установления зависимости межу теми или иными социальными явлениями и фактами языка (речи). Однако социальная природа языка не ограничивается только этим. Социальное может непосредственно отражаться и в структуре языка, прежде всего в его лексико-семантической системе. И анализ явлений такого рода также входит в круг задач социальной лингвистики. Советскими языковедами достаточно активно разрабатывалась эта проблематика, которую можно было бы обозначить как социолингвистический аспект семантики. При выявлении социального компонента значения слова используются разнообразные приемы и методы семантических исследований – анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, концептуальный анализ и др., которые, однако, обычно подвергаются определенным модификациям и в общем виде можно определить как учет широкого социального контекста. Примеры социолингвистического анализа значений слов можно найти в работах [Крысин 1989; Крючкова 1989а].

Изучение языковых ситуаций – одна из центральных тем советской социолингвистики, что определялось в первую очередь достаточно сложной языковой ситуацией, характерной для Советского Союза. И если американская социолингвистика обращалась к макросоциолингвистической проблематике прежде всего, когда речь

шла о зарубежных странах, а применительно к собственному материалу работа велась главным образом в области так называемой микросоциолингвистики, то для советских ученых наиболее актуальным особенно в 1960–1970 годы был анализ развития языковой жизни своей страны, а интерес к микросоциолингвистическим исследованиям возник несколько позже и главным образом под влиянием американских работ.

Исследование языковых ситуаций привлекало советских социолингвистов не только в чисто практическом, но и в теоретическом плане. Под языковой ситуацией понимается "совокупность языков, подъязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и этнической общности" [Никольский 1976: 79–80]. Кроме объективных параметров языковая ситуация включает в себя и субъективный аспект – социальные установки, которых придерживаются в отношении указанных систем члены соответствующих языковых и речевых коллективов [Швейцер 1977: 134].

В научной литературе предлагаются различные способы описания и классификации языковых ситуаций. Так, например, Л.Б. Никольский подразделяет языковые ситуации на 1) экзоглоссные и 2) эндоглоссные. В первую группу входят совокупности отдельных языков, во вторую – совокупности подъязыков и функциональных стилей одного языка. Экзоглоссные и эндоглоссные языковые ситуации могут в свою очередь быть подразделены на две подгруппы: 1) сбалансированные – когда все представленные в данном административно-территориальном образовании языки или/и подъязыки функционально равнозначны; 2) несбалансированные – когда указанные языки или/и подъязыки не равнозначны. Сочетание этих признаков делает теоретически возможным четыре типа языковых ситуаций [Никольский 1976: 80–82]. Но реально их оказывается меньше. Дело в том, что сбалансированные языковые ситуации любого типа встречаются крайне редко, так же редки экзоглоссные ситуации в чистом виде (как правило, любой язык подвержен либо диалектной, либо социальной дифференциации, либо и той и другой). Таким образом все разнообразие языковых ситуаций по существу сводится к двум разновидностям: эндоглоссные несбалансированные и экзо-эндоглоссные несбалансированные. Очевидно, что такая бинарная классификация не может служить основанием для построения сколько-нибудь полной типологии языковых ситуаций или служить критерием для сопоставления различных проявлений этого феномена.

Более дифференцированную схему описания языковых ситуаций предлагает В.А. Виноградов, который считает, что каждую языковую ситуацию необходимо характеризовать по количественным (число идиомов, составляющих языковую ситуацию, число говорящих на каждом идиоме, количество коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомом, число функционально доминирующих идиомов), качественным (лингвистические характеристики идиомов, структурно-типологические отношения между ними, функциональная равнозначность/неравнозначность, характер доминирующего идиома – местный или "импортированный") и аксиологическим (оценка говорящим различных идиомов) параметрам [Виноградов 1990: 616–617].

Советские социолингвисты активно изучали языковые ситуации в различных регионах мира [Кондрашкина 1986; Чернышев 1978; Шагаль 1987; ПИЯС 1970; ПЯП 1977; ЗВ 1986; ЯССАА 1967; ЯССА 1975], предпринимались также попытки типологизации языковых ситуаций в некоторых регинах (см., например [Степанов 1976; Виноградов, Коваль, Порхомовский 1984]). Однако, как мы уже отмечали, основное внимание языковедов, естественно, уделялось языковой ситуации в Советском Союзе.

Советский Союз, как известно, являлся многонациональным государством, народы которого говорили примерно на 130 языках[6], относящихся к различным языковым семьям и имеющих неодинаковый уровень функционального развития. Именно

[6] В работах, выходивших в разные годы, количество языков сильно варьируется, что связано, с одной стороны, с числом народов, которые фиксировались в переписях населения, что было зачастую обусловлено экстранаучными факторами, с другой – рассмотрением некоторых идиомов одними лингвистами в качестве языков, другими – в качестве диалектов.

изучению этой стороны бытовых языков был посвящен четырехтомный труд [ЗРЛЯ 1969–1976]. В труде рассматривались процессы расширения сфер употребления литературных языков в указанный исторический период, анализировалось взаимодействие внутриструктурного и функционального развития языков, выявлялась степень влияния различных социальных факторов на функционирование, развитие и взаимодействие языков народов СССР. Первые два тома были составлены по генетическому принципу (иранские языки, иберийско-кавказские языки, тюркские, монгольские и финно-угорские языки). Третья книга была посвящена старописьменным языкам, представленным на территории СССР. И, наконец, в четвертой книге, написанной Ю.Д. Дешериевым, дается сопоставительный анализ функционирования различных языков в каждой из 15 союзных республик. В книге рассматривается также ряд важных теоретических проблем, на которых мы остановимся ниже.

Социолингвистический анализ языковой жизни многонационального государства, проводимый советскими языковедами, был направлен прежде всего на сопоставление языков с точки зрения выполняемых ими общественных функций, т.е. сравнение функциональной мощности идиомов, входящих в языковую ситуацию. И это, на наш взгляд, совершенно оправданно, поскольку сферы применения языка или одной из форм его существования – это наиболее объективный показатель места, занимаемого идиомом в иерархии коммуникативных средств, конституирующих языковую ситуацию. Этот факт был осознан теоретической социолингвистикой еще в середине 1970-х годов, когда, по-видимому, впервые советскими языковедами была предпринята попытка инвентаризации сфер применения языка и детального их описания.

Подробные перечни сфер общения или, по терминологии Ю.Д. Дешериева, общественных функций языка приводятся в работах [Аврорин 1975: 76–77; Дешериев 1976: 86–87]. При некоторых различиях в используемой терминологии и количестве выделяемых сфер (у Ю.Д. Дешериева классификация более дробная) эти перечни имеют много общего, отражая специфику функционирования языков народов СССР в середине 70-х годов XX века. Вопрос о количестве сфер общения, привлекаемых к рассмотрению, должен, на наш взгляд, решаться прежде всего, исходя из принципа выделения максимального числа дифференциальных признаков, характеризующих языки, составляющие языковую ситуацию. Именно в этом случае сопоставление языков будет наиболее наглядным и полным.

Ю.Д. Дешериевым была создана фунционально-типологическая классификация языков советских народов, которая дает представление о месте и роли каждого языка в жизни его носителей и других народов [Дешериев 1981]. В Советском Союзе максимальный объем общественных функций выполнял русский язык. Он обслуживал практически все сферы жизнедеятельности советского общества. Он выполнял также функцию языка международного общения, являясь одним из официальных языков ООН. Минимальные социальные функции выполняли одноаульные бесписьменные языки, например, бацбийский, арчинский. Это языки бытового общения, традиционной хозяйственной деятельности и народного искусства. Между этими полюсами располагались остальные языки. Так, вслед за русским наибольший объем общественных функций выполняли языки титульных народов союзных республик. Но эти языки в отличие от русского не являлись языками межнационального (в масштабе Советского Союза) и международного общения, на них не велась переписка союзных республик с центральными учреждениями, они не выполняли функции языков всех отраслей науки и техники в той мере, как русский язык, далее шли титульные языки автономных республик и т.д.

По мнению исследователей, языковые процессы в советском обществе характеризовались тремя основными тенденциями: 1) развитием старописьменных и младописьменных языков в связи с ростом материальной и духовной культуры народов СССР; 2) повсеместным применением русского языка как языка меж-

национального общения; 3) развитием двуязычия, прежде всего национально-русского[7].

Поскольку русский язык на территории Советского Союза выполнял максимальное количество социальных функций и структурно был одним из наиболее развитых, он оказывал существенное влияние на языки других народов страны. Описание этого процесса находилось в центре внимания советских языковедов, и по этому вопросу существует громадное количество литературы. Проблема влияния других языков народов СССР на русский язык обсуждалась значительно меньше. Впервые в достаточно широком плане она была исследована уже в перестроечные годы. Под руководством Ю.Д. Дешериева был создан коллективный труд [ВВЯНС 1987], в котором было показано, что такое влияние существует, однако оно носит преимущественно локальный, периферийный характер, его результатом не всегда является заимствование в общеупотребительный русский язык.

Социолингвистическое изучение русского языка, как и любого другого языка, распространенного в обширном ареале и имеющего большое число носителей, весьма многоаспектно и разнообразно. По мнению Л.П. Крысина, эти аспекты составляют некоторую иерархическую последовательность: от неоднократно обсуждавшегося вопроса о социальной и функциональной дифференциации языка – к менее разработанному вопросу о социально обусловленном взаимовлиянии языковых подсистем, затем к социальным "ингредиентам" в навыке, который называется "владение языком", и, наконец, к совсем мало изученному вопросу о социальных условиях в семантике, прагматике и синтаксисе языкового знака [Крысин 1986].

Среди функциональных и социальных подсистем русского языка наибольшее внимание языковедов привлекали такие феномены, как просторечие, которое понимается не только как функциональная разновидность русского языка, но и как совокупность стилистических средств литературной речи, т.е. как определенная стилистическая категория, разговорная речь (речь носителей литературного языка, функционирующая в устной форме в условиях непринужденного общения), жаргоны, арго, а также взаимодействие между ними и функционирование каждого из них в системе современного национального русского языка [Баранникова 1974; 1977; Бондалетов 1974; Коготкова 1977; Скворцов 1977; Земская 1979; Борисова-Лукашанец 1983; Копыленко 1976].

Традиционно интерес лингвистов вызывает и проблема взаимоотношения между литературным языком и диалектом. В настоящее время в русском языке эти взаимоотношения характеризуются следующими основными моментами: 1) социальная база литературного языка расширяется, а социальная база диалекта становится более ограниченной; 2) литературный язык полифункционален, и по мере развития он увеличивает и усложняет систему своих коммуникативных функций, круг функций диалектов, напротив, сужается, ограничиваясь бытовыми сферами общения; 3) в литературном языке возрастает нормативность и последовательно устраняется вариативность языковых средств, в то время как диалектная норма подвергается расшатыванию (прежде всего из-за влияния на нее литературного языка), вследствие чего возрастает функционально не обусловленная вариативность средств и способов выражения.

Постоянное влияние на диалекты литературного языка приводит не только к замене диалектных средств литературными, но и к нарушению целостности самой системы говора как совокупности коммуникативных средств. Наряду с этим наблюдается и обратный процесс: влияние диалектов на литературный язык, которое проявляется не только в виде лексических заимствований из говоров, но и в "окрашивании"

---

[7] Каждая из указанных тенденций детально характеризуется в многочисленной специальной литературе. Мы произведем здесь лишь наиболее известные работы [Дешериев 1976; Исаев 1970; 1979; РЯНР 1980; РЯСМО 1977; Ханазаров 1977]. Подробный перечень литературы по этому вопросу см. в обзоре [Крючкова 1982а].

речи носителей литературного языка диалектными чертами. Следует указать также на усиление социальных факторов в процессе сохранения нивелировки диалектных черт и в функционально-стилистической дифференциации говора [Коготкова 1970; Крысин 1989].

Русский литературный язык является достаточно строго нормированным, однако на разных уровнях его системы существуют варианты, употребление которых допускается литературной нормой. Исследование социальной и функциональной обусловленности использования языковых вариантов занимает большое место в работе русистов-социолингвистов [Горбачевич 1980; Гловинская 1976; Кузьмина 1976; Воронцова 1976; Китайгородская 1976; ЛНВ 1981; ФЯН 1986]. В тесной связи с указанной проблемой находятся вопросы культуры речи и речевого этикета, социолингвистический подход к которым является наиболее продуктивным [Акишина, Формановская 1975; Гольдин 1978; Скворцов 1980; Формановская 1982; Янко-Триницкая 1983].

Важным направлением в социолингвистическом изучении русского языка является анализ социальных (в широком понимании этого слова) составляющих во владении языком. Помимо собственно лингвистического компонента (т.е., грубо говоря, знания словаря и грамматики языка), представляющего собой основу владения языком, необходимо выделять национально-культурный, энциклопедический и ситуативный, которые в совокупности обеспечивают нормальное, принятое в данном социуме использование языка в разнообразных условиях и ситуациях человеческого общения. Основу сведений об условиях использования языковых средств составляют усвоенные носителем языка социальные роли, набор которых в большей или меньшей степени специфичен для данного общества [Верещагин, Костомаров 1973; Крысин 1989; Тарасов 1974].

Вопрос об отражении социального непосредственно в структуре языкового знака исследован в мировом языкознании значительно меньше, чем проблема влияния общества на функционирование языка. Тем более интересны разработки советских языковедов в этой области, осуществленные преимущественно на материале русского языка. Тривиальным случаем такого влияния являются маркированные формы языковых единиц: особенности ударения, произношения, словоизменительной парадигмы, синтаксического поведения слов в предложении, обусловленные использованием слова в социально специфической среде. Менее тривиальны случаи включения информации о социальных отношениях в семантику и прагматику языкового знака, без учета которых знак не может быть правильно употреблен. Так, например, в русском языке достаточно большие группы предикатных слов типа *приказывать, разрешить, повиноваться* и т.п., обозначающих межличностные отношения, содержат в пресуппозиционной части своих значений указание на асимметрию социальных ролей субъекта и адресата действия [Крысин 1989]. Очень наглядно социальные компоненты разного типа (как семантические, так и прагматические) наблюдаются у лексических единиц, относящихся к общественно-политическому словарю [Баскаков 1984; Крючкова 1989а].

Как известно, русский язык функционировал на территории Советского Союза не только как родной язык русского народа, но и как средство межнационального общения. Естественно, что в этом качестве он имел определенные особенности в различных регионах страны. Изучению этой проблемы также посвящены многочисленные работы социолингвистов [Ижакевич 1980; Копыленко, Саина 1982; Михальченко 1984].

Социолингвистический анализ взаимоотношения языка и отдельных феноменов общественной жизни. Особое внимание советские социолингвисты уделяли взаимоотношению языка и таких социальных явлений, как культура и идеология. Анализируя связь между языком и культурой, исследователи исходили из того, что все сферы культуры, их структуры и структурные элементы, выделяемые общественным сознанием, должны всеобъемлюще отражаться в языке. Однако нельзя утверждать, что вся мировая культура в равной степени отражается в любом языке. Для

выявления того, в какой мере различные явления материальной и духовной культуры отражаются в разных языках, в какой степени последние удовлетворяют социальные потребности их носителей, по мнению Ю.Д. Дешериева, оптимальным является метод моделирования [Дешериев 1980].

В области взаимоотношения языков и культур народов СССР советские социолингвисты выдвигали следующие основные положения: 1) В Советском Союзе все языки и культуры равноправны. 2) В создании общесоветской многонациональной социалистической культуры участвуют представители всех народов. 3) Основным языком, при помощи которого осуществляется непосредственное совместное участие всех народов СССР в развитии и обогащении советской многонациональной культуры, является русский язык как общий язык межнационального общения, как язык, который наиболее полно и разносторонне отражает развитие всех отраслей материальной и духовной культуры, достижения всей мировой культуры. Вместе с тем главным образом через посредство русского языка осуществляется взаимообогащение культур и языков народов СССР. 4) Что же касается национальной культуры, особенно духовной, то ее специфика наиболее полно отражается в родном языке носителей этой культуры [Дешериев 1976а; Ханазаров 1976; ВВЯ 1987].

Одна из сфер культуры, функционирование в которой оказывает особенно интенсивное влияние на язык, это массовая коммуникация.

В результате функционирования языка в сферах массовой коммуникации, по мнению исследователей, возникают следующие новые явления: 1) образование нового вида общения, особенности которого обусловлены прежде всего спецификой источника, средства, служащего материальной базой сферы (особенно это касается радиовещания, телевидения и кино); 2) появление новой сферы массовой коммуникации, нового вида общения сопровождается формированием новой социальной функции языка, применяемого в этой сфере; 3) соответственно новые явления возникают и в структуре языка; 4) любая сфера массовой коммуникации используется в познавательных целях, это приводит к развитию такой универсальной функции языка, как гносеологическая; 5) каждая сфера массовой коммуникации служит для развития эстетической культуры, соответственно обогащается и развивается эстетическая функция языка; 6) все сферы массовой коммуникации играют большую роль в идеологической борьбе, язык служит основным средством отражения (выражения) этой борьбы, все это вызывает развитие идеологической функции языка; 7) общим результатом возникновения и развития новой сферы жизни общества является обогащение и развитие общественного сознания, этот процесс сопровождается обогащением и развитием языка, поскольку язык и сознание представляют собой диалектическое единство [ЯРСО 1982: 60–61].

В Советском Союзе в различных сферах массовой коммуникации использовались многочисленные языки народов СССР, а также зарубежных стран, причем, например, радиовещание функционировало даже на некоторых бесписьменных языках. Наиболее часто в поле зрения исследователей попадал язык периодической печати. Его особенности проанализированы на материале многих языков народов СССР, правда, анализ этот носил преимущественно функционально-стилистический характер, и только в начале 1980-х годов язык периодической печати начал изучаться в социолингвистическом плане [Лысакова 1981; Баскаков 1982]. Язык таких видов массовой коммуникации, как радиовещание, телевидение и кино, мало изучен даже в собственно лингвистическом аспекте, тем более интересны попытки его социолингвистического анализа [ЯРСО 1983].

Большое внимание советские социолингвисты уделяли проблемам взаимоотношения языка и идеологии как одного из наиболее важных видов духовной деятельности людей [Домашнев 1983; СИБ и ПЯ 1984]. При анализе этой проблемы выделялись два аспекта: 1) влияние идеологии на функционирование языка и его функциональное развитие; 2) отражение идеологии на разных уровнях языковой структуры.

Влияние идеологии на функциональную сторону языка в общих чертах сводится к следующему: в государствах, основанных на демократических принципах, обеспечивающих равноправие всех проживающих в них граждан – независимо от их национальности и языка, последние имеют возможность функционировать и развиваться в пределах социальных потребностей их носителей; в тех же случаях, когда идеология, господствующая в государстве, эксплицитно или имплицитно обосновывает превосходство одних народов над другими, отдельные языки, чаще всего национальных меньшинств, не могут свободно и полноправно функционировать, что зачастую ведет к их вымиранию [Белодед 1974; СПРС 1975; ПЯП 1977; Никольский 1981; 1986; Лукашанец, Михневич 1988].

При анализе влияния идеологии непосредственно на структуру языка советские языковеды исходили из положения о том, что любая идеология находит свое языковое выражение, отражается прежде всего в лексико-семантической системе языка. Рассматривая отражение идеологии в лексико-семантической системе языка, необходимо разграничивать два рода явлений: 1) влияние идеологии на процессы, происходящие в лексико-семантической системе языка в целом (заимствования, интенсивность возникновения новых лексико-семантических единиц, изменение частоты употребления тех или иных слов и т.д.); 2) отражение идеологии непосредственно в структуре отдельных лексических единиц, т.е. случаи, когда эти единицы под влиянием идеологии приобретают какие-либо специфические свойства (идеологизация, деидеологизация, вторичная идеологизация лексических единиц, идеологически обусловленная многозначность, синонимия и т.п.) [Крючкова 1982б]. Большое внимание советские языковеды уделяли также влиянию на язык и некоторых других феноменов общественной жизни: научно-технической революции [НТР и ФЯМ 1977], образования.

В определенном смысле новый этап в развитии социолингвистики в Советском Союзе начинается после 1985 г. Как известно, именно в этом году лидером страны становится М. Горбачев, который провозгласил в стране политику демократизации и гласности. Это открыло возможность для критики еще недавно казавшихся незыблемыми положений догматизированного марксизма-ленинизма, являвшегося в течение десятилетий официальной идеологией страны и определявшего не только внешнюю и внутреннюю политику, но и магистральные направления развития общественных наук. Этот период характеризуется также ростом национального самосознания народов Советского Союза и интересом широких слоев общественности к проблемам национальной культуры и национального языка, который является неотъемлемой частью полнокровного национального бытования любого этноса. Эти моменты имели для социолингвистики весьма серьезные последствия. С одной стороны, профессиональные социолингвисты получили возможность открыто говорить о имеющихся негативных тенденциях национально-языковой жизни, по-новому осмыслить происходящие в этой сфере процессы. С другой, – в социолингвистику хлынул поток непрофессионалов, которые начали обсуждать национально-языковые отношения либо потому, что это стало модным и престижным, либо пытаясь сделать на этом политическую карьеру. Любимыми их сюжетами были: 1) угроза исчезновения родного языка, причем при этом речь шла о функционально развитых языках союзных республик – эстонском, латышском и др., судьбы которых в отличие, например, от судьбы языков малочисленных народов, проживающих на территориях союзных республик, складывались относительно благополучно: они широко использовались в сфере образования, массовой коммуникации, культуры и т.д.; 2) вред двуязычия для интеллектуального развития личности и бытования родного языка, при этом имелось в виду отнюдь не любое двуязычие, а только национально-русское.

Что же касается развития профессиональной социолингвистики, то здесь продолжают выходить работы, посвященные как общетеоретическим вопросам этой области знания, так и другим конкретным проблемам, на которых мы подробно останавливались выше. Кроме уже упоминавшихся работ следует назвать [ВСФ 1988;

Крючкова, Нарумов 1991; Туманян 1985]. Но основное внимание исследователей направлено на анализ национально-языковых отношений в стране. В рассматриваемый период происходит пересмотр некоторых теоретических положений относительно необходимого уровня функционального развития различных национальных языков. Если раньше в работах социолингвистов, как правило, просто констатировалось количество коммуникативных сфер, в которых использовался тот или иной язык, а функциональная классификация языков проводилась достаточно автоматически, ориентируясь главным образом на то, является ли данный язык языком титульной нации союзной, автономной республики, автономной области или округа, то теперь начинает все отчетливее звучать мысль о том, что уровень функционального развития языка должен соотноситься не столько с его официальным статусом, сколько с уровнем национально-языкового самосознания его носителей [Михальченко 1989; Солнцев, Михальченко 1990]. Исследователи обращают внимание и на то обстоятельство, что зачастую вопрос о функционировании языка в определенной сфере общения решался чисто формально на основе одних лишь статистических данных, хотя ни для кого давно уже не было секретом, что нередко книги на национальных языках лежали нераспроданными, театры пустовали, а газеты и журналы распространялись "в нагрузку" к дефицитным изданиям [Крючкова 1989б].

Безусловно, в течение многих лет языковая политика в Советском Союзе была во многом направлена на распространение русского языка. Однако было бы неверно оценивать это лишь как проявление политики русификации и считать, что стоит изменить политические установки и тут же языки других народов страны начнут функционировать во всех сферах, а русский язык станет не нужен. Дело в том, что наличие общего языка – это объективная потребность любого многонационального государства. Исторически сложилось так, что на территории Российской империи, а позднее и в Советском Союзе эту функцию выполнял русский язык. И это реальность, с которой нельзя не считаться при проведении языковой политики в стране. Другой вопрос, что национальные языки во многих регионах использовались совершенно недостаточно. Например, в Белоруссии белорусский язык – развитый литературный язык – оказался особенно в городской местности практически на грани исчезновения. И в этой связи языковая политика в новых условиях, по мнению специалистов, должна была быть направлена главным образом на поиск путей сбалансированного функционирования родного и русского языков [Михальченко 1989; Солнцев, Михальченко 1990].

В конце 1980-х годов в союзных республиках страны велась интенсивная законотворческая работа, ставящая своей целью правовое регулирование функционирования различных языков, представленных в республиках. Языкам титульных наций был придан статус государственных, тем самым они были поставлены под особую защиту государства. Анализ этих законов, проведенный социолингвистами, показал, что в основу их, как правило, положены следующие идеи: 1) равноправие языков всех наций и народностей; 2) учет культурных и языковых интересов всех этнических групп населения; 3) учет языковых прав личности; 4) приоритетное развитие социальных функций языка коренного населения. По мнению аналитиков, эти принципы в ряде случаев нельзя провести последовательно. Например, языковые права личности, в соответствии с которыми частное лицо имеет право обращаться в разные учреждения на любом языке, ограничивается реальными человеческими возможностями в изучении языков должностными лицами. Приоритетное положение языков, объявленных государственными, помогает юридически поддержать их функциональное развитие, но, с другой стороны, может вступить в противоречие с принципом равноправия народов и их языков, поэтому придание статуса государственного языкам союзных республик должно проводиться с величайшей осторожностью и учетом реальных интересов всех народов, проживающих в республиках, не ущемляя их права и языковые интересы [Михальченко 1990]. К сожалению, политики не прислушались к мнению ученых, и первые же попытки реализации законов о язы-

ках в некоторых республиках, например, в Молдавии привели к национальным столкновениям.

Интенсивное обсуждение в научной литературе и публицистике законов о языках союзных республик и общесоюзного закона "О языках народов СССР" продолжался вплоть до 1991 г., когда Советский Союз распался на 15 суверенных независимых государств. Цели и задачи проведенной а стране языковой реформы были обстоятельно проанализированы в монографии М.Н. Губогло "Переломные годы. Т. I. Мобилизованный лингвицизм" (М., 1993).

В истекшее с момента распада Союза десятилетие интересы российских социолингвистов были сосредоточены прежде всего на языковых проблемах Российской Федерации, которая, так же как и бывший Советский Союз, является многонациональной страной, жители которой говорят примерно на 180 языках. Появилось большое количество работ, посвященных описанию конкретных языковых ситуаций в различных регионах России [ЯСРФ 1992; ПЯЖ 1994; ЯКОР 1994; ЯПРФ 1994; СПРРМ 1996; Поляков 1993]. Языковая ситуация в этот период менялась очень быстро, наиболее свежий ее срез отражен в статьях сборника [ЯРФНЗ 2000]. Показательным является тот факт, что к моменту создания этой книги был собран большой фактологический материал по разным республикам РФ, что позволило осуществить типологическое сопоставление языковых ситуаций в некоторых ареалах, см., например, [Баскаков, Насырова 2000].

90-е годы XX в. без преувеличения можно назвать вторым этапом языкового строительства в России. Возросшее национальное самосознание народов страны поставило на повестку дня вопрос о создании, а в некоторых случаях возрождении письменности бесписьменных к этому моменту народов. Естественно, для решения этой проблемы требовались, с одной стороны, тщательный анализ конкретных языковых ситуаций в ареалах распространения бесписьменных народов, чаще всего малочисленных, с другой, – теоретическое осмысление вопросов, возникающих в ходе языкового строительства: 1) выбор опорного диалекта; 2) выбор графической основы; 3) принципы планирования объема социальных функций для соответствующего новописьменного языка. Не случайно в последнее десятилетие появилось большое количество работ, посвященных этой проблематике. Кроме статей в перечисленных в предыдущем абзаце сборниках назовем еще несколько наиболее значительных работ [МНС 1997; МЯЕ 1997; Вахтин 2000; МНСЯ 1993].

Исследование языковой ситуации в таком крупном образовании, каким является Российская Федерация, возможно как бы с двух сторон. Можно описать языковую ситуацию в каждом административно-территориальном образовании, регионе и т.д. и из этих описаний как мозаику собрать картину языковой жизни страны. Рассмотренные выше работы как раз и представляют такие описания. Но картину можно строить и по-другому: исходя из функциональной роли каждого бытующего на территории страны языка. Именно на такой подход были ориентированы два крупномасштабных проекта, осуществленные в последние годы российскими социолингвистами. Первый из них был создан в рамках международной программы "Письменные языки мира: социолингвистический портрет", координатором которой является Центр по языковой политике (Квебек, Канада). Целью российской части проекта является исследование социолингвистических параметров всех языков, представленных на территории РФ. В 2000 г. вышел в свет первый том труда "Письменные языки мира: языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия" (руководители – В.М. Солнцев, В.Ю. Михальченко), в котором представлены 30 языков народов России с устойчивой письменной традицией. Все языки описаны по единой схеме в соответствии с анкетой, разработанной в рамках вышеназванного международного проекта и уже апробированной в процессе реализации проекта в других регионах мира (Индия, Китай и др.). Вопросник анкеты охватывает все возможные параметры использования языка в конкретной сфере (например, при характеристике использования языка как средства обучения в системе начального образования необходимо

указать количество школ такого типа, количество учеников, количество часов в неделю занятий на родном языке, наличие учебников). Описание языков по единой схеме обеспечивает сводимость материала и дает возможность создавать градационные схемы, дающие представление об использовании всех описанных языков в различных коммуникативных сферах (что и делается в вводной части тома). Данный труд выводит российскую социолингвистику на новую ступень развития: от чисто описательных штудий она переходит к точному количественную измерению языковых ситуаций.

Другим важным проектом является российско-японский труд «База данных "Языки малочисленных народов Российской Федерации"» (рук. В.Ю. Михальченко, О.А. Казакевич), завершенный в 2000 г. Все языки, входящие в эту базу, также описаны по единой схеме, содержащей информацию о демографической структуре носителей, географическом распространении, общие сведения о структуре языка, истории письменности (если таковая имеется), данные о дву- и многоязычии носителей, статусе языка, его функционировании в различных сферах общения. Вся эта информация явится составной частью Всемирной базы данных по языкам исчезающих народов, которую по поручению Совета Европы и ЮНЕСКО создают сотрудники Токийского университета.

Большое внимание российские социолингвисты уделяют исследованию общих тенденций современной языковой жизни РФ. Основными среди них являются следующие:

– возрождение интереса к национальным языкам и национальным культурам;

– стремление расширить социальные функции национальных языков в разных сферах общения;

– возрождение прежних культурно-языковых традиций, в частности, обусловленных религиозной ориентацией;

– явления механического переноса опыта социально-языковой адаптации иммигрантов западных стран на условия совместного проживания коренных жителей разных национальностей;

– признание, вопреки мировой практике, верховенства языковых прав народа, нации над языковыми правами личности;

– преувеличение роли национальных языков в обществе, стремление приписать не свойственные им функции, например, функцию языка межнационального общения в республике;

– стремление законодательно регулировать сферы спонтанного общения, например, межличностное национальное общение, семейное общение;

– дальнейшее распространение национально-русского и русско-национального двуязычия с преимущественной ориентацией на второй тип [Солнцев, Михальченко 1992].

К настоящему времени Законы о языках приняты в большинстве республик Российской Федерации, принят и общероссийский закон. Республиканские законы имеют между собой много общего. А.Н. Баскаков пишет по этому поводу: «Языковое законодательство республик РФ несмотря на существенные различия в их экономических и культурных потенциалах, в фактических статусах языков титульных национальностей, в этнодемографических и социальных структурах населения стереотипно и во многом копирует законы о языках в бывших союзных республиках СССР. Между тем ни политический статус республик РФ, ни фактический статус языков титульных национальностей в них не соответствует в полной мере понятиям "государство" и "государственный язык", так как в соответствии с Конституцией РФ значительная часть государственных функций в этих республиках в сферах управления, экономики, внешних сношений, обороны, науки, образования, различных сфер коммуникации и пр. находится в ведении федеративного центра и реализуется исключительно посредством русского языка. Сами же национальные государственные языки весьма ограничены в своем применении в указанных сферах ввиду недостаточного структурного развития и слабой базы литературных форм» [Баскаков 1994а: 32–33].

По мнению В.М. Солнцева и В.Ю. Михальченко, в связи с реализацией законов о языках в РФ возникает ряд проблем, связанных с их национально-лингвистической адекватностью: 1) концепции законов языковой ситуации в той или иной республике; 2) планируемых социальных функций уровню структурного развития языка; 3) соотношения планируемых социальных функций языка и языковой компетентности титульной нации; 4) соотношения языковых прав личности и языковых прав нации; 5) соотношение планируемых функций и языковой компетенции других языковых общностей [Солнцев, Михальченко 2000а: XX]. Кроме изучения языковой жизни РФ в поле зрения российских ученых оказываются также особенности языковых ситуаций в странах СНГ и нового зарубежья [Баскаков, Насырова, Давлатназаров 1995; Насырова 1997; Михальченко 1994а; ЭЯС 1995 и др.]. Особенности развития языковой жизни, языковой политики и языкового строительства в СССР и на постсоветском пространстве были обобщены в монографии В.М. Алпатова [Алпатов 2000].

Несмотря на концентрацию усилий на внутриязыковых проблемах страны и бывших республик СССР, не остались без внимания и языковые ситуации в дальнем зарубежье [ЯДЛ 1993; СЭСА 1992; Дьячков 1995; 1996].

Сложность национально-языковой ситуации РФ таит в себе опасность языковых конфликтов. Естественно, что эта тема весьма часто затрагивалась российскими исследователями, как в связи с языковой ситуацией внутри страны, так и за ее пределами [Баскаков 1994б; Михальченко 1994б; Крючкова 1994; Туманян 1994].

Под языковым конфликтом обычно понимается столкновение между сообществами людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком. Языковые конфликты подразделяются на внутриэтнические и межэтнические, наиболее острыми и опасными бывают последние. Межэтнические языковые конфликты редко существуют сами по себе. Обычно они возникают и развиваются в контексте общей межнациональной напряженности. Но иногда, как это случилось, например, в Молдове или Эстонии, языковой конфликт может явиться одним из основных стимулов общего межнационального конфликта.

Межэтнические языковые конфликты могут быть двух основных видов. Первые возникают как результат целенаправленных действий политиков, представляющих интересы главенствующей в данном административно-территориальном образовании этнической группы, которые стремятся путем установления языковых барьеров создать для этой группы наиболее благоприятные экономические и политические условия. Естественно, такая политика вызывает противодействие этносов, отринутых от материальных и иных благ в результате дискриминации по языковому признаку.

Языковые конфликты второго рода возникают в результате неумения политиков считаться как с объективными, так и с субъективными параметрами языковой ситуации, что зачастую приводит к неадекватному законодательному регулированию языковой жизни, о чем мы говорили выше, и также провоцирует недовольство отдельных этнических групп.

Вторым важнейшим направлением деятельности российских социолингвистов явилось исследование особенностей русского языка на новом этапе общественно-политической жизни страны. Проводилось оно в двух основных аспектах: во-первых, анализировались особенности функционирования русского языка в новых условиях, его роль в жизни России, СНГ, странах ближнего и дальнего зарубежья; во-вторых, изучалось влияние изменившейся ситуации на разные уровни системы русского языка, а также его коммуникативно-прагматические характеристики.

По мнению В.М. Солнцева и В.Ю. Михальченко, языковое пространство современного русского языка определяется его функционированием в качестве: а) национального языка русского народа; б) родного языка части нерусских народов; в) общего средства межнационального общения в пределах многонационального государства; г) языка международного общения в бывших социалистических странах и странах СНГ; д) языка международного общения в других зарубежных странах [Солнцев, Михальченко 2000б: 5–6]. В последние полтора десятилетия, несмотря на все про-

изошедшие в стране перемены, функционирование русского языка на территории РФ достаточно стабильно [Белоусов, Григорян 1996]. Хотя в странах СНГ официальная политика в отношении русского языка претерпела существенные изменения в сторону укрепления приоритета во всех сферах жизни языков титульных наций, фактически русский язык функционирует очень широко [Солнцев, Михальченко 2000б, Михальченко 1994а]. В последние годы в некоторых странах, как Западной, так и Восточной Европы, включая страны Балтии, отношение к русскому языку начинается меняться к лучшему. Основную роль в этом процессе, по-видимому, играют экономические факторы: торговля с Россией и другими странами СНГ, где основным языком-посредником является русский, туристический бизнес и др. В определенной степени интерес к русскому языку, по-видимому, поддерживается и достижениями российской науки. Нельзя забывать и о довольно мощном потоке русскоязычной эмиграции из стран СНГ [Kryuchkova 2001].

Что касается второго из вышеназванных аспектов, то здесь следует в первую очередь упомянуть коллективную монографию, созданную под руководством Е.А. Земской [РЯ 1996]. Ее авторы поставили перед собой задачу проанализировать перемены в условиях личной и публичной коммуникации, в наборе и употреблении единиц разных уровней, составляющие специфические особенности функционирования русского языка в период с 1985 по 1995 гг. Книга состоит из двух частей. В первой рассматриваются активные процессы в сфере лексической семантики и словообразования: интенсивное пополнение русского языка иноязычными заимствованиями (прежде всего англо-американского происхождения), изменения, произошедшие в общественно-политической терминологии (обновление состава этой подсистемы, изменение плана содержания некоторых единиц, употреблявшихся ранее и т.д.), прослеживаются также новые явления в области морфологии и синтаксиса. Вторая часть имеет коммуникативно-прагматическую направленность: исследуются особенности современной городской коммуникации, эвфемизации в разных сферах языках, особенности языка средств массовой коммуникации, оказывающем огромное влияние на современный русский язык. Последняя проблема также детально анализируется [Костомаров 1994].

Анализу современного русского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте посвящена также коллективная монография [РЯФ 1993].

Большое внимание в этот период уделялось разработке так называемых "речевых портретов" представителей разных социальных групп [Китайгородская, Розанова 1995; Крысин 1994; Черняк 1994]. Продолжалось изучение и такой традиционной социолингвистической темы, как социальная дифференциация современного русского языка [Ермакова 1994; Земская 1995; Крысин 1997].

В последнее десятилетие вышел также ряд работ, посвященных теоретическим проблемам социальной лингвистики. Наиболее значительной среди них является книга [МСИ 1995], поскольку методы, наряду с теорией и понятийным аппаратом лежат в основании любой самостоятельной научной дисциплины. В предисловии книги подчеркивается, что на повестке дня стоит задача разработки таких методов, которые помогут преодолеть фрагментарность социолингвистических исследований, повысить их уровень от описательного до типологического, что позволит выявить не только частные закономерности развития языков, но и социолингвистические универсалии.

Особое внимание в работе уделено возможностям применения в социолингвистических исследованиях новых компьютерных технологий (Аношкина Ж.Г., Казакевич О.А.), точным методам измерения билингвизма и языковой вариативности (Буренина Л.М., Парфенова О.С.), использованию структуралистских методов (Кожемякина В.А.).

В настоящее время коллектив авторов под руководством В.Ю. Михальченко создает словарь социолингвистических терминов. Принципы создания такого словаря рассмотрены в статьях В.Ю. Михальченко и Ю.В. Трушковой.

Исследованию истории языка в связи с историей его носителей посвящена работа [ДС 1993]. В книге прослеживается история становления некоторых литературных языков (литовского, болгарского, словацкого), анализируется динамика развития языковых ситуаций в отдельных регионах, рассматриваются под углом зрения диахронической социолингвистики некоторые лексико-семантические процессы.

Особенности языкового выражения социального статуса анализируются в работе [Карасик 1992].

Как мы уже неоднократно отмечали, изучение языковых ситуаций является одной из приоритетных задач социолингвистики. Появилась монография [Аюпова 2000], в которой предпринята попытка обобщить многочисленные исследования, связанные с данной проблематикой, определить иерархию признаков, совокупность которых дает наиболее полное представление об этом феномене. Автор раскрывает содержание концептуального поля "языковая ситуация" через статус языков, языковую политику, языковые конфликты, языковую компетенцию и ценностные ориентации, а также функциональную дистрибуцию языков в сфере народного образования, массовой коммуникации, культуры.

В работе рассматриваются теоретические проблемы билингвологии и описываются конкретные типы билингвизма, представленные в Башкортостане.

Следует отметить, что дву- и многоязычие также являются вечными темами в социолингвистике. Из последних работ, связанных с этой проблематикой, можно назвать [Васильева 1999; ПДМС 1995; ПДМСУ 1993; Хегай 1994; РОУЯН 2000].

В условиях дву- и многоязычия иногда достаточно нетривиальным оказывается вопрос о родном языке и в более общем плане об этническом самосознании. Не случайно эта проблема широко обсуждается в настоящее время [ЭЯС 1995; ЭК 1994; ПИЭИ 1994]. Следует отметить, что проблема языковой и этнической самоидентификации имеет не только теоретическое, но и большое прикладное значение, например, при подготовке опросных листов для проведения переписей населения.

Подводя итоги развития советской, а позже российской социолингвистики за последние 40 лет, можно сказать, что в последние годы в ней, видимо, наступил некоторый качественный сдвиг. Накоплен такой обширный фактический материал, что можно приступать к его обобщению и классификации. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует факт появления большого количества публикаций справочно-энциклопедического характера [ПЯМ 2000; ГЯРФ 1995; Панькин 1994; Исаев 2001].

После длительного перерыва [первый учебник по социолингвистике появился в России в 1978 г. (Швейцер, Никольский), затем в 1987 г. вышел учебник Бондалетова В.Д.] вышло в свет сразу несколько учебников и учебных пособий [Баламедов 1992; Мечковская 1996; Дьячков 1992; 1993; Беликов, Крысин 2001].

Введение социолингвистики в учебные планы университетов, как нам представляется, – явный знак того, что процесс становления социолингвистики как самостоятельной дисциплины и отмежевания ее от смежных областей знания закончился.

В заключение отметим, что в этом кратком обзоре мы, безусловно, не претендовали на исчерпывающее описание всех направлений социолингвистических исследований, более того за его рамками остались некоторые весьма значительные работы просто потому, что они не вписались в структуру обзора. Тем не менее мы надеемся, что он окажется полезным для тех, кто еще только начинает интересоваться этой сравнительно новой отраслью науки о языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аврорин В.А. 1967 – Социолингвистическое изучение функционального взаимодействия языков народов Сибири – Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе. Новосибирск, 1967.

Аврорин В.А. 1974 – О предмете социальной лингвистики // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний). М., 1974.

Аврорин В.А. 1975 – Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.
Акишина А.А., Формановская Н.И. 1975 – Русский речевой этикет. М., 1975.
Алексеев Д.И. 1965 – Условный язык дорогобужских ремесленников // Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1965.
Алпатов В.М. 1991 – История одного мифа. М., 1991.
Алпатов В.М. 2000 – 150 языков и политика: 1917–2000. М., 2000.
Аюпова Л.Л. 2000 – Языковая ситуация: социолингвистический аспект. Уфа, 2000.
Баламедов А.-К.С. 1992 – Основы социальной лингвистики. Махачкала, 1991.
Баранникова Л.И. 1974 – Просторечие как особый компонент языка // Язык и общество. Вып. 3. Саратов, 1974.
Баранникова Л.И. 1977 – Просторечие и литературная разговорная речь // Язык и общество. Вып. 4. Саратов, 1977.
Баскаков А.Н. 1976 – О комплексных методах и приемах билингвистического исследования // Методы билингвистических исследований. М., 1976.
Баскаков А.Н. 1982 – Функциональное и внутриструктурное развитие узбекского, казахского, азербайджанского, киргизского и туркменского языков в периодической печати // Язык в развитом социалистическом обществе. Языковые проблемы развития системы массовой коммуникации в СССР. М., 1982.
Баскаков А.Н. 1984 – Идеологическая дифференциация лексики в тюркских языках, функционирующих в разных социальных условиях // Современная идеологическая борьба и проблемы языка. М., 1984.
Баскаков А.Н. 1994а – Социолингвистические аспекты языкового законодательства Российской Федерации // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
Баскаков А.Н. 1994б – Типы языковых конфликтов в регионе Средней Азии и Казахстана // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
Баскаков А.Н., Насырова О.Д., Давлатназаров М. 1995 – Языковая ситуация и функционирование языков в регионе Средней Азии и Казахстана. М., 1995.
Баскаков А.Н., Насырова О.Д. 2000 – Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000.
Беликов В.И., Крысин Л.П. 2001 – Социолингвистика. М., 2001.
Белодед И.К. 1969 – Развитие языков социалистических наций СССР. Киев, 1969.
Белодед И.К. 1974 – Язык и идеологическая борьба. Киев, 1974.
Белоусов В.Н., Григорян Э.А. 1996 – Русский язык в межнациональном общении в Российской Федерации и странах СНГ. (По данным социолингвистических опросов 1990–1995 гг.) М., 1996.
Бондалетов В.Д. 1965 – Условный язык пензенских портных // Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1965.
Бондалетов В.Д. 1974 – Условные языки как особый тип социальных диалектов. Рязань, 1974.
Бондаренко Г.В., Крючкова Т.Б. 1981 – Социолингвистика и исследование текста // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
Борисова-Лукашанец Е.Г. 1983 – О лексике современного молодежного жаргона (англоязычные заимствования в студенческом сленге 60–70-х годов) // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.
Будагов Р.А. 1940 – Развитие французской политической терминологии в XVIII в. Л., 1940.
Васильева 1999 – Разноязычие ("смешанная речь"): диалектика явления и сущности. Казань, 1999.
Вахтин Н.Б. 2001 – Языки народов Севера в XX в. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.
ВВЯНС 1987 – Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1987.
Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. 1973 – Язык и культура. М., 1973.
Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. 1984 – Социолингвистическая типология. Западная Африка. М., 1984.
Виноградов В.А. 1990 – Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
ВСФ 1988 – Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988.
Воронцова В.Л. 1976 – Варианты флексий -ов и -ф в родительном падеже множественного числа существительных мужского рода // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Гловинская М.Я. 1976 – Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
Гольдин В.Е. 1978 – Этикет и речь. Саратов, 1978.
Горбачевич К.С. 1980 – Вариантность слова и языковая норма. Л., 1980.
ГП 1984 – Городское просторечие. М., 1984.
Губогло М.Н. 1993 – Переломные годы. Т. I. Мобилизованный лингвицизм. М., 1993.
ГЯРФ 1995 – Государственные языки в Российской Федерации. Энциклопедический словарь-справочник. М., 1995.
Державин К.Н. 1927 – Борьба классов и партий в языке Великой французской революции // Язык и литература. Т. II, вып. I. Л., 1927.
Дешериев Ю.Д. 1966 – Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.
Дешериев Ю.Д. 1976 – Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Развитие общественных функций литературных языков. М., 1976.
Дешериев Ю.Д. 1976а – К вопросу о диалектике развития языков и культур в условиях многонационального советского общества // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976.
Дешериев Ю.Д. 1977 – Социальная лингвистика. К основам общей теории. М., 1977.
Дешериев Ю.Д. 1980 – О моделировании отражения культуры в языке // Взаимоотношение развития национальных языков и национальных культур. М., 1980.
Дешериев Ю.Д. 1981 – Проблема взаимоотношения между функциональнотипологической и другими классификациями языков // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф. 1968 – Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968.
Домашнев А.И. 1983 – Язык и идеология в их взаимоотношении // Онтология языка как общественного явления. М., 1983.
ДС 1993 – Диахроническая социолингвистика. М., 1993.
Дьячков М.В. 1992 – Проблемы двуязычия (многоязычия) и образование. М., 1992.
Дьячков М.В. 1995 – Миноритарные языки в образовании. М., 1995.
Дьячков М.В. 1996 – Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. М., 1996.
Ермакова О.П. 1994 – Современный молодежный жаргон и его место среди других некодифицированных систем языка // Sprachlicher Standart und Substandart in Südosteuropa und Osteuropa. Berlin, 1994.
Жирмунский В.М. 1936 – Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
Жирмунский В.М. 1969 – Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
Журавлев В.К. 1982 – Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.
ЗВ 1986 – Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика. М., 1986.
Звегинцев В.А. 1976 – О предмете и методах социолингвистики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 35. № 4. 1976.
Земская Е.А. 1979 – Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
*Земская Е.А.*1995 – Просторечие и жаргон в языке русского города // Wielkie miasto: czynniki integrujące i desintegrujące, II. Łodz, 1995.
Земская Е.А., Крысин Л.П. 1998 – Московская школа функциональной социолингвистики. Итоги и перспективы исследований. М., 1998.
ЗРЛЯ 1969–1976 – Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Т. 1–14. М., 1969–1976.
Иванов А., Якубинский Л. 1937 – Очерки по языкознанию. Л., 1937.
Ижакевич Г.П. 1980 – Проблемы функционирования русского языка в близкородственном окружении // Русское языкознание. Вып. 1. Киев, 1980.
Исаев М.И. 1970 – Сто тридцать равноправных (о языках народов СССР). М., 1970.
Исаев М.И. 1979 – Языковое строительство в СССР. М., 1979.
Исаев М.И. 2001 – Словарь этнолингвистических понятий и терминов. М., 2001.
Карасик В.И. 1992 – Язык социального статуса. М., 1992.

Каринский Н.М. 1927 – Язык образованной части населения г. Вятки и народные говоры // Ученые записки Института языка и литературы, III. М., 1927.
Каринский Н.М. 1936 – Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Вавилово. М., 1936.
Китайгородская М.В. 1976 – Вариативность в выражении рода существительного при обозначении женщин по профессии // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. 1995 – Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.
Коготкова Т.С. 1970 – Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
Коготкова Т.С. 1977 – Роль просторечия в процессах освоения говорами лексики литературного языка // Литературный язык и просторечие. М., 1977.
Кондрашкина Е.А. 1986 – Индонезия: языковая ситуация и языковая политика. М., 1986.
Копыленко М.М. 1976 – О семантической природе молодежного жаргона // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
Копыленко М.М., Саина С.Т. 1982 – Функционирование русского языка в различных слоях Казахского населения. Алма-Ата, 1982.
Костомаров В.Г. 1994 – Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
Крысин Л.П. 1986 – Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка // Вестник Академии наук СССР. № 8. М., 1986.
Крысин Л.П. 1989 – Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
Крысин Л.П. 1994 – Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994.
Крысин Л.П. 1997 – О социальной дифференциации современного русского языка // Русистика сегодня. № 3/4. 1997.
Крючкова Т.Б. 1981 – К вопросу о методах социолингвистических исследований // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
Крючкова Т.Б. 1982а – Основные достижения СССР в осуществлении ленинской национально-языковой политики // Актуальные проблемы функционирования языков в социалистическом обществе. М., 1982.
Крючкова Т.Б. 1982б – К вопросу о многозначности "идеологически связанной" лексики // ВЯ. 1982. № 1.
Крючкова Т.Б. 1989а – Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М., 1989.
Крючкова Т.Б. 1989б – Национальное и интернациональное в функционировании и развитии языков // Коммунист Украины. № 9. Киев, 1989.
Крючкова Т.Б. 1994 – Типология языковых конфликтов // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
Крючкова Т.Б., Нарумов Б.П. 1991 – Зарубежная социолингвистика. Германия. Испания. М., 1991.
Кузьмина С.М. 1976 – Вариативность произношения групп согласных // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
Лаптева О.А. 1966 – О некодифицированных сферах современного русского литературного языка // ВЯ. 1966. № 2.
Ларин Б.А. 1928 – О лингвистическом изучении города // Русская речь. Вып. III. Л., 1928.
Ларин Б.А. 1977 – История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
ЛНВ 1981 – Литературная норма и вариантность. М., 1981.
Лукашанец А.А., Михневич В.К. 1988 – Общество – язык – политика. Минск, 1988.
Лысакова И.П. 1981 – Язык газеты: социолингвистический аспект. Л., 1981.
Марр Н.Я. 1934 – Избранные работы. Т. II. М.; Л., 1934. М.
Мечковская Н.Б. 1996 – Социальная лингвистика. М., 1996.
Михальченко В.Ю. 1976 – О некоторых приемах изучения билингвизма в полевых условиях // Методы билингвистических исследований. М., 1976.
Михальченко В.Ю. 1984 – Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс, 1984.

Михальченко В.Ю. 1989 – Социальные и лингвистические параметры двуязычия // Национально-языковые отношения в СССР: состояние и перспективы. М., 1989.
Михальченко В.Ю. 1990 – Языки народов СССР на современном этапе и правовое регулирование их функционирования // Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны. М., 1990.
Михальченко В.Ю. 1994а – Концепции законов о языках в республиках Российской Федерации: проблема социально-лингвистической адекватности // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
Михальченко В.Ю. 1994б – Национально-языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
Михальченко В.Ю. 1994в – Языковые проблемы Содружества независимых государств // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
МНС 1997 – Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. СПб., 1997.
МНСЯ 1993 – Малочисленные народы Севера Якутии: состояние, проблемы. Якутск, 1993.
МСИ 1995 – Методы социолинвистических исследований. М., 1995.
МЯЕ 1997 – Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., 1997.
Насырова О.Д. 1997 – Языковая ситуация в республике Каракалпакстан. М., 1997.
Никольский Л.Б. 1976 – Синхронная социолингвистика. М., 1976.
Никольский Л.Б. 1981а – О предмете и основных проблемах социолингвистики // Развитие на българския език от IX до XX в. София, 1981.
Никольский Л.Б. 1981б – Язык и идейно-политическая борьба // Народы Азии и Африки. 1981. № 2.
Никольский Л.Б. 1986 – Язык в политике и идеологии стран Зарубежного Востока. М., 1986.
НСДЯ 1969 – Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969.
НТР и ФЯМ 1977 – Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1977.
Панов М.В. 1962 – О развитии русского языка в советском обществе (к постановке проблемы) // ВЯ. 1962. № 3.
Панькин В.П. 1994 – Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М., 1994.
ПДМС 1995 – Проблемы двуязычия в многонациональной среде. СПб., 1995.
ПДМСУ 1993 – Проблемы двуязычия и многоязычия в современных условиях. Йошкар-Ола, 1993.
ПИЭИ 1994 – Подходы к изучению этнической идентификации. М., 1994.
ПИЯС 1970 – Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1970.
Поливанов Е.Д. 1927 – О литературном (стандартном) языке // Родной язык в школе. 1927. № 1.
Поливанов Е.Д. 1928 – Русский язык сегодняшнего дня // Литература и марксизм. Кн. 4. 1928.
Поливанов Е.Д. 1929 – Круг очередных проблем современной лингвистики // Русский язык в советской школе. 1929. № 1.
Поляков О.Е. 1993 – Мордовия многонациональная: взаимоотношение языков. Саранск, 1993.
ПЯЖ 1994 – Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М., 1994.
ПЯМ 2000 – Письменные языки мира: языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. М., 2000.
ПЯП 1977 – Проблемы языковой политики в странах Тропической Африки. М., 1977.
РНЯС – Развитие национальных языков в связи с их функционированием в сфере высшего образования. М.
РОУЯН 2000 – Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М., 2000.
РРР 1973 – Русская разговорная речь. М., 1973.
РРЯ 1967 – Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967.
РСРЯ 1963 – Развитие современного русского языка. М., 1963.
РЯ 1996 – Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
РЯНР 1980 – Русский язык в национальных республиках Советского Союза. М., 1980.
РЯСМО 1977 – Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977.
РЯСО 1968 – Русский язык и советское общество. Т. 1–4. М., 1968.

РЯФ 1993 – Русский язык и его функционирования: коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
Селищев А.М. 1928 – Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928.
Сергиевский М.В. 1927 – Проблема социальной диалектологии в истории французского языка XVI–XVII вв. // Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН. Т. I. 1927.
Сиротинина О.В. 1969 – Разговорная речь (определение понятия, основные проблемы) // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
СИБ и ПЯ 1984 – Современная идеологическая борьба и проблемы языка. М., 1984.
Скворцов Л.И. 1977 – Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературный язык и просторечие. М., 1977.
Скворцов Л.И. 1980 – Теоретические основы культуры речи. М., 1980.
Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. 1990 – Языковая ситуация в СССР // Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны. М., 1990.
Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. 1992 – Национально-языковые отношения в России на современном этапе // Языковая ситуация в Российской Федерации. М., 1991.
Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. 2000а – Введение // Письменные языки мира: языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. М., 2000.
Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. 2000б – Русский язык: проблема языкового пространства // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000.
СПРРМ 1996 – Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. М., 1996.
СПРС 1975 – Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.
Степанов Г.В. 1976 – Типологияв языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
СЭСА 1992 – Социо- и этнокультурные процессы в современной Африке. М., 1992.
Тарасов Е.Ф. 1974 – Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы речевой деятельности. М., 1974.
ТПСЛ 1981 – Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
Туманян Э.Г. 1985 – Язык как система социолингвистических систем. М., 1985.
Туманян Э.Г. 1994 – Языковые законы и межнациональные конфликты // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
Филин Ф.П. 1966 – К проблеме социальной обусловленности языка // ВЯ. 1966. № 4.
Формановская Н.И. 1982 – Употребление русского речевого этикета. М., 1982.
ФЯН 1986 – Функционирования языка и норма. Горький, 1986.
Ханазаров К.Х. 1976 – К проблеме взаимосвязи и взаимодействия языков и культур народов СССР // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976.
Ханазаров К.Х. 1977 – Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1977.
Хегай М.А. 1994 – О речевом поведении билингвов // Родной язык. 1994. № 1.
Холодович А.А. 1930 – Марксистская лингвистика и ее "левые" критики // "Звезда". 1930. № 12.
Чернышев В.А. 1978 – Динамика языковой ситуации в Северной Индии (хиндоязычный ареал после 1947 г.) М., 1978.
Черняк В.Д. 1994 – Наброски к портрету маргинальной языковой личности // Русский текст. 1994. № 2.
Шагаль В.Э. 1987 – Языковой аспект национальных процессов в арабских странах. М., 1987.
Швейцер А.Д. 1971 – Вопрос социологии языка в современной американской лингвистике. Л., 1971.
Швейцер А.Д. 1976 – К разработке понятийного аппарата социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
Швейцер А.Д. 1977 – Современная социолингвистика. М., 1977.
Щерба Л.В. 1931 – О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // ИАН ООН. М., 1931.
ЭК 1994 – Этнокогнитология. Вып. 1. М., 1994.
ЭЯС 1995 – Этническое и языковое самосознание. М., 1995.
ЯДЛ 1993 – Языки и диалекты Люксембурга. СПб., 1993.

ЯКОР 1994 – Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
Якубинский Л.П. 1986 – Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.
Янко-Триницкая Н.А. 1983 – Ты и Вы // Русский язык в школе. 1983. № 1.
ЯНС 1966–1968 – Языки народов СССР. Т. 1–5. М., 1966–1968.
ЯПРФ 1994 – Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
ЯРСО 1982 – Язык в развитом социалистическом обществе. Языковые проблемы развития системы массовой коммуникации в СССР. М., 1982.
ЯРСО 1983 – Язык в развитом социалистическом обществе. Социолингвистические проблемы функционирования системы массовой коммуникации в СССР. М., 1983.
ЯРФНЗ 2000 – Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000.
ЯСРФ 1992 – Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. М., 1992.
ЯССА 1975 – Языковая ситуация в странах Африки. М., 1975.
ЯССАА 1967 – Языковая ситуация в странах Азии и Африки. М., 1967.
Bright W. 1966 – Sociolinguistics. New York, 1966.
Dešeriev J. 1973 – Social linguistics // Linguistics. 1973. № 113.
Ferguson Ch.A. 1959 – Diglossia // Word. 1959. № 15.
Kryuchkova T.B. 2001 – Russian as intermediary language in Europe // Sociolinguistica. № 15. Tübingen, 2001.
Marcellesi J.-B., Gardin B. 1974 – Introduction à la sociolinguistique. Paris, 1974.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2002

РЕЦЕНЗИИ

***Н.Б. Вахтин.* Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига.** Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001. 338 с.

Известный петербургский исследователь эскимосского языка и социолингвист Николай Борисович Вахтин выпустил обобщающую книгу по проблеме функционирования и развития так называемых языков народов Севера в XX веке (фактически с 20-х гг. XX в. до современности). Появление такой книги следует признать очень своевременным, поскольку при довольно большом количестве публикаций частного характера у нас до сих пор не было работы обобщающего характера на эту тему. Автор основывается как на имеющихся научных публикациях и данных переписей, так и на собственном опыте экспедиций 70–90-х гг. на Чукотку, Камчатку и в Восточную Якутию.

Книга состоит из двух частей, которые озаглавлены "Материал" и "Анализ и интерпретация". Фактически анализ и интерпретация производятся в обеих частях книги, однако в первой части речь идет исклю-чительно о российских языках народов Севера (НС) (термин явно неудачный: относимые к этой категории удэгейцы живут много южнее белорусов, которых никто к народам Севера не относит; однако никто так пока не предложил взамен ничего другого, а содержание этого термина больших споров не вызывает), а во второй части ситуация в России сопоставляется с аналогичными ситуациями в других странах и выводятся некоторые общие закономерности процессов языкового сдвига, то есть вытеснения одного языка другим.

Безусловно, ситуация с данными языками в XX веке оказалась особенно неблагоприятной. Их носители занимались охотой, собирательством, оленеводством, а общественные отношения у этих народов находились в рамках того, что недавно принято было обозначать немодным теперь, но ничем не замененным термином "первобытно-общинный строй". Если до XX в. народы Севера в основном могли жить так же, как раньше, то в XX в. на значительную часть территорий их проживания пришла современная промышленность и культура, им пришлось активно контактировать с русскими и другими ранее там не жившими народами. Безусловно, эти народы оказались в ситуации "культурного шока", а существование их традиционных культур и их языков оказалось под угрозой. И дело тут было не в особенностях советского строя, как иногда считают. Советская национально-языковая политика 20–30-х гг., по инерции иногда сохранявшаяся и позже, скорее, наоборот, замедлила процесс языкового сдвига. Н.Б. Вахтин справедливо подчеркивает, что очень похожие процессы шли в XX в. и в США, и в Австралии; сходство иногда оказывалось большим вплоть до деталей, например, столь способствовавшее утрате владения языками насильственное помещение детей у нас в 50–60-е гг. в школы-интернаты имело место примерно в те же годы и на Аляске, и в отношении австралийских аборигенов (с. 230–231). Сознательная политика государства может ускорить или замедлить данный процесс, но обусловлен он в первую очередь другими факторами; здесь мы также согласны с выводами Н.Б. Вахтина (с. 227 и др.).

В первой части книги Н.Б. Вахтин подробно анализирует статистический материал по языкам народов Севера, прежде всего по данным переписей с 1926 по 1989 гг. Он справедливо подчеркивает неполноту и ненадежность многих их данных (в разных переписях в разной степени), однако исследователь не может прибегнуть ни к чему другому (добавим к этому, что советские переписи все-таки давали значительный фактический материал, а в большинстве западных стран сейчас господствует "политкорректность", и потому вопросы о языках вообще в переписях не фигурируют).

Анализ переписей безусловно свидетельствует о том, что за исследуемый период для всех народов Севера увеличивалась степень владения русским языком и падало владение исконным языком своего этноса. Если в 1926 г. 0% чукчей и 2% мансей знали русский

язык, то в 1989 г. более четверти чукчей и более 60% мансей вообще не владели своим языком. Конечно, языковой сдвиг происходил у разных народов неравномерно, а для некоторых языков помимо русского их вытесняли и другие, прежде всего якутский, но общее направление все время было одним и тем же, хотя Н.Б. Вахтин справедливо называет данный процесс "сложным, нелинейным" (с. 82). При этом специалисты отмечают, "что реальное владение языками НС (народов Севера – *В.А.*) ниже, чем процент называющих эти языки родными" (с. 87).

Данные переписей автор книги дополняет и корректирует материалами лингвистов и этнографов, особенно собравшей в 60–70-е гг. большой материал группы В.А. Аврорина, и собственными исследованиями. Общий вывод, однако, оказывается тем же самым. Собственные материалы Н.Б. Вахтина и его сотрудников были в основном собраны в 80-е гг. в 13 населенных пунктах Дальнего Востока и Восточной Сибири, где жили чукчи, коряки, эскимосы, эвены, юкагиры, нивхи, ительмены, алеуты, удэгейцы, ненцы. В каждом пункте обследовались либо все жители, либо статистически надежная их группа. На основе их опроса составлялась "лингвистическая биография" каждого из них. В результате выяснилось, что лишь в одном пункте – ненецком поселке Носок – присутствует ситуация устойчивого двуязычия (ненецко-русского), во всех других зафиксирован языковой сдвиг с разной степенью продвинутости (от языка своего этноса к русскому или якутскому).

В последней главе первой части Н.Б. Вахтин рассматривает современную ситуацию, уже не отраженную в переписях, обобщая собственные исследования на Чукотке и частично в Якутии и материал публикаций других авторов. Он отмечает, что "в конце 80-х годов, и особенно после распада СССР, наметилась тенденция к росту престижности титульных языков и соответственно к росту "языковой лояльности" НС по отношению к своим титульным языкам" (с. 187). Однако здесь же автор констатирует, что общая картина перехода "с титульных языков на русский (или якутский)", зафиксированная еще в советский период, в целом не изменилась.

Общее заключение первой части книги в отношении динамики ситуации с языками народов Севера: "от одноязычного состояния в начале века, через зарождающееся в 1930-е – 1940-е годы двуязычное состояние, развитие которого было резко оборвано в середине 1950-х годов, и далее к практически одноязычному состоянию, но уже на новом языке – в конце века. Динамика выглядит как процесс массового перехода НС с титульных языков на русский, минуя (для большинства НС) стадию двуязычия" (с. 191). С такой характеристикой кое в чем можно поспорить. Смена языка не может все-таки происходить совсем без промежуточной стадии двуязычия; несомненно, была она (или существует сейчас) и для языков НС; другое дело – то, что иногда она проходила очень быстро, в течение одного-двух поколений. Кроме того, материал самого Н.Б. Вахтина не показывает, что большинство народов Севера уже дошли до одноязычного состояния на русском или якутском языке. По его собственной классификации, 13 из рассмотренных 24 языков отнесены к группам 1–3, характеризуемым двуязычием для всех или для значительной части населения, а еще для 6 языков (группа 4) двуязычие сохраняется в старшем поколении.

Во второй части книги делается попытка ответить на вопросы: как и почему происходит исчезновение языков? Н.Б. Вахтин изучает обширную литературу по данному вопросу и приходит к выводу о том, что многое здесь по-прежнему непонятно. Вот, например, вполне обоснованное его замечание: "Экономические факторы вполне могут объяснять, почему люди выучивают новый язык, то есть почему люди становятся двуязычными, однако привлечь экономические факторы для объяснения того, почему люди *перестают* говорить на языке, оказывается сложнее" (с. 216). В самом деле, в ситуации, в которой оказались наши народы Севера, индейцы и эскимосы США и Канады, аборигены Австралии, овладение русским или английским языком, по-видимому, неизбежно, но выбор между двуязычием и одноязычием на новом языке все равно остается, а данные Н.Б. Вахтина показывают, что нет прямой связи между степенью хозяйственного освоения той или иной территории и степенью утраты исконного языка этой территории. Еще один пример – полная неясность вопроса о том, влияют ли телевидение и радио на функционирование тех или иных языков и диалектов: одни ученые считают это влияние значительным, другие считают такую точку зрения "чистой фантазией" (с. 202).

Н.Б. Вахтин перечисляет (с. 223–229) факторы, влияющие на языковой сдвиг: число носителей, языковое окружение, тип хозяйственной деятельности, воспроизводство языка (сохранение/несохранение нормального способа передачи языка детям), межнациональные браки, языковая политика государства, наличие/отсутствие письменности (конечно, не все эти факторы взаимо-

независимы). При этом оказывается, что каждый из факторов может быть значим, но влияние их может быть разным и вряд ли можно установить какую-то их иерархию. Сам Н.Б. Вахтин добавляет к этому уже достаточно известному перечню факторов еще некоторые, в том числе "мотивацию ожидания окружающих", но в целом пока вопрос о причинах сохранения или несохранения того или иного языка в неблагоприятных для него условиях явно изучен плохо, и пока нет возможностей для надежного прогнозирования языковых ситуаций. Многие исследователи, включая и автора данной книги, приводили и приводят массу примеров прогнозов, оказывающихся ошибочными. При этом любопытно, что чаще не сбываются прогнозы о скором полном исчезновении того или иного языка.

В связи с этим Н.Б. Вахтин подробно рассматривает один фактор, который, по его мнению, часто приводит к такого рода ошибкам. Этот раздел книги – один из наиболее интересных, но в то же время и спорных. Автор пишет: «Часто бывает, что информанты среднего поколения утверждают, что "забыли язык"; но через несколько лет, когда эти люди оказываются старшим поколением, выясняется, что они вполне способны объясняться на данном языке. Возникает впечатление, что в какой-то момент у старшего поколения на фоне общего для данного языкового коллектива появляется своеобразная "регрессия", возврат к коммуникации на родном языке, который они, казалось бы, давно забыли» (с. 277). В другом месте говорится о навязчивом "мотиве бабушки", обучающей языку в обход родителей, повторяющемся у многих информантов (с. 284), то есть одни и те же женщины не передают исконный язык детям, но передают внукам.

Безусловно, такие факты заслуживают внимания, хотя трудно сказать, насколько они являются общезначимыми. В книге подчеркиваются и другие механизмы сохранения языка, казалось бы, в самых неблагоприятных условиях. Известно, что помимо коммуникативной функции языка существует символическая (иногда говорят о соответственно инструментальной и сентиментальной функциях), например, случай с ирландским языком, почти не использующимся в коммуникации (там господствует английский), но сохраняющим роль национального символа. Показано, что подобные ситуации возможны и у народов Севера.

Особо отмечено в книге, что в последние десятилетия наметился «отход от безусловного принятия новой советской системы ценностей и пробуждение интереса к "своим корням"» (с. 257), что проявилось и в отношении к языку: "пейоративный оттенок принадлежности к НС (а следовательно, и низкий статус языков НС) повсеместно отходит в прошлое как в сознании их носителей, так и в какой-то мере в сознании их социально и экономически доминирующего окружения" (с. 293).

На основе всех этих факторов, особенно последнего, автор в конце второй части приходит к выводам, несколько отличным от того, что сказано в конце первой: языки народов Севера становятся престижными, они «будут поддерживаться общностью, считаться "нашими родными языками" и выполнять свою основную функцию – поддержку этничности, маркирование выделенности группы из других» (с. 294).

Однако думается, что картина, нарисованная в первой части, более соответствует реальности, чем прогнозы в конце второй. Хотя действительно вакуум, образовавшийся после официального отказа от коммунистической идеологии, начал заполняться у многих национальными идеями, но у народов Севера вряд ли идет слишком активно (что видно при сопоставлении ситуации у этих народов и географически близких, но социально отличных якутов и тувинцев). Данные 90-х гг. не позволяют считать, что процесс, шедший весь XX в. в одном направлении, уже пошел вспять. И трудно предположить, что после 2000 г. картина должна столь радикально изменяться.

Это, конечно, не значит, что большинство языков народов Севера обречены на скорое исчезновение; некоторые компенсаторные механизмы, в том числе описанные Н.Б. Вахтиным, безусловно, существуют. Отметим все-таки, что за советскую эпоху отмечают лишь один полностью исчезнувший язык народов Севера – камасинский, а в классификации Н.Б. Вахтина накануне исчезновения находится еще три языка – алеутский, ительменский и керекский (группа 6). Число исчезнувших за это время языков коренного населения в США, Канаде и Австралии намного больше. А в Японии существовал всего один язык, сходный с языками народов Севера – айнский. И он менее чем за столетие прошел все стадии языкового сдвига – от полного одноязычия на нем всех носителей до полной утраты (сейчас его пытаются возродить).

Но встает еще один вопрос, отчасти затрагиваемый в конце книги: как оценивать процессы языкового сдвига, нужно ли сохранять исчезающие языки. Н.Б. Вахтин

специально не обсуждает известные концепции лингвистической экологии, в соответствии с которыми существование каждого языка – самодовлеющая ценность, а задаче сохранения исчезающих языков должны быть подчинены все другие. В целом он явно не следует подобным идеям и в основном занимает вполне трезвую позицию. Однако иногда у него видна излишняя оценочность, например, в описании процесса массового промышленного освоения районов Северной Сибири в 50–60-е гг. (с. 240–242). Конечно, пришлое русское население часто не считалось с местными культурами и языками, относилось к ним пренебрежительно, но вряд ли все эти совершенно естественные экономические и культурные процессы имели только отрицательную сторону.

В итоге Н.Б. Вахтин, используя идеи Н. Трубецкого, приходит к выводу: "неминуемое сохранение (воссоздание) отличий в области языка и культуры – это тот императив, сломать который не способно даже самое варварское давление на языки и культуры народов" (с. 313). Такое заключение на нынешнем уровне развития науки нельзя ни доказать, ни опровергнуть. В истории языков мы имеем много примеров и за, и против него. И в любом случае, конечно, надо учитывать мнение самого народа, которому часто приходится выбирать между сохранением традиционных условий жизни вместе с сохранением прежнего языка и переходом к иной культуре с неизбежной языковой ассимиляцией.

В книге есть и немало других пунктов, с которыми хочется спорить. В целом автор старается объективно оценивать советский период нашей истории, указывая на значительные сходства между ситуациями в СССР и других, в том числе западных странах и весьма негативно оценивая "яростный политический пафос" работ типа подготовленной в Эстонии в 1992 г. "Красной книги языков Российской империи" (с. 51). Он справедливо высоко оценивает деятельность «энтузиастов, захваченных идеей благородной миссии "нести культуру отсталым народам", работавших на Севере в 20–30-е гг.» (с. 238) и в целом положительно характеризует советскую языковую политику тех лет, для народов Севера в основном сохранявшуюся до 50-х гг.; столь же справедливо осуждается и политика "хрущевского" периода, когда детей принудительно отправляли в интернаты, где запрещалось говорить на родных языках. Однако где-то создается "образ врага", не соответствующий действительности. Вот пример: "В реальности рост уровня жизни влечет за собой, как мы знаем сегодня, падение рождаемости. Эта идея была советской идеологии абсолютно чужда: если с ростом уровня жизни люди начинают меньше рожать детей, это означает, что они начинают жить для себя, а не для будущего" (с. 44). Но если в 20–30-е гг. еще могли думать, что в социалистическом обществе демографические процессы должны идти не так, как в остальном мире, то в 60–80-е гг. в советской демографии признание падения рождаемости при росте жизненного уровня уже было общим местом и совмещать этот несомненный факт с советской идеологией вполне умели.

Еще в большей степени такие перекосы свойственны оценкам советской лингвистике в книге. Действительно, советская социолингвистика 60–80-х гг. часто исходила из априорных посылок, иногда противоречивших приводимым здесь же фактам, а в 40–50-е гг. социолингвистики у нас почти не существовало; вполне справедливо и выделение работ В.А. Аврорина и его школы, резко выделявшихся на общем уровне. Однако мы никак не можем согласиться с фразой о том, что в 50-е гг. "о языкознании и тем более о социолингвистике в СССР... говорить трудно" (с. 11); это здесь же иллюстрируется примером: «Сплошной просмотр журнала "Вопросы языкознания" за 1954–1959 годы производит тягостное впечатление». Если это во многом верно относительно социолингвистики, то интересных и серьезных работ по языкознанию у нас и в начале, и в конце 50-х гг. было немало, а уровень публикаций "Вопросов языкознания" за указанные годы мы оцениваем совсем иначе, см. нашу статью в № 1 ВЯ за 2002 г. Автор явно переоценивает упоминаемый им "страшный разгром языкознания в начале 1950-х годов". Последствия выступления И.В. Сталина по вопросам языкознания были и негативными, среди которых была и невозможность заниматься рядом проблем социолингвистики, но многие области науки о языке в это время, наоборот, получили возможность развития. Кстати, ниже вполне положительно оценивается деятельность В.А. Аврорина, бывшая активной (правда, не в области социолингвистики) и в 40–50-е гг.

Среди более частных замечаний укажем на спорность утверждения о том, что многолетняя политика "плавильного котла" в США оказалась неэффективной (с. 227). Утрата американцами разного происхождения родных языков и приобретение ими общего английского языка и общей культуры слишком известны. Отказ же от этой политики в последнее время далеко не полон, а на уровне официальных деклараций он значительнее, чем в реальной практике.

Есть и отдельные фактические неточности. На стр. 24 сказано, что особая статья о малых народностях Севера появилась лишь в 3-м издании БСЭ в 70-е гг., но уже в первом издании энциклопедии (т. 41, 1939) есть довольно большая статья "Народы Севера". Элиас Лённрот на стр. 199 назван "шведским путешественником", но хотя он и писал часть сочинений по-шведски, но был финном, основателем современной финской литературы и изучения финской культуры.

В целом книга Н.Б. Вахтина, не бесспорная в ряде пунктов, несомненно содержит много важной информации о языках народов Севера и вносит вклад в исследование процессов языкового сдвига.

В.М. Алпатов

Е.А. Земская, М.Я. Гловинская, М.А. Бобрик. **Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты** / Отв. ред. Е.А. Земская. Москва; Вена, 2001. 492 с. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 53)

Монография "Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты" представляет собой одно из первых монографических описаний русского языка зарубежья (ср. [Грановская 1995; Andrews 1999]) и первое исследование, описывающее все языковые уровни, различные волны эмиграции в Европе и Америке, охватывающее и устные, и письменные источники материала и включающее анализ языка нескольких поколений отдельной семьи. Авторов объединяет общий подход, предполагающий рассмотрение языковых процессов эмиграции на фоне тех процессов, которые происходят в русском языке метрополии. В качестве информантов используются носители литературного русского языка, выходцы из России или российской части СССР.

Монография состоит из двух частей, написанных Е.А. Земской и М.Я. Гловинской, и Приложения, автор которого – М.А. Бобрик. Идеологию этой работы можно сформулировать так. Если М.Я. Гловинская показывает процессы разрушения русского языка эмигрантов, то Е.А. Земская и М.А. Бобрик берут на себя позитивную часть работы и представляют сохранность русского языка эмиграции. Различия в подходах авторов и используемом материале делают отдельные главы книги взаимодополняющими и не противоречат друг другу: дело здесь в фокусе внимания исследователей.

Первая часть "Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты", выполненная Е.А. Земской, основана прежде всего "на сделанных автором в 90-е гг. магнитофонных и ручных записях устной речи русских эмигрантов разных волн, живущих в пяти странах (Италия, Франция, Германия, Финляндия и США). Дополнительно привлекались данные письменной речи..." (с. 19). Цель этой части книги – "найти корреляции между историческими, социальными, культурными, индивидуальными особенностями и степенью сохранности/разрушения русского языка, выявить факторы, способствующие сохранению русского языка" (с. 20) у различных поколений эмигрантов, преимущественно – представителей первой волны эмигрантов и их потомков.

Исследовательский прием Е.А. Земской – изучение языка отдельных людей на фоне формирующих его социокультурных составляющих. Важнейшее преимущество в интерпретации материала – сравнение его не с кодифицированным литературным языком (а именно это делают все без исключения авторы уже опубликованных работ по русскому языку за рубежом), а с разговорным русским языком метрополии.

Дав краткую справку о волнах эмиграции (глава II), Е.А. Земская рассматривает в отдельных главах экстралингвистические факторы, влияющие на сохранность русского языка эмигрантов различных волн (главы III, VIII), особенности речи эмигрантов первой волны и их потомков (глава IV), явление угасания письменной формы русского языка в среде эмиграции (глава V), функции английской лексики в речи эмигрантов разных волн, живущих в США (глава VI), речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в русском языке (глава VII); глава IX содержит тексты записей, глава X – речевые портреты.

Представляется чрезвычайно важным вывод автора о том, что между речью эмигрантов одной волны, живущих в разных странах, наблюдается бóльшая общность, чем между речью эмигрантов разных волн, живущих в одной стране (с. 257). Этот вывод основан на анализе материала всех языковых уровней. Важно, что наблюдаемая общность касается и такого явления, как разная степень устойчивости (сохранения) русского языка у эмигрантов разных волн. Наибольшее сходство

в языке и речевом поведении наблюдается между эмигрантами первой волны (Там же).

В области фонетики к числу устойчивых признаков относятся корреляции по звонкости/глухости, твердости/мягкости. "Неустойчивые признаки имеют одну общую отличительную особенность: они не релевантны для фонологической системы русского языка" (с. 259). Лексика, наиболее проницаемый для влияния других языков лингвистический уровень, свидетельствует о различиях между волнами эмиграции. Словообразовательный механизм остается активной силой (с. 260). Морфология относится к числу более устойчивых подсистем русского языка, чем лексика и фонетика. Спряжение не подвергается разрушению, "формы числа и глаголов, и существительных функционируют без ошибок" (с. 107). В сфере склонения проявляется экспансия им. падежа, ослабление функций некоторых косвенных падежей, причем эти явления зачастую находят параллели и в языке метрополии (с. 260). Автор говорит о "поразительной стойкости русского языка", причем выделяются особые сферы его сохранения: православная церковь, общение с маленькими детьми и разговоры с домашними животными (с. 264). В то же время "отрицательный языковой материал" позволяет говорить об известном изоморфизме речи эмигрантов и просторечия и речи детей в России (с. 105–106). Отдельные изменения в языке эмигрантов, относящиеся к сфере морфологии, находят объяснение в теории естественной морфологии (с. 108, 260).

Эта часть монографии содержит множество как структурно-языковых, так и социолингвистически ценных наблюдений, каждое из которых достойно обширного обсуждения. Ср. рассуждения о факторах, влияющих на сохранность русского языка (они подытожены на с. 258), размышления о речи эмигрантов как свидетельстве роста аналитизма в русском языке (глава VII).

Первая часть работы представляет и историко-культурный интерес: ср. анализ группы слов, связанных с речевым этикетом (с. 114), особенностей речевого поведения (с. 135), речевые портреты (глава X).

В эту часть книги входит приложение – "Очерк языка семьи", написанный М.А. Бобрик. Очерк представляет собой с чрезвычайной аккуратностью выполненное описание русского языка трех поколений одной семьи, живущей в Германии. Основное внимание автора сосредоточено на создании индивидуальных речевых портретов, а исследовательский пафос заключается в показе сохранности русского языка на фоне ценностной ориентации конкретных носителей языка. Анализируемым материалом послужили магнитофонные записи, сделанные главой семьи в 50-е – 60-е годы, и частная переписка.

Во второй части работы "Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции", написанной М.Я. Гловинской, анализируются особенности языка первого поколения эмигрантов всех четырех волн эмиграции, главным образом на основе письменных источников. К анализу привлекаются носители русского языка с полностью сформированной еще в России русской речью, живущие в различных странах Европы и Америки.

Важнейшее преимущество автора – уже проделанная им аналогичная работа на материале русского языка метрополии (см. [Гловинская 1996]), что дает автору уникальную возможность шаг за шагом и факт за фактом взвесить и оценить наблюдаемые явления кодифицированного литературного языка. Понятно, что использование такого исследовательского аппарата дает надежные результаты.

Цель этой части монографии – установление наиболее подвижных в настоящее время участков русского языка. Как говорится во "Вводных замечаниях" (глава I), "привлечение языка эмигрантов для решения этой задачи дает дополнительные возможности, так как ошибки, повторяющиеся в речи эмигрантов первого поколения независимо от волны и языка окружения и лежащие в том самом русле, что и ошибки метрополии, в такой же мере свидетельствуют об определенной языковой тенденции, что и последние", причем в условиях эмиграции языковые изменения могут проявляться раньше и отчетливее, чем в языке метрополии (с. 341).

Материалом для исследования послужили в первую очередь письменные тексты – главным образом, неопубликованные, а также опубликованные мемуары, художественная литература, эмигрантская пресса и др. (с. 346).

Раздел монографии, выполненный М.Я. Гловинской, делится на две главы: "Явления, общие для языка эмиграции и метрополии" (глава II) и "Специфические явления в языке эмиграции" (глава III). Среди общих явлений – при зачастую опережающем характере процессов, происходящих в языке эмиграции, – названы следующие. Фонетическое явление – предлоги с беглым *о* перед сочетаниями согласных. В морфологии – ослабление формального противопоставления падежей, проявляющееся в путанице флексий родительного и предложного падежей; вытеснение родительного винительным падежом и др.; нарушения в функционировании видо-

временных форм, проявляющиеся в расширении функционирования формы совершенного вида; в сфере синтаксиса – рассогласование по кореферентности субъектов двух предикатов – главного и зависимого (вроде *И давая письма маме, ускорялась их доставка*, с. 398). Отмечена путаница в употреблении личных притяжательных местоимений и возвратного *свой*; утрата терминов дальнего родства. Эти ошибки, общие с метрополией, М.Я. Гловинская назвала ошибками на развивающихся участках языка (с. 475–480).

Помимо общих с метрополией ошибок, М.Я. Гловинская обнаружила и явления, специфические для языка эмиграции. К ним относятся ошибки на "идиоматичных" участках языка. "На идиоматичных участках языка поведение языковых единиц регулируется не общими правилами, а индивидуальными, лексически ограниченными. Такие участки оказываются неустойчивыми к влиянию языка окружения, и на них возникают специфические для эмиграции явления" (с. 480). К идиоматичным ошибкам относится перераспределение существительных по классам singularia и pluralia tantum – в области морфологии, и явления из области синтаксиса словосочетаний: поведение компонентов комитативных конструкций (*Я с мамой пошли в церковь*, с. 404), сравнительных (*гораздо бесполезнейший и глупейший*, с. 405 и др.), сочинительных, временных, пассивных и посессивных конструкций, а также управление слов (с. 481). Самый обширный материал здесь дает лексика в области фразеологически связанной лексической сочетаемости (Там же).

Еще один тип специфических ошибок, отмеченный М.Я. Гловинской в языке эмигрантов, – это ошибки на универсально слабых участках языка. Автор называет их универсальными, потому что они оказываются уязвимыми не только в условиях эмигрантского шока, но и при речевых расстройствах, притом в различных языках (здесь М.Я. Гловинская ссылается на работы Р.О. Якобсона об афазии – с. 481). В первую очередь такие ошибки проявляются в грамматической сфере – в области управления глаголов, у служебных и "строевых" слов, шифтеров. Так, выявлены ошибки в употреблении предлогов, союзов, местоимений (опущение личных местоимений), анафорических слов. К этому же типу относятся ошибки, "возникающие на базе единиц с богатым и сложным модальным значением, например, частиц. Именно на таких участках на русский язык может влиять язык окружения" (с. 482).

Важнейшим представляется следующий вывод автора. При достаточно долгом пребывании в эмиграции уже у первого поколения на определенных участках языка появляются специфические ошибки разрушительного характера. В других известных мне исследованиях, из которых наиболее полное описание русского языка первого поколения эмигрантов представляют собой работы М. Полинской, делается противоположный вывод о том, что структурные языковые изменения представителей первого поколения эмигрантов совпадают с тенденциями языкового развития метрополии, хотя и могут несколько ярче проявляться. Среди таких изменений М. Полинская называет расширенное по сравнению с метрополией употребление им. падежа вместо твор. в именной части сказуемого, вытеснение род. падежа винительным при отрицании и глаголах, традиционно управляющих именем в род. падеже – вроде *просить убежища*, несклоняемость числительных, возрастающий аналитизм в именных конструкциях, вроде *я на тебя удивляюсь*, см. [Polinsky 2000; Polinsky (in press)]. Ср. об этих процессах, общих для языков метрополии и эмиграции, с. 358–361, 363–366 рецензируемой монографии, а также работу [Гловинская 1996].

Мне бы хотелось прокомментировать раздел монографии, написанный М.Я. Гловинской, следующим образом. Явления, отличающие язык эмиграции от языка метрополии, в большом числе случаев представляют собой факты двух типов. Это архаизмы, с точки зрения современного состояния, присутствующие в речи эмигрантов первой волны (как употребление полных и кратких прилагательных в роли предикатов, с. 417), а именно материалы первой волны в основном и использовались автором. И, далее, это явления, развившиеся под влиянием доминирующего в данной стране языка (этим можно объяснить большинство примеров, нарушающих правила распределения слов по разрядам pluralia и singularia tantum, с. 401–403), на что, как правило, указывает сам автор (место постановки отрицания *не* в предложении, с. 409 и сл.; расширенное по сравнению с метрополией употребление пассивных конструкций – архаизм, поддержанный условиями двуязычия, с. 414–416; нарушения в порядке слов, с. 422).

По отношению к современному состоянию языка метрополии собственно инновационных явлений немного. Наиболее ярким кажется опущение местоимений (1, 2 и 3 лица), используемых в качестве подлежащего, представленное в языке всех волн эмиграции и убедительно документированное материалом русского языка из разных стран (с. 427–429).

В монографии в целом читателю представлено большое количество нового материала; по поводу предложенных к обсуждению фактов могут высказываться разные точки зрения. Понятно, что приглашение читателя к дискуссии – это свойство всякого серьезного исследования.

Так, и Е.А. Земская, и М.Я. Гловинская отмечают замедленный по сравнению с современной российской нормой темп речи эмигрантов. Е.А. Земская, анализирующая речь потомков эмигрантов первой волны, относит эту особенность на счет сохранности старой нормы и пишет: "Речь эмигрантов первой волны может быть охарактеризована как литературная разговорная речь, во многом близкая русскому литературному разговорному языку (РЯ) современных жителей России среднего и пожилого возраста. От речи современной молодежи ее отличает прежде всего темп, – эмигранты, как правило, не говорят так быстро, как это свойственно молодежи конца XX века. 〈...〉 Важнейшая отличительная особенность речи эмигрантов первой волны – четкая дикция" (с. 75, 76).

Яркой отличительной чертой речи потомков эмигрантов считает замедленный темп речи и М.Я. Гловинская, которая объясняет это сохранностью старой русской нормы – в то время как "для русского языка в России на протяжении XX столетия засвидетельствована тенденция к увеличению темпа речи. 〈...〉 Убыстрение темпа речи отмечается как характерная черта в развитии многих языков 〈...〉, в том числе и тех, на которых потомки эмиграции говорят как на родных" (с. 342–343).

Замедленный темп речи у эмигрантов различных поколений отмечает и М.А. Бобрик (с. 300, 305, 323).

Однако замедление темпа речи наблюдается и у эмигрантов первого поколения последней волны, находящихся за пределами России – например, в США – не более десяти лет. Можно предположить, что замедленный темп речи и четкость дикции могут объясняться особенностями коммуникативной ситуации, в которой находятся говорящие: это неуверенность в фоновых знаниях и ценностной ориентации собеседников, ведущая к вошедшей в привычку "энциклопедичности" речи, ее максимальной объективации, что проявляется не только в просодии (см. [Осипова 1999; 2002]). Коммуникативными нуждами – неуверенностью в том, что будут верно поняты, – склонна объяснять замедленный темп речи и четкость артикуляции эмигрантов последней волны, живущих в США, и М. Полинская, переехавшая из СССР в США более 10 лет назад: "Непонятно, связана ли утрата редукции и изменения в темпе речи с влиянием определенного варианта русского языка или, скорее, с тем фактом, что говорящие на эмигрантском языке [Emigré Russian] изолированы от своей исходной языковой среды, в которой они могли рассчитывать на полное понимание говорящих с тем же фоновым опытом". Оказавшиеся в условиях эмиграции носители русского языка стремятся, чтобы быть понятыми, говорить более четко и более медленно [Polinsky (in press)]. В речи потомков эмигрантов, вывезенных из СССР детьми и перешедших на английский язык как на основной язык общения, к коммуникативному фактору добавляется неуверенность в собственном знании русского языка. Убедительным аргументом в пользу именно такого объяснения фактов служит то, что те же явления – четкость дикции при одновременном снижении темпа речи – отмечаются и для других языков, функционирующих в иноязычной среде (со ссылкой на [Mühlhäusler 1986: 151] см. [Polinsky (in press)]).

Понятно, что если эти явления отмечены в речи "своего" социума эмигрантов, то при общении с выходцами из России – например, с исследователями – они будут только ярче проявляться. В таком жанре коммуникации дефицит эмпатии (см. о категории эмпатии как необходимой составляющей успешного речевого акта на материале русского языка [Yokoyama 1987; Йокояма 2000] и цитируемую здесь литературу), то есть способности понимать проблемы другого человека, не может компенсироваться даже самым доброжелательным отношением собеседников друг к другу – симпатией.

В то же время нельзя не согласиться с мнением Е.А. Земской и М.Я. Гловинской о том, что речь эмигрантов сохраняет черты архаичности (с. 77 и далее, с. 343 и далее), о чем уже говорилось выше. Известно, далее, наблюдение о том, что в условиях эмиграции происходит остановка в языковом развитии [Haugen 1973: 536]. В связи с этим авторами монографии правомерно ставится вопрос: существует ли в условиях эмиграции – в частности, у потомков эмигрантов (так ставит вопрос М.Я. Гловинская) – разговорный русский язык?

Е.А. Земская отвечает на этот вопрос безусловно положительно. М.Я. Гловинская – положительно, но с оговорками, указывая на промежуточный характер разговорной речи потомков первого поколения: "с одной стороны, они употребляют и разговорные конструкции, ср., например, порядок слов, именительный темы, с другой – широко используют и сугубо книжные конструкции, совер-

шенно нетипичные для разговорной речи метрополии..." (с. 343). Автор высказывает весьма проницательное предположение о том, что «разговорная речь потомков эмиграции характеризуется меньшей глубиной эллипсиса, чем речь метрополии. Между тем именно эллипсис приводит к появлению наиболее ярких и "неправильных" разговорных употреблений; ср., например, широко обсуждавшиеся в литературе примеры типа *Вы не видели / белая собака?* или *Звоните / на лыжах*. Подобные высказывания ⟨...⟩ являются по существу полипредикативными и подразумевают что-то вроде следующего: *Вы не видели, [здесь бегала] белая собака? Звоните, [договоримся, когда поедем] на лыжах*. Отсутствие такого рода "неправильностей" в языке потомков и может создавать впечатление, что они вообще не пользуются русской разговорной речью. Какие-то потери в этом отношении могут возникать даже у первого поколения» (с. 344).

С этим наблюдением нельзя не согласиться. Подчеркнем, что и эта черта речи потомков первого поколения эмигрантов – как и снижение темпа речи и ясность артикуляции – связана с действием социальных факторов: эллипсис возможен только в тех случаях, когда собеседники уверены в том, что будут поняты.

Коммуникативными же нуждами, зачастую не оставляющими говорящим выбора иной речевой стратегии, объясняется и такое яркое явление разговорной речи эмигрантов, как широкоупотребительность вкраплений из языка принимающей страны, о чем пишет М.Я. Гловинская (с. 438). См. об этом на материале языка эмигрантов третьей и четвертой волны в США [Andrews 1999].

Здесь хотелось бы сказать подробнее о действии коммуникативного фактора. По нашим наблюдениям, отсутствие эллипса, как и замедленный темп речи, характеризуют и речь первого поколения последней волны эмигрантов в США. Чтобы прокомментировать эти явления, прибегнем к терминологии О. Йокояма, использующей понятие "импозиции" – приписывания говорящим адресату определенного когнитивного знания без объективных показателей того, что это знание доступно адресату (см. [Йокояма 1992; 2000; Yokoyama 1994a; 1994b]). Импозиция, как правило, не нарушает успешности коммуникативного акта в тех случаях, когда она действует в рамках "своего" модуса коммуникации, объединяющего находящихся в близких отношениях собеседников [Там же]. Именно с импозицией связаны такие явления разговорной речи, как высокий темп речи (О. Йокояма говорит об особенностях аллегрового произношения, см. [Yokoyama 1994a; 1994b]), эллипсис и многие другие [Там же; Йокояма 1992]. Поэтому при общении с "чужими" говорящий, заинтересованный в успешности коммуникации, стремится избежать эллипсиса и говорит медленнее обычного. О. Йокояма противопоставляет "грамматику сдержанности" (grammar of restraint), использующуюся при общении с "чужими", "грамматике близости" (grammar of closeness) – последняя действует в "своем" модусе; восприятие говорящим расстояния между собеседниками последовательно проявляется на различных уровнях языка [Yokoyama 1994a].

Понятно, что социальные отношения и расстояния между носителями русского языка, живущими вне России – в других социумах, отличны от того, что наблюдается в метрополии: далеко не всегда можно угадать, каков социо-культурный опыт говорящего по-русски собеседника; надежда, что будешь понят, часто оказывается иллюзорной. Часто "свой" речевой модус эмигрантов оказывается суженным до пределов семьи. И здесь будет отмечен и нормальный для русского языка темп речи, и эллипсис – из перечисленных выше характерных признаков языка эмиграции останется скорее всего только высокая степень интерференции. Иными словами, несовпадение сферы действия "грамматики сдержанности" с тем, что наблюдается в России, еще не говорит об исчезновении "грамматики близости".

Далее, комментарий к фактам, описанным в монографии, дает не только обращение к русской речи других волн эмиграции и к фактам других языков, переживающих аналогичные процессы. Интересный материал демонстрирует русское просторечие. Как уже отмечалось выше, по наблюдениям Е.А. Земской, просторечие, речь детей и эмигрантов обнаруживают черты сходства (с. 105).

В некоторых случаях в просторечии, как и в речи эмигрантов, сохраняются архаизмы. Речи эмигрантов первой волны свойственно более широкое по сравнению с метрополией употребление пассива – черта литературного русского языка XIX века, сохранившаяся в условиях эмиграции под влиянием западноевропейских языков (с. 100–102, 414–416). Ср. аналогичный материал просторечия: *прислуг нету, **отменено** еще у 1917 год; стояла передовая и все люди **были вигнаны** из хутора* [Козлова, Сандомирская 1996: 90, 142]. По нормам литературного языка следовало бы сказать *отменили еще в 1917 году; людей выгнали*.

И Е.А. Земская, и М.Я. Гловинская пишут об употреблении эмигрантами устаревшей

(с точки зрения современного языка) конструкции – творительного способа действия, свойственном, впрочем, и метрополии (с. 90, 366–368). Кроме фактов из истории литературного языка находим и просторечные параллели: *Люди все на земном шаре одинаковые, все нехотят войны, а что нада С.Ш.А. руководителю Картеру, что он хочет? Неужели Брежнев Л.И. неподелился-бы чиво им нада* ***обменом****, что им нада; зделали мне перевязку и я* ***скорой машиной*** *прыехала домой* [Козлова, Сандомирская 1996: 159, 235].

Явления, роднящие речь эмиграции и просторечие, которые на первый взгляд можно посчитать параллельными инновациями, в действительности могут по крайней мере отчасти объясняться действием прагматических факторов.

Так, Е.А. Земская и М.Я. Гловинская отмечают утрату терминов дальнего родства/свойства – процесс, общий и метрополии, и эмиграции (с. 122). "Язык эмиграции и здесь опережает метрополию, создавая иногда громоздкие аналитические номинации. *И теперь недавно (...) я послала эти реликвии жене Сергея.* ⟨...⟩ Имеется в виду жена ее сына, т.е. невестка. Между тем, это слово хорошо сохраняется в русской речи метрополии", – пишет М.Я. Гловинская (с. 400). В работе М. Лейнонен, указывает М.Я. Гловинская, как пример заимствованного из финского порядка слов приводятся обозначения вроде *моей матери сестры сын* (Там же).

Просторечные употребления свидетельствуют о том, что подобные конструкции широко применяются не только в речи эмигрантов, ср.: *она пошла до* ***мужа сестры Гаши****; Дядя Гриша* ***маменной систры муж Даши*** *ее звали Дарья оны по нации молдоване, приехал по сугробам холоду* [Козлова, Сандомирская 1996: 94, 226]. "Проговаривание" родственных отношений может быть связано не с незнанием соответствующих терминов, а с желанием говорящих подчеркнуть, что речь идет не просто о двоюродном брате, а именно о родственнике со стороны матери.

Ср., далее, замечания М.Я. Гловинской о характерных ошибках в употреблении союзов эмигрантами (с. 461–468) и просторечное употребление *Николай из тестем неполадили на усадьби и он его выгнал* ***несмотря чо*** *у них четверо детей из дома;* ***благодаря*** *небыло никого замной не хто негнался, гоню домой Лидуху* [Козлова, Сандомирская 1996: 102, 225]. По устному сообщению Е.А. Земской, подобные конструкции с *несмотря* нередки и в литературном разговорном языке в России.

Специфическую черту языка эмиграции (как показывают примеры – эмиграции первой волны) составляет следующее явление. Как отмечает М.Я. Гловинская, "в русском языке отрицание ставится перед тем словом, которое отрицается; ⟨...⟩ при языковой интерференции (и в эмиграции, и еще до нее, при русско-французском двуязычии) может происходить перенос отрицания в другое место" (с. 409). Ср. также просторечное *Я* ***недумала*** *сней всю жизьн* ***розговаривать****, да приехал Толик фторой мой сын из женой и просили что-бы мы померилися* ⟨...⟩ *мои сестры тожет с ней не розговаривали что она меня побила* [Козлова, Сандомирская 1996: 126]. Следует сказать, что часть анализируемых в книге письменных текстов написана авторами, не являющимися профессиональными литераторами. Поэтому, возможно, часть ошибок эмигрантов в коммуникативной организации высказывания – такие, как место отрицания или нарушения в соположении темы и ремы (с. 424–425; приводятся примеры из письменной речи эмигрантов первой волны), – вызывается действием именно этого фактора, что подтверждается наличием просторечных параллелей. Как показывают материалы работы [Козлова, Сандомирская 1996] – публикации текста, написанного носительницей просторечия, – и здесь, как и в части анализируемых в книге источников, высказывания строятся так же, как в разговорной, а не письменной речи (ср. об этом по отношению к речи эмигрантов комментарий М.Я. Гловинской, с. 424–425).

Далее, некоторые из отмечаемых как специфически эмигрантские во второй части книги явления, возможно, сформировались еще в России. Сюда можно отнести наименования СССР представителями первой волны эмиграции – *Совдепия*, и *Совок* – эмигрантами третьей и четвертой волн (с. 433–437): ср. *Совдепия* и *Совок* в тюремно-лагерно-блатном жаргоне [Балдаев и др. 1992: 229]. По моим наблюдениям, слово *Союз* по отношению к СССР (ср. с. 436) употреблялось и в метрополии (ср. высказывание, отмеченное в речи москвички в конце 80-х гг.: *Тбилиси / Это мой любимый город в Союзе//*).

Необходимо отметить, что обсуждаемые в книге явления в силу объективных причин отличаются различной степенью проработанности. В некоторых случаях хотелось бы видеть в качестве иллюстраций материал различных стран и волн эмиграции, что добавляло бы приводимой аргументации объяснительную силу. Ведь авторы исследования полагаются на то, что особую доказатель-

ность факты русского языка приобретают в том случае, если они отмечены в языковом окружении разных стран.

В заключение авторы обеих частей книги отмечают следующее. Как пишет Е.А. Земская, не изучены следующие проблемы. "Как именно влияет тот или иной язык страны обитания на язык эмиграции? Какие языки оказывают большее/меньшее воздействие на язык диаспоры?" (с. 267). Что касается языка потомков эмигрантов, усваивающих русский язык в качестве второго языка, или тех, у кого русский язык как первый вытесняется другим языком, то, как отмечает М.Я. Гловинская, эту проблему полезно рассматривать в типологическом аспекте и с позиций языковых контактов (с. 345). В структурно-лингвистическом плане русская речь второго и следующих поколений эмигрантов представляет собой особую проблему (как правило, проблему неполного освоения языка), отличную от проблем, связанных с речью первого поколения эмигрантов.

Важно подчеркнуть, что всякое новое исследование русского языка эмиграции будет проводиться при опоре на результаты, полученные авторами рецензируемой монографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупова И.М. 1992 – Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М., 1992.

Гловинская М.Я. 1996 – Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996.

Грановская Л.М. 1995 – Русский язык в "рассеянии": Очерки по языку эмиграции первой волны. М., 1995.

Йокояма О. 1992 – Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // ВЯ. 1992. № 6.

Йокояма О. 2000 – Эмпатия в рамках трансакционной модели дискурса // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000.

Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. 1996 – Я так хочу назвать кино. "Наивное письмо": опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.

Осипова М.А. 1999 – К изучению разговорного русского языка иммигрантов в США: словообразовательный уровень // Slavia. 1999. Roč. 68. № 1.

Осипова М.А. 2002 – Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 2002.

Andrews D.R. 1999 – Sociocultural perspectives on language change in diaspora. Amsterdam; Philadelphia, 1999.

Haugen E. 1973 – Bilingualism, language contact and immigrant languages in the USA: Recent report, 1956–1970 // Current trends in linguistics. V. 10. The Hague: Mouton, 1973.

Mühlhäusler P. 1986 – Pidgin and creole linguistics. London, 1986.

Polinsky M. 2000 – A composite linguistic profile of a speaker of Russian in the U.S. // The learning and teaching of Slavic languages and cultures: Toward the 21st Century / O. Kagan, B. Rifkin (eds.). Bloomington, 2000.

Polinsky M. (in press) – Russian in the US: An endangered language // Russian in contact with other languages / E. Golovko (ed.). Amsterdam.

Yokoyama O.T. 1987 – Discourse and word order. Amsterdam; Philadelphia, 1987.

Yokoyama O.T. 1994a – Iconic manifestation of interlocutor distance in Russian // Journal of pragmatics. 1994. V. 22.

Yokoyama O.T. 1994b – Speaker imposition and short interlocutor distance in colloquial Russian // RÉS. 1994. V.LXVI. № 3.

М.А. Осипова

***В.Д. Девкин.* Очерки по лексикографии.** М. "Прометей". 2000. 397 с.

Рецензируемые "Очерки" состоят из девяти глав, в которых дается классификация основополагающих толковых словарей немецкого и русского языков [Большой Дуден в 10-и томах (1999) и Большой толковый словарь русского языка СПб (1998)] и рассматриваются CD–ROM-ные версии словарей, словообразовательные, гиперо/гипонимические, градуальные, субстандартные, лингвострановедческие, картинные, юмористические, окказиональные, идиолектные и "неродившиеся" словари (которые еще предстоит создать). Кроме этого, приведена довольно обширная тематически подобранная библиография немецких и русских словарей (с. 358–392), а также три страницы лексикографической афористики.

Все, что публикует В.Д. Девкин, рождалось как итог колоссальной кропотливой работы. Публикации В.Д. Девкина – результат дли-

тельных поисков, скрупулезного собирательства, тщательного фильтрования, что ощущается и ценится особенно теми, кто имеет дело с лексическими сложностями и тонкостями, и далеко не всегда знает ответ на словесные загадки, задаваемые переводческой или лингвистической практикой. Так сложилось, что теория лексикографии в основном сформировалась из критики существующих словарей. Взгляд В.Д. Девкина на словари – это позиция инсайдера, посвященного в их тайны и секреты, кровно заинтересованного в их развитии и совершенствовании, собственным трудом вносящего свой вклад в их рационализацию. Как автор сложнейшего фундаментального немецко-русского разговорного словаря, словаря русской сниженной лексики, проектов русского разговорного словаря, словаря градуального, гиперогипонимического, окказионального, юмористического, В.Д. Девкин предельно конкретен и реалистичен в своих рассуждениях о рационализации словарей. Личные лингвистические вкусы автора не могли не сказаться на отборе проблем и их подаче. Как специалист по строю разговорной речи, он уделил ей основное место, заняв четверть общего объема своей лексикографической монографии.

Русский язык до сих пор не имеет разговорного словаря, хотя сленговые и жаргонные словари в последнее время уже появились. В этой связи следует упомянуть русско-немецкий разговорный словарь З. Кёстер и Е. Ром, который в "Очерках" В.Д. Девкина подвергается анализу. Критика В.Д. Девкиным русско-немецкого разговорного словаря З. Кёстер и Е. Ром конкретна, детальна и конструктивна. Основной претензией оказывается несогласие с принятой ими точкой отсчета: кто применяет приведенную "разговорную" лексику и в каких целях? Предложенная З. Кёстер и Е. Ром – смесь коллоквиальной, фамильярной, вульгарной, простонародной, диалектной лексики, сдобренной окказионализмами (место которым не в общем словаре!) без каких бы то ни было комментариев сильно снижают ценность словаря З. Кёстер и Е. Ром, что и отмечается в критическом разборе В.Д. Девкина.

Автор рецензируемой книги – не противник любого цитирования художественного или публицистического произведения в словарях, а яростный враг цитатной показухи, когда словарь вместо предельно точного и меткого, исчерпывающего иллюстрирования прячется за цитату, маскируется выдержкой из чуждого произведения, лишь очень приблизительно и косвенно касающейся содержательного существа слова. Писатель ценится за оригинальность, за отступление от регулярной нормативности и шаблонности слова. Выхваченность цитаты из контекста, требующей домысливания и фантазирования не украшает словарную статью. Если слово имеет богатую сочетаемость, нет смысла подтверждать цитатой одно случайно выхваченное словосочетание. Цитата хороша своей документальностью, "подписанностью", как говорится в обсуждаемой книге, но плоха неприспособленностью к потребностям словаря. А цитирование третьесортных писателей, уродующих язык, вообще в нормативном словаре недопустимо.

В отличие от многих традиционных лексикографических работ, нередко обращенных к уже сделанному, к прошлому, книга В.Д. Девкина направлена в значительной степени в будущее, к тому, что предстоит реализовать. Это лишний раз подчеркивает ее своеобразие. О недочетах словарей говорится скорее участливо, сочувственно, чем дистанцированно со сгущением негативных оценок и черных красок. Обычно бóльшую часть теории лексикографии посвящают метаязыку словарей и формированию словника. В книге В.Д. Девкина особое место занимает обсуждение сотни словарей немецкого и русского языков в сравнительном плане. Выясняется, что в словарном ассортименте, в основном одинаковом в обоих языках, есть различия: для немецкого языка нет словаря омонимов, словообразовательных элементов, местоимений, звукоподражаний.

Существует взгляд, что юмор "ситуативен и одномоментен". Это безусловно так, но препятствием для лексикографирования быть не должно. Отстаиваемый В.Д. Девкиным статус "фондовых экспрессем" открывает им доступ в словарь. Комизм слова в лексикографии – проблема серьезная, но часто недооцениваемая, особенно в русистике. Большая заслуга В.Д. Девкина в том, что он открывает для нашего читателя жанр юмористических словарей, который вне всякого сомнения треубет бóльшого внимания, чем это до сих пор проявлялось. Им посвящен всего лишь один абзац в известном лексикографическом трехтомнике 1989–1991 гг., изданном в Берлине. "Несерьезные" словари очень многочисленны, их вышло только в последнее десятилетие не одна сотня. Они пользуются большой популярностью. К сожалению, их не приобретают ни немецкие, ни русские библиотеки, и они незаслуженно, подобно мáстерским мультфильмам, быстро сходят со сцены и остаются достоянием любителей развлекательного чтения, в то время как в них есть что почерпнуть и "серьезной"

лексикографии. Богато представленная в этих словарях повседневная тематика – клад для преподавания живого обиходного языка.

Большую ценность представляет девятая глава с перечнем выходных данных важнейших произведений немецкой и русской практической лексикографии. Библиография словарей дана в книге по отдельным разделам языкознания:

1. Словари лингвистических терминов; 2. Словари терминов методики преподавания языков; 3. Энциклопедии лингвистов; 4. Толковые словари; 5. Словари словоупотреблений; 6. Словари грамматических классов слов; 7. Ортологические словари (норм, вариантов, трудностей); 8. Словообразовательные словари; 9. Словари иностранных слов; 10. Идеографические и ассоциативные словари; 11. Синонимические словари; 12. Словари антонимов; 13. Словари омонимов, омографов, гетерографов и паронимов; 14. Фразеологические словари; 15. Афористические словари; 16. Словари разговорной лексики, сленгов, жаргонов; 17. Словари бранной и табуированной лексики; 18. Словари не известного всем лексического захолустья; 19. Словари отдельных авторов и произведений; 20. Двуязычные (общие) словари немецко-русские и русско-немецкие; 21. Картинные словари; 22. Стилистические словари; 23. Словари кинем; 24. Словари за пределами традиционной типологии; 25. Обратные словари; 26. Ономастические словари; 27. Диахронические словари (этимологические словари, словари отдельных периодов, словари неологизмов и архаизмов); 28. Региональные и диалектные словари; 29. Словари частотные и минимумы; 30. Словари и справочники по литературе.

Нельзя не заметить своеобразия языка книги. Он отличается от обычного сухого стиля лингвистического произведения живостью и выразительностью. Кому-то это может показаться отступлением от канонического научного изложения и потому не заслуживающим положительного отношения. Нам же это кажется достоинством.

В целом "Очерки" производят очень положительное впечатление. Однако некоторые, прямо нужно сказать, несущественные недочеты в них все же можно найти. Это некоторая структурная нестройность, неединообразие разделов и глав. Одни главы и разделы выдержаны в стиле рецензий, другие – в виде обзоров, третьи – в виде проектов, четвертые – в виде конкретных примеров решения частных лексикографических проблем. Сопровождение отдельных параграфов библиографией могло бы быть более последовательным: список использованной литературы приводится не во всех случаях, когда его можно было бы ожидать. Иногда встречаются повторы (вернее, параллелизм некоторых положений), которых можно было бы избежать.

К чести автора следует подчеркнуть его озабоченность возможностью применения многих словарных проблем в учебной практике, особенно в языковом вузе. Однако в некоторых главах эту "педагогизацию" можно было бы усилить. Имея в основном интересы в сфере коллоквиалистики, В.Д. Девкин не касался того, что находится за пределами обиходного языка: официальной, научной, политической лексики.

Пять параграфов книги даны на немецком языке, и для тех, кто его не знает, это, конечно, нежелательное препятствие.

Иногда практический анализ отдельных словарей (например, с. 23–35) сбивается на стиль рецензии с упоминанием и малозначительных недочетов.

Хотя предложенная библиография словарей (с. 358–392) подчеркнуто направлена германистам (специализирующимся в области немецкого языка) и русистам, она может оказаться полезной занимающимся общим языкознанием (с. 358–364, 365), методикой преподавания иностранных языков (с. 364–365), литературоведам (с. 391–392).

Вынесение лингвострановедческих словарей в отдельную главу (IV) следовало бы особо оговорить в библиографическом своде.

Об успехе рецензируемой книги свидетельствует то, что тираж уже разошелся.

М.М. Маковский

АЛЕКСАНДР ДАВИДОВИЧ ШВЕЙЦЕР

(1923–2002)

22 января 2002 года ушел из жизни Александр Давидович Швейцер – Главный научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук, профессор, доктор филологических наук. Он был разносторонне одаренным человеком: выдающийся германист, тонкий знаток английского языка, культуры и политики англоязычных стран, Александр Давидович был авторитетным специалистом в целом ряде областей современного языкознания и блестящим переводчиком-синхронистом. Его знали и высоко ценили как талантливого и оригинального исследователя, как в высшей степени интеллигентного и обаятельного человека, интересного, всегда хорошо информированного собеседника, доброжелательного критика и отзывчивого коллегу.

Жизненный путь и научная судьба сложились у Александра Давидовича поистине неординарно.

В годы Великой Отечественной войны Александр Давидович Швейцер как военный переводчик находился в рядах Действующей армии (1943–1945 гг.), был награжден многими орденами и медалями. Знаменательным фактом его биографии стало его участие в качестве переводчика в процессе над главными военными преступниками в Токио (1947–1948 гг.). Об этих событиях Александр Давидович рассказал в свойственной ему живой манере в книге "Глазами переводчика" (1996).

Научно-педагогическая деятельность Александра Давидовича началась в Военном институте иностранных языков (1949–1956); многие годы он работал в Московском Госу-

дарственном лингвистическом университете им. М. Тореза, где он возглавлял кафедру перевода (1956–1972). С 1972 года А.Д. Швейцер стал сотрудником Института языкознания и работал сначала в секторе социолингвистики, а затем – в отделе германских, романских и кельтских языков.

Диапазон научных интересов Александра Давидовича Швейцера был необычайно широким, а его авторитет теоретика и переводчика был несравнимо высок. С его именем неизменно связывают развитие по меньшей мере трех крупных областей современного языкознания – социолингвистики, теории перевода и теории варьирования языковых систем. Он был известен также своими работами по проблемам теоретической грамматики и истории английского языка. Ему принадлежит свыше 150 научных трудов, в том числе 17 монографий, из которых четыре были опубликованы за рубежом.

Своими фундаментальными работами А.Д. Швейцер положил начало последовательному и разностороннему изучению современного английского языка в США и Англии в аспекте национального и социального варьирования. Первостепенное научное значение приобрели такие его труды, как "Очерк современного английского языка в США" (1963), "Литературный английский язык в США и Англии" (1971) и "Социальная дифференциация английского языка в США" (1983), в которых глубокое освещение получили многие проблемы, связанные с историей английского языка в США, с процедурой выделения различительных элементов на отдельных уровнях языковой структуры, с оценкой соотношения общих и специфических признаков английского языка. Впервые в отечественном языкознании глубокому анализу подвергались основные формы социально обусловленной вариативности английского языка в США.

Весьма заметным явлением стал выход в свет книги А.Д. Швейцера "Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы" (1977), в которой освещались многие теоретические вопросы социолингвистики, ее концептуальный аппарат, отношение к семиотике и стилистике, теории перевода, проблемы билингвизма, диглоссии, языковой политики. Книга эта стала хрестоматийной для нескольких поколений лингвистов, ставивших своей задачей объективное описание социолингвистических процессов в истории и современности.

Особенно значителен вклад Александра Давидовича в области перевода. Для оценки масштаба его личности весьма показательным стало удивительное пересечение практической деятельности в качестве высококлассного переводчика-синхрониста с его научными разработками как крупнейшего теоретика перевода. Среди его многочисленных работ по переводу наиболее известной и значительной стала монография "Теория перевода (статус, проблемы, аспекты)" (1988). Переводу Александр Давидович всегда стремился придать статус крупной лингвистической проблемы, которая должна рассматриваться только комплексно – с позиций семантики, семиотики, стилистики, социолингвистики, лингвистики текста.

В течение ряда лет А.Д. Швейцер руководил Комиссией по теории перевода в Институте языкознания РАН; результатом ее работы стали коллективные монографии с участием многих отечественных и зарубежных авторов: "Проблемы перевода текстов различных типов" (1986), "Текст и перевод" (1988), "Перевод и коммуникация" (1996). Многие годы Александр Давидович активно сотрудничал с периодическим изданием "Тетради переводчика", которые с увлечением читают не только переводчики.

Примечательным событием для коллег, учеников и друзей Александра Давидовича стал выход небольшой, но очень насыщенной интересными фактами из его личного опыта книги воспоминаний "Глазами переводчика" (1996). Высококлассный переводчик-синхронист, А.Д. Швейцер неоднократно участвовал в работе крупных международных конференций у нас в стране и за рубежом – в США, Канаде почти во всех европейских странах, в Индии, Монголии. В период "холодной войны" он принимал участие в Пагуошских конференциях (60-е годы), был участником Дартмундских конференций по проблемам отношений СССР и США. В этом качестве А.Д. Швейцер всегда являл собой пример высокого профессионализма и разносторонней эрудиции для переводчиков разных поколений.

Исследования А.Д. Швейцера всегда опережали время, привлекая внимание лингвистов разных направлений тонкими наблюдениями и глубокими обобщениями. Он одним из первых ввел в научный обиход отечественной лингвистики многие продуктивные идеи и концепции видных зарубежных социологов языка (У. Лабова, Ю. Найда, Дж. Лакоффа); он выступал не только их убежденным сторонником, но и беспристрастным, объективным критиком с позиций отечественного языкознания.

В последние годы А.Д. Швейцер продолжал работать в трех, изначально близких для него направлениях лингвистики – теории перевода, социолингвистики и теории национальных вариантов английского языка, подчеркивая их естественную связь между собой, развивая и углубляя

наиболее актуальные и перспективные их аспекты и темы в многочисленных статьях и разделах коллективных монографий. Его всегда привлекали крупные лингвистические проблемы, и, разрабатывая их, он всегда стремился немного опередить общее развитие идей в той или иной научной области. В этом отношении весьма показательны публикации Александра Давидовича последних лет в серии трудов Проблемной комиссии по теории литературных языков Института языкознания РАН: "Вариативность литературного языка и модели формирования его норм (на материале американского варианта английского языка)" (в коллективной монографии "Типы наддиалектных форм языка", 1981), "Система форм существования современного английского языка" (в коллективной монографии "Функциональная стратификация языка", 1985), "Перевод в контексте культурной традиции" (в коллективной монографии "Литературный язык и культурная традиция", 1994), "Роль инновационных и реликтовых элементов в формировании норм кодифицированного литературного языка" (в коллективной монографии "Языковая норма. Типология нормализационных процессов", 1996), "Взаимодействие литературного языка с субстандартной разговорной лексикой в современном английском языке" (в коллективной монографии "Устные формы литературного языка", 1999). Программными стали и другие его статьи, опубликованные в разных изданиях в 80-е годы: "Социолингвистические основы перевода" (Вопросы языкознания № 5 1984), "Теория перевода: проблемы и перспективы" (Вопросы языкознания № 6 1984), "Экзистенциональность и поссесивность в переводе" (совместно с О.Н. Селиверстовой в коллективной монографии "Текст и перевод", 1988), "Языковая ситуация в США" (в коллективной монографии "Социолингвистика и общественная практика", Киев 1988). Последней крупной работой А.Д. Швейцера стала его монография "Контрастивная стилистика (газетно-публицистический стиль в английском и русском языках)" (1993, в переводе на английский язык 2000 г.), которая возникла как результат многолетних наблюдений автора над текстами газетной публицистики, наиболее подверженной интенсивным процессам перемен на уровне языковых характеристик.

Международный авторитет А.Д. Швейцера как лингвиста-теоретика и как переводчика-практика был чрезвычайно высоким на протяжении многих десятилетий. Его научные труды довольно быстро появлялись в переводах на другие языки (прежде всего английский и немецкий), он много писал по-английски и печатался в научных журналах за рубежом. В 1999 г. Александр Давидович стал стипендиатом престижного американского фонда Фулбрайта и работал в американских университетах. Как человек с обширными и глубокими знаниями в области своей специальности А.Д. Швейцер достойно представлял отечественную науку за рубежом и тем самым способствовал развитию и укреплению академических контактов между российскими и американскими учеными.

Александр Давидович Швейцер оставил о себе добрую память в сердцах своих многочисленных коллег, друзей и учеников. Мы глубоко скорбим, потеряв талантливого ученого и истинно благородного человека, и осознаем невосполнимость утраты.

Институт языкознания РАН
коллеги и друзья

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи представляются в двух экземплярах: текст и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке или на компьютере через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

3. Библиография в журнале оформляется следующим образом:

3.1. Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так:

– "Код работы" (фамилия и инициалы авторов, год выхода цитируемой работы), тире, название работы. В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражение типа «и др.» или «et al.».

– Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например:

Успенский Б.А. 1994 – Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

– Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Трубецкой Н.С. 1990 – Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2, 3.

– Если это сборник или иное аналогичное издание, то "кодом" является одно из двух:

а) фамилия и инициалы редактора (или редакторов; допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу, см. выше) с указанием "ред." (для других языков – ed., hrsg. и т.п.) и год;

б) сокращенное название и год.

В обоих последних случаях вслед за ключом после тире указывается полное название работы, а после точки – место, запятая, год издания, например:

Greenberg J. ed – Universals of human language. V. 1. Method and theory. Stanford (California), 1978.

Universals 1978 – Universals of human language. V. 1. Method and theory. Stanford (California). 1978.

3.2. В тексте ссылки на литературу даются в квадратных скобках; фамилия (и инициалы автора, если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно). Например [В.В. Иванов 1992: 34], [W. Jones 1890]. Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа: [W. James 1890a]. Под этим же кодом упоминается данная работа в списке литературы.

3.3. Подстрочные примечания, которые сохраняются наряду со списком использованной литературы, имеют сквозную нумерацию.

4. Непринятые рукописи не возвращаются.

5. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются.

6. Автором публикуемых статей направляется копия наборного экземпляра, который является окончательным вариантом сдаваемого в набор материала; корректура авторам не высылается.

7. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

Статьи, оформленные не в соответствии с указанными выше правилами, к рассмотрению в журнале "Вопросы языкознания" не принимаются.

CONTENTS

Yu.S. Stepanov (Moscow). The functions and some deep properties of language; I.M. Boguslavskij (Moscow). Sandhi in syntax: the puzzle of the Russian phrase *УЖЕ НЕ*; V.I. Šaxovskij, V.V. Žura (Volgograd). Deixis in the light of emotional speech procedures; E.Yu. Protasova (Moscow). The language of Russian press in Finland; **From the history of science**: O.V. Nikitin (Moscow). From the history of linguistic science in 1930–1960 (S.A. Koporskij's exchange of letters with his colleagues); G.F. Blagova (Moscow). The history of Middle–Asian Turkic languages in A.N. Samoilovič's works written after the October Revolution; **Surveys**: V.Yu. Mixal'čenko, T.B. Krjučkova (Moscow). Sociolinguistics in Russia; **Reviews**: V.M. Alpatov (Moscow). *N.B. Vaxtin*. Languages of the people of the North. Sketches of the language shift; M.L. Osipova (Moscow). *E.A. Zemskaja, M.Ja. Glovinskaja, M.A. Bobrik.* The Russian language abroad: general precesses and speech portraits; M.M. Makovskij (Moscow). Sketches of lexicography; **Necrology**: A.D. Schweizer.

Технический редактор *О.Н. Никитина*

Сдано в набор 28.06.2002. Подписано к печати 08.08.2002. Формат $70 \times 100^1/_{16}$
Офсетная печать. Усл. печ.л. 13,0 Усл. кр.-отт. 18,1 тыс. Уч.-изд.л. 15,4 Бум. л. 5,0
Тираж 1364 экз. Зак. 6555
Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Отделение литературы и языка РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, телефон 201-25-16
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6